

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Альманах поэзии

Выпуск 5

Киев 2007

*Не световой, не суетный, не судный –
Единственный свободный день в судьбе,
Когда душа – не крепостная будней,
А выбирает небо по себе.*

*Опять душа... Мешочница. Мишень.
Всё впитываешь, копишь, любишь, жаждешь.
И каждая строка – твой Юрьев день,
Твоё освобожденье – в слове каждом.*

Юрий Каплан

КОНГРЕСС ЛИТЕРАТОРОВ УКРАИНЫ

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Альманах поэзии

Выпуск 5

Киев * 2007

«ЮГ»

ББК84.4 УКР6-5я43

Ю71

Стихи, переводы, рецензии, статьи,
эссе, воспоминания

Редактор Юрий КАПЛАН

Ю71 «Юрьев День» Альманах поэзии. Выпуск пятый.
К.: ООО «ЮГ», 2007. – 248 стр.

Ю $\frac{4702010202}{2007}$ без объявл.

ББК84.4

ISBN 966-7082-03-2

© ООО «ЮГ»

*Поздравляем читателей и авторов "Юрьева Дня"
с выходом пятого, в какой-то степени юбилейного,
выпуска альманаха и по традиции и по законам
гостеприимства открываем его рубрикой*

ГОСТЕВАЯ ВИЗА*

СВЕТЛАНА КЕКОВА

(Саратов)

Светлана Кекова родилась на Сахалине, школу закончила в Тамбове, живёт и работает в Саратове. А познакомились мы с ней в Киеве, в гостиничном номере Бахыта Кенжеева. При знакомстве обменялись сувенирами: Кекова получила в подарок Большую Киевскую и Библейскую антологию, а "Юрьев День" – подборку новых стихов поэтессы.

Добавим к этому, что Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, диссертацию защитила по раннему Заболотскому. Она автор поэтических сборников "Стихи о пространстве и времени" (СПб 1995), "Песочные часы" (СПб 1995), "По обе стороны имени" (М. 1996), "Короткое письмо" (СПб 1999).

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

1.

Если тронуть за горло бутылочку,
заглянуть в аккуратную дырочку
и пытаться смотреть сквозь неё,
то становится нежно, расплывчато,
перламутрово и переливчато
во дворе на верёвках бельё.
А Вселенная знай себе рушится...

* Редакционные врезки – Юрий Каплан.

Лишь бельё безнаказанно сушится,
Задевая дощатый забор.
И в классическом жанре элегии
Зацветают в саду аквилегии
Или, проще сказать, водосбор.

Ты становишься к старости бдительным,
С телескопом своим удивительным
Наблюдаешь движенье планет.
Сквозь стекло голубое, зелёное,
Видишь воздуха море солёное,
В нём плывущие Мальт и Ранет.

Ах, бутылочка, рюмочка, вилочка,
В небе облачко в виде обмылочка,
Глаз кузнечика, бабочки лоб.
И – предложный, творительный, дательный –
Смотрит полдень, как ангел внимательный
На тебя сквозь иной микроскоп.

2.

Лицо к пустому небу обратив,
Любовь застыла, как инфинитив.
Глагол "забыть" стоит в возвратной форме.
Печётся ворон о насущном корме.

Сей вран живёт на нырище. Кумран.
Курбан-байрам. Но пасаран. Айран.
Бей залпом по окрестным букварям,
По океанам, словарям, морям!

Господь нас создал без черновика
И окружил любовью безвозмездной.
Но мы, как испаренья языка,
Уже висим над бессловесной бездной.

3.

Грач летит, озирая окрестности,
Жизнь лежит под могильной плитой.
Что ж ты плачешь, учитель словесности,
Над последней своей запятой?

Падежом откупаешься дательным
От торговцев, барыг и менял
И выходишь в залоге страдательном
К тем, кто молча тебя обвинял.

Говоришь: "Да, виновен отчасти я
В том, что мир безобразен и гол,
Но уже я не в силах причастие
Превратить в переходный глагол".

Льются листья кленовые красные,
Созревают мускат и миндаль,
А в корнях чередуются гласные
И светло улыбается Даль.

4.

Под деревом с листвою красной
Сидят, глядят на дождик дробный
Какой-то зверь волкообразный,
Какой-то жук птицеподобный.

На дереве с листвою жёлтой,
Как на забытом клавишине,
Марш исполняет дятел твёрдый,
Увязнув клювом в древесине.

Могучий дуб с листвою зелёной
Вдоль пышной кроны гонит волны,
Чтоб каждый – пеший он иль конный –
Плясал в лесу под звук валторны.

И человек в солдатской каске,
В очках и чёрной водолазке
Вдруг видит: лишь жуки и слизни
Спокойно спят на древе жизни.

5.

Ворон – рупор народного мнения –
В золочёную дует дуду:
"В сослагательном жить наклонении
Много проще, чем в здешнем аду.

Там для жаждущих мук очистительных
Открывается призрачный фронт,
Где полки молчаливых числительных
За последний идут горизонт".

6.

Я забыла, как на отцовский китель
слёз солёно-горьких лилась река,
только помню, чему нас учил учитель
на уроках русского языка.

Он спрягал глагол, ничего не слыша,
он склонял правительство, осмелев,
а ему внимал Веницковский Миша,
Милошевич Слава и Друскин Лев.

На второй этаж дорогих угодий
он взлетал, не касаясь рукой перил.
И, конечно, звали его – Мефодий.
Был любимый брат у него – Кирилл.

Жизнь летела – сказочна, одинока,
но сложила крылья, попав в сачок.
И сквозь слово "млеко" сияло око,
голубой, славянский горел зрачок.

И кого-то тихо звала обитель,
а кого-то – звёзды и облака,
потому что всех нас любил учитель,
тайнозритель русского языка...

7.

Грубой лепки кувшин, бельевая корзина,
за невытым стеклом – облака...
Что бормочешь ты, как ты живёшь, Мнемозина,
в бесконечном аду языка?

Пожилой табурет или кресло-качалка,
или вытертый клетчатый плед...
Жить вещам в языке неуютно и жалко:
там пространства и времени нет.

Там лишь шаг небольшой от любви до разлуки,
от сверла до степного орла.
Вещь состарилась в слове и съёжилась в звуке,
разболелась, слегла, умерла.

Так давай, Мнемозина, мы выбросим ветошь,
дорогие сожжём словари.
Ах, подруга неверная, что же ты медлишь?
Отвечай, не молчи, говори...

8.

Были римляне добрыми. Злыми
были скиф, и сармат, и монгол.
Держит имя рукою за вымя
бородатый и бодрый глагол.

Имя сделалось бедным скитальцем,
но до смерти ему далеко,
и течёт у глагола по пальцам
голубое, как сон, молоко.

9.

Страшны в вагонах люди спящие,
их сны – как игры ролевые,
их сны – взрывные и шипящие,
сопорные и целевые.

Их сны – мучительно-подробные,
как жизнь согласных в райских кушач,
где и язычные, и нёбные
слились в потоке слёз текущих.

И вот опять на поле бранное
выходит лютой змий ли, волк ли...
Что – фрикативные, гортанные,
вы притаились и умолкли?

Чтоб муки не терпеть напрасные
и грех не предавать огласке,
звучат сегодня только гласные,
дрожат голосовые связки.

ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ

(Москва)

Известный поэт Юрий Ряшенцев пришёл в Цветаевский музей на презентацию Библейской антологии. Там же он дал разрешение на публикацию своих стихов в "Юрьевом Дне". Всё вроде бы по классической формуле: "Пришёл, увидел..."

Любопытна, однако, предыстория этой классической простоты. В Москву я повёз всего двадцать фолиантов. Груз и так получился весьма громоздким и весомым (каждая книга весит более килограмма). И перед началом презентации в зале Цветаевского музея возникла некоторая напряжённость.

"Я хотел бы приобрести у Вас несколько экземпляров" – обратился ко мне подтянутый темноволосый мужчина с благородной сединой на висках.

"К сожалению, не могу Вам сейчас помочь, – отвечаю ему, – у меня ограниченное количество, а я ещё не знаю, сколько придёт авторов. Может быть в конце вечера..."

Мужчина огорчённо хмыкнул и скромно занял место в последнем ряду. Через несколько минут ко мне подошёл один из организаторов презентации Лев Готгельф:

"Пришёл Юрий Ряшенцев. Это удивительно, потому что он почти никуда не ходит. В общем, хочешь, я вас познакомлю".

Читатель вероятно уже догадался, что Лев подвёл меня к моему неудачливому покупателю.

"Вот видите, а Вы даже не хотели продать мне антологию" – обиженно сказал Юрий Евгеньевич.

"Не хотел продавать, потому что хотел подарить" – ответил я.

И начал цитировать:

"Отношения мои с Господом
тяжелы..."

(Честно признаюсь, что стихи далеко не всех авторов, из 363-х опубликованных в антологии, я помню наизусть).

...Выступая на презентации, Юрий Ряшенцев в частности сказал:

"Библейская антология задала очень высокий уровень разговора. Я давно не слышал такого на поэтических тусовках".

* * *

Будни праздников прекрасней.
И, наверное, не зря
день казался длинной басней,
полной милого зверья.

Кот морочил пса цепного,
безмятежно веря в цепь.
А потом наплась подкова
на пологом спуске в степь.

А как рвал с тобой бруснику,
так не чуял я над ней
безответной страсти к мигу
из других, позднейших дней.

Долго буду жить на свете.
Будут всякие деньки.
Но чего не знали дети –
не запомнят старики.

* * *

Виток золотистого ветра
над шапкой из алого фетра.
Прекрасна моя одноклассница!
И полдень – как будто с иконы.
И где-то поют геликоны
иль тубы – какая нам разница!..

Любовь начинается рано.
Как пахнут – внезапно и присто! –
помпоны вязкого шарфика
при схватках за место в беседке,
за птичье перо для беретки,
за нитку воздушного шарика.

О, так эти детские страсти
тянули к нам дерзкие пасти –
щеньячи, но цепкие челюсти,
что после все связи, романы –
их взрослые розы и раны –
всего только отзвук той прелести.

Вот вера, вот истинно вера:
молиться на призраки сквера,
районного сквера тщедушного,
всё слыша в нём взрыв моментальный –
исход неизбежно летальный –
шара надувного воздушного.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭВАКУАЦИИ

Вот припомнился – и некстати! –
узкий двор на бывшем Форштадте,
где лежат на одной пеленке
две синхронные "похоронки",
и ячменной несет бурдой,
неглубокие, а – навеки,
ямки тянутся – след калеки –
на тропинке, где умираем
между флигелем и сараем
в споре свастики со звездой.

Хриплый голос близкой толкучки,
деловитость собачьей случки
и – поверх страданья и блуда –
презирающий взгляд верблюда,
и дырявое шапито –
купный образ поры военной,
небывалой, обыкновенной,
с грозным гласом под небом тыла
Левитана иль Азраила –
что их разнит пока? Ничто.

Это после в державном тембре
заструится к нам жизнь сквозь дебри
польских, прусских местечек, штадтов –
вплоть до логова супостатов
с головешками в бункерах...
Обречённый, кожа да кости,
я не сдохну, но это – после...
Разве будут иные песни?
Разве шпильницы с Красной Пресни
будут плакать о юнкерах?..

* * *

Чай, четвертый День Победы на дворе!
Горько тешится народная обида.
Ох, и ясны прохоря на блатаре...
Ох, занозистый протез у инвалида...

Инвалид не знает удержу в речах,
он ерошит кудри сыну-малолетке
и кричит на весь квартал о стукачах –
да не слушайте вы, лестничные клетки!..

Из-под танка он уполз не целиком,
чтобы согнуться в зарешеченном вагоне...
Пригляди ты, вор в законе, за сынком,
как отцом его займется Вождь в законе.

ШКОЛЬНЫЙ ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Того, что пьют обычно стопкой,
хватив из кружки из пивной,
стеклянный, оловянный, стойкий
солдатик банды выпускной,
я шел сквозь бал. Теловерченье
таило сладостный искус.
В раздельном подлом обученье
был свой кривой, но твердый плюс.

Шарфы с неведомою целью
с девичьих вдруг слетали плеч.
И завуч видел панацею
в том, чтобы классы уберечь
от непредвиденных событий,
верней, предвиденных лишь им,
врагом и знатоком соитий,
объятий недругом большим.

Но он один, а классов много.
И под июньскою луной

в стенах учебного чертога
то знанье познавал иной,
какое в школе нам когда-то
изображали так смешно,
что пестик нынче виновато
глядел с учебного панно.

И школьница в зеленом платье,
мне что-то в ухо лепеча,
на узкой – для начальных – парте,
вонзала ногти в плоть плеча.
Но после оказалось это
к любви не ближе, чем в ту ночь
смотрящие на нас с портрета
тычинки, пестики и проч.

И вышли мы из спальни класса
пустыми. Та же суета,
Глиера вальс иль марш Покрасса
куда-то звал: теперь – куда?
И липовый снежок бурана
скользил по куртке школяра.
И было ясно: рано, рано!
Того ясней: пора, пора!

ТРОФЕЙНАЯ ПЛАСТИНКА

"Скрипки замирали в нюансах, улыбалася ты..."
(Из Петра Лещенко)

Это жизнь была не мёд, но восхищала иногда:
выдавала крупный куш при мелких шансах...
О, какая вдруг вспорхнёт из-под корунда ерунда,
вроде скрипок, замирающих в нюансах.
Генеральша в тридцать лет: повелевающая стать,
очи серые уставшей Ярославны...
Ах, вернуть бы этот бред! Да этих верст не наверстать –
до Коломны, то ли, вроде, до Купавны.

Был у Лещенко Петра какой-то ключик золотой,
открывающий неведомые дверцы.
На коврах настенных фото: берег, солнцем залитой,
иноходцы, инородцы, иноверцы.
Оттого ль, что надоел казённый юг, казённый муж,
иль у золота любви своя обманка,
но в таком слиянье тел нелепо спрашивать у душ,
кто мы с ней и кем мы станем спозаранку.
И сплетались, и сплетались поплыл слог и дивный ритм
под корундовым сучком в башке мембраны!
Каждый жест мой непреклонен, каждый твой – неповторим
мы друг другу и рабы, но и тираны...

Эту шустренькую муть, неукротимый плягерок,
да неужто, услышав, пожмём плечами?
Этот долгий страшный путь вдоль обнаженных светлых ног,
и – ни мудрости в обоих, ни печали.

СЛОБОДСКАЯ МОЛИТВА

Целый день на бечёвках летало бельё,
возносились подптанники к солнцу. А вечером
вороньё прекращало срамное враньё –
распускалась гармонь на колене калеченом...
Бог, прислушайся к "хромке", к фальшивым басам,
к перебранке бездельника с вором и сторожем –
может, в нас Ты поверишь и выживешь сам
в нашем жильном народе, не врущем, так стонущем.
Видишь, тихий стукач за окошком и тот
в заблужденье введён, вот и губит из логова:
сын-то Твой обещался, а сам не идёт,
или это не грех – обнадежить убогого?
Мы, земляне – торговый народ – не гневись:
мы за так, ни за что, и готовы, и рады бы,
да фальшивую "хромкой" фальшивую "жись"
не избыть. Что ж корить нас за скорби и надо бы?..
Ангелок на ампирном кривом флигельке

хулиганит, дурит – сирота, безотцовщина.
А вальсок у безногого в левой руке
хоть куда! Да вот в правой руке – не особенно...
Мы: и двор наш, и флигель, и "хромка", и я –
мы еще постоим, позвучим да помолимся
да в разгар динамического бытия
и водой из-под шины державной умоемся.
Умереть? Но – от гордости иль от стыда?
Воспарить? Но отринешь ли думу законную:
что как в Божьей Вселенной Земля –
слобода:
вчуже сходит и кровь за герань законную...

ТРИДЦАТЫЕ. САД МАНДЕЛЬШТАМА

Лазурь сквозь зелень в сентябре, как в мае, полна безумия.
И там, за парком – там труба хромая дымит Везувием.

В Барвихе – солнце, и дождя ни капли над дачной розою.
А бедный Горький на далеком Капри не ладит с прозою.

А бедный Бедный пьёт среди книжных полок,
не позван к Сталину –
за то, чтоб был он счастлив, здрав и долог,
чтоб – лет до ста ему.

Не помню, право, поздно принесённый в ряды победные,
где М. Голодный, где Артем Весёлый. Но оба – бедные.

Один лишь только везунок, счастливчик с верблюжьим
профилем,
бредёт по стогнам, споеет мотивчик, то глянет нобилем.

Ещё б не нобиль! Через плац и прямо, сквозь тишь
без просыпа,
куда придёт он? К саду Мандельштама, пускай не Осипа.

В Стране Советов глух для всех советов народ Хамовников.
Уж он таков: все знают лишь поэтов – никто чиновников.

Горбатый рок наш, он чему подобен?.. Но густ, хоть режь его,
с хлебозавода, радостен и сдобен, дух хлеба свежего!..

И сушь, и тишь. Но кроной неохотной клён к дубу клонится.
Лишь с плаца слышно: то ли полк пехотный, а то ли конница.

А то ли рока – лёгок на помине – шаги державные.
Так два верблюда, встретившись в пустыне, кивнут, как равные.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Пузатые борта озёрных шлюпок...
Как ветер мая призрачен и крупок,
а дачный кров то зелен, то бордов.
И тихая вода ломает вёсла.
И селезень ведёт себя нервозно
из-за обилья вёсел и бортов.

Лишь он один – реальный штрих режима.
Спокойствие вокруг непостижимо:
непрочно всё, как ломкое весло.
Тиран взбешён. Я жил в дни этой гонки.
Я плыл тогда на чьей-то плоскодонке –
свидетельствую: пахло и цвело.

И патефон, скупая дань пороку,
с кормы играл негромко "Кариоку",
и рыбаки курили "Беломор",
и простирался под нежнейшим ветром
покой, который тем лишь свойствен верам,
какие отрицают nevermore.

ГАЛИНА КЛИМОВА

(Москва)

С поэтессой Галиной Климовой нас познакомила, сначала заочно, Евгения Кузьминична Дейч, вдова легендарного нашего земляка Александра Иосифовича Дейча, сама давно ставшая живой легендой – и Киева, и Москвы. Она передала мне царский подарок – составленную Климовой антологию "Московская муза". Удивительное многоголосие 180-ти обитательниц московского Парнаса открывается почти детским голосом Ксении Годуновой, несчастной дочери воспетого Пушкиным царя.

А при очной встрече на презентации Библейской антологии я получил уже из рук самой Галины Даниловны поэтический сборник "Север – Юг" и сразу обратил внимание, что название включает бренд нашей издательской фирмы, а в состав сборника входит цикл стихотворений "Юрьев День".

Конечно же редакция альманаха не могла пройти мимо этих прямых и неожиданных совпадений и таким образом и состоялся дебют члена Союза писателей Москвы, автора пяти поэтических сборников Галины Климовой на страницах "Юрьева Дня".

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Памяти моего мужа

Юрия Климова

1.

Ушёл,
как последний мартовский снег:
на земле – проталины,
на солнце – свежие пятна.

Живой воды принявший разбег,
ударясь в бега, не свернул обратно.
Какими вратами,
в какое царство,
ушёл без запинки. Кончен завод.

Успел мне в мензурку налить лекарство.
Полночь. Куранты. А сердце не бьёт.

Но как обнадёжил теплом и весной!
И стал мне понятен твой лиственный почерк,
взрывной, многожильный, в потугах почек,
и я – крайней веткою в зелени строчек,
ближайшей... И ты не простился со мной.

2. СОН ПОД БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Говорил:

– Я не умер,
не бойся, не плачь...

Вот уж не думал,
что будешь так обо мне убиваться...
Я просто живу теперь в другом месте,
тут поблизости –

и поднял указательный палец.

– Разве не умер?

А мы тебя схоронили в Ногинске,
я всем позвонила и всех позвала...

– Нет, не умер, я совсем неподалёку...

– А домой вернёшься?

– Нет, не вернусь...Я ведь рядом,
не плачь...

3.

Сны как сезонники –
выход в ночную смену,
честно стояли в глазах или в оконной раме.

Что – дождь по стеклу,

мороз по коже

и марш Шопена,

вдоль и поперек заезженный ветрами?

И крона клена не застит мне свет в окне,

ты когда-то усыновил его, принесся со стройки в субботник...

В белом, зелёном и черном сне
взахлёт ветки его корявые, взхлѣб – соки.

Но тебя нет.

Клѣн твой загнулся, засох. И скоро пойдѣт на дрова.
Он шумел, как и ты, мол, пора со двора.
А я и молюсь, и маюсь не так, как раньше,
когда ты будил меня: ma petite branche.

4.

Заковыристей всякой мороки -
тропка в стельку. Зябко и скользко.
Где-то ветки трещат, и сороки
верещат почему-то по-польски.
Время вышло.

Куда?

На сколько?

Нам останутся даты и сроки:
все последние дни рождения
и Родительские субботы,
и Христово весной Воскресение.

Нас удержат долги и заботы.

5.

Что мельтешить на одном крыле
под носом у Господа Бога?
Каленой слезой закипев на земле,
мне петь,
по зубастой вода пиле
ребром из Адамова бока,
чтоб устоял мой покинутый дом,
где муж был порука,
а сын – отрада...
Но райского сада жива ограда,
хоть решкой луна,
лишь бы солнце орлом!

6.

Жизнь наша бедная – жалость и милость.

Светлана Кекова

И топор, и тротил, и тропарь –
всё в отечестве в славе и силе.
Снится голубь. Проснёшься – сизарь,
и всё горше со слезкой стопарь
на твоей зачерствелой могиле.
Птичья жердочка между дат –
вот где жизнь твоя примостилась...
Мне на летних дорогах примстилась
соль,
каменеющая от утрат,
чтоб наследовать жалость и милость.

Москва – Варна, 2003

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

(Москва)

Секретарь правления Союза писателей России, член Петровской Академии наук и искусств Николай Переяслов родился в Украине, в г. Красноармейске Донецкой области. Его первые публикации увидели свет на страницах районной газеты "Маяк", а затем в журналах "Донбасс" (Донецк), "Слобожанщина" (Харьков), "Вітчизна" (Киев). В 1991 г. в киевском издательстве "Молодь" вышел дебютный сборник стихов Николая Переяслова "Цепная реакция".

Впоследствии стихи, проза, критические статьи нашего земляка печатались в популярных московских и петербургских журналах "Москва", "Октябрь", "Юность", "Молодая гвардия", "Нева", в региональных ежемесячниках на бескрайних российских просторах, начиная от "Севера" (Петрозаводск) до "Дальнего Востока" (Хабаровск), в ближнем и дальнем (США, Германия) зарубежье. Он автор тринадцати книг стихов и прозы, вышедших в издательствах Москвы, Петербурга, Самары, Киева...

Николай Переяслов один из авторов антологии "Библейские мотивы в русской лирике XX века".

Его статьи о Большой Киевской и Библейской антологиях опубликованы в нескольких российских изданиях, в частности в "Литературной газете" (Москва).

В МОМЕНТ ЗАКАТА

Январский лес стоял, как новодел,
зелёной крышей похваляясь смело.
Корой стволов, как яркой медью рдел...
И вдруг, как тумблер щёлкнул – солнце село!

И тут же стала вся лесная глушь –
точь-в-точь колода из трефовых карт лишь!
(Словно Господь – извёл цветную тушь,
оставив в деле чёрно-белый картридж.)

Лишь белый снег – да чёрные стволы
из зыбкой мглы контрастно проступили.
(Как пятерней в следах печной золы
от верха к низу по листу водили...)

Между дерев, как между смутных век,
иду вглубь чащи, точно вглубь колодца.
И лес стоит вокруг – как тёмный век,
в котором вдруг не стало Бога-солнца.

МОСКОВСКОЕ ИНФЕРНО

Гуляет в Москве сквознячок inferнальный.
То сырьё, то серой повеет он вдруг:
похоже, тут первый – ещё неформальный! –
в поэме у Данте пропущенный круг
преддверия Ада: ещё – без мучений,
без бурно кипящих котлов со смолой,
где грешные души маячат, как тени,
платя за несправедность жизни былой.

Здесь все – ещё телом физическим живы,
но смотришь вокруг сквозь мельканье и чад
и видишь, что люди в вагонах – фальшивы
(так лишние руки у Шивы торчат!)
И чуешь: улыбки надеты, как маски,
в застывших зрачках замерла пустота,
как будто никто не слышал тут о Пасхе,
не ведает о воскресенье Христа.

И вдруг понимаешь, как жуткую небыль,
что здесь – мы сокрыты от Божеских глаз;
и хочется выйти скорее под небо –
и стать на виду, чтоб заметил Он нас...

ПОСВЯЩЕНИЕ КОКТЕБЕЛЮ

Коль нету дел – коктейли бей
иль муть реклам с экрана сглатывай.
Но лучше – двигай в Коктебель,
что весь от солнца словно матовый.

Невольно вскрикнув: "Как ты бел!", –
от света взгляд сощуришь истово,
и старый сплетник, Коктебель,
тебе откроет свои истины.

Прислушайся: тут колыбель
стихов, растущих, как горошины.
Не зря ведь помнит Коктебель
хитон художника Волошина.

Остынь, не бегай, как кобель,
ради хлопков аудитории.
Перед тобой – весь Коктебель
и море – аж до Евпатории!

Растает, словно карамель,
мирская слава – хрен ли знаться с ней?

Один друг верный – Коктебель –
здесь ждёт тебя на пыльной станции.

Ну так скажи, каких тебе ль
тут не хватает нынче прелестей?
О Коктебель, мой Коктебель,
очаг поэзии и ереси!..

Гордыня в нас. Но, как на мель,
судьба однажды вдруг нас вышвырнет...
Кто нас подхватит? – Коктебель! –
Лишь он шепнёт нам в ухо: "Выживем!"

Заплачет в сердце коростель,
запляшет шум прибоя в памяти.
И над бедою – Коктебель –
восстанет, как Победы памятник...

* * *

Жить бы нам, веселясь и ликуя,
Но, лишь август заступит в права –

над Москвою поют "Аллилуйя!"
и от жалости никнет трава.

Вновь кочевники топчут просторы
беспробудной Отчизны моей.
А вокруг – лишь державные воры,
рвань да пьянь, да жульё всех мастей.

Нам бы к Господу прямо, без скидок,
нашу боль всю, как есть, донести.
Но висят в небе тени шахидок –
и сбивают молитвы в пути.

LC

Нету веры ни власти, ни Богу.
Всюду ждут не печаль, так беда.
Выхожу я один на дорогу,
а дорога ведёт – в никуда.

* * *

Стало холодно. Дует в окно.
А за ним – как в пещере, темно.

Ни далёкой звезды, ни огня.
Только темень глядится в меня.

Смотрит цепко, колюче и зло...
(Хорошо, что меж нами – стекло!)

Я задёрну окно невзначай.
Отойду. Заварю крепкий чай.

Сяду в кресло поближе к огню...
Я холодную ночь – не виню.

Всё от Бога, что в нашей судьбе:
этот чай, этот ветер в трубе,

эта долгая чёрная ночь,
эта жизнь, уходящая прочь.

Всё – от Бога. Спасибо Ему...
Что ж так горько душе, не пойму?..

ТАМАРА ЖИРМУНСКАЯ

(Мюнхен)

С Тamarой Жирмунской я познакомился в 2003 г. на фестивале русской поэзии в Мюнхене. И был искренне обрадован, увидев её в зале на презентации антологии "Библейские мотивы в русской лирике XX века" в баварской столице в июне 2006 г. А потом произошло самое удивитель-

ное. Получив в подарок Библейскую антологию, Тамара Александровна вручила мне в ответ недавно изданную книгу своих эссе: "Ум ищет божества" (Библия и русская поэзия XVIII-XX вв). Такие вот случаются замечательные совпадения.

Тамара Жирмунская закончила в своё время Литературный институт имени Горького. Автор более десяти книг стихов и прозы, а также многочисленных публикаций в самых авторитетных российских журналах, она не только предоставила редакции "Юрьева Дня" новые стихи, но и прислала экземпляр берлинской газеты "Русская Германия" со своим отзывом о той мюнхенской презентации.

Остаётся добавить, что на страницах нашего альманаха Тамара Александровна публикуется впервые.

* * *

Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем – и бог с тобой!

О. Мандельштам

Иисус, но не Христос, а Навин,
который к солнцу "Стой!" воззвал.
С ним, дерзким, Гавриил Державин
себя недаром рифмовал.
Не жёны, чьей красе семитской
красы небесной отблеск дан,
омытые и древней миквой,
и погруженьем в Иордан,
а их праматери... Не тесно
в шатре, где лишь она и он,
разверсты нежные ложесна,
чтоб множить семя сих племен...
О иудеи! Вас не может
никто спокойно перенести.
Вас будут гнать, корить, корёжить,
петь дифирамбы в вашу честь.
Отец на два тысячелетия
отпустит вас, но у ворот
всё будет ждать: "Я с вами, дети!"
и снова дома соберёт.

Здесь Дух Святой... О нем радея,
опять ковчег воздвигнет Ной,
я полюбила иудея,
и гибну в нём – и Бог со мной.

* * *

Интернет, как перископ,
зорко выдвинут в пространство,
чтоб обнять всю землю, чтоб
не позволить ей распасться.

Счастья нет и мира нет,
но к услугам всех скорбящих
дружеских вестей доставщик:
утешитель Интернет.

Кликну адрес – в тот же миг,
скоростью надмирной теша,
полетит моя депеша
к адресату напрямик.

Там, за тридевять земель,
он вкусит её на ужин
и забудет про метель,
про бряцание оружием.

Мир играет в простачка:
строит рожи, гонит строчку...
Вдруг опять свернётся в точку,
точно до первотолчка?

* * *

Маленькие лилии,
все про вас забыли.
Или вы не лилии –
только запах лилий?
Но цветы невестятся

бледным флер д'оранжем,
после ливня светятся
светом непродажным...
Маленькие лирики,
нет вас в Интернете,
все вы – иксы, игреки
для бездушной Сети,
но, как вы, не верю я
тем, кто судит здраво
о любви; феерия –
жизнь имеет право
стать стихом, приправленным
болью вместо перца.
Писан не по правилам,
но зато от сердца,
кровью, а не лимфою
полон каждый образ.
Век возиться с рифмою –
это ж узколобость!
Вам не до гиперболы
и не до размера.
Всё прошло как не было –
лишь тоска безмерна...
Вы в своем страдании
с Пушкиным на равных,
нету в мироздании
вашим ранам равных.

* * *

Что вместила жизнь моя,
что, прощаясь, вспомню я?

Парту с вырезанной ножиком
репкой сердца.
Солнце с дождиком.
Поболтай в реке ногою,

комара согнав другою...

Что потом?

Потом, из дома
жгучей силою ведома,
в поезд – прыг,
на катер – прыг,
наступает важный миг.

Юг. Истома полнолуныя...

Век спустя Тото Кутунья
не в Пицунде – в Юрмале
спел про страсти юные,
про мужчину с женщиной.
Та пластинка с трещиной...

Что еще?

В канун Крещенья
блюдца странное вращенье.
Круг. По кругу – алфавит.
Дух с живыми говорит.
Он всезнаньем не бравирует,
все вопросы игнорирует
и, увидев наши лица,
заклинает нас молиться...

МЮНХЕНУ

Мёнх... Монах... Начертал Барбаросса
имя города властной рукой.

Мюнхен стал, и расцвел, и разросся,
и поднялся над быстрой рекой.

Все четыре явления ада:
голод, ереси, войны и мор
потрясли основание града,
но не тронули мощных опор.

Макс Йозеф и Людвиг оба*,
сторонясь философских химер,
украшали свой город до гроба
на античный и личный манер.

Если б знать просвещенным владыкам,
пребывавшим в Эдемском саду,
сколь бесславным, плебейским и диким
будет путч в двадцать третьем году!

По вине австрияка-маньяка
и других негодяев больших
завязалась всемирная драка
и остался от Мюнхена пшик.

Починили тебя и собрали,
дивный город у быстрой реки.
Всякой твари впустили по паре,
искупая былые грехи.

Сколько шарма в твоих арапчатах,
геноцид им теперь не грозит.
В телефонах твоих автоматах
мусульманской мочою разит**.

Я сама иноземная гостья
и, входя в католический Дом,
ощущаю себя мелкой костью
в перламутровом горле твоём.

Вижу в день этот раннеосенний
битву зла и добра наяву.
Но до новых твоих потрясений,
слава Господу, не доживу.

* Баварские короли.

** "В телефонах твоих автоматах
Пролетарской мочою разит..." (А. Межиров)

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ БЕК

Чёрно с белым не берите,
"Да" и "нет" не говорите..."

Из детства

– Черный веер из Гранады
принести тебе?

– Не надо.

– Ты ведь радовалась очень
опахалу цвета ночи.

– Там, где я теперь, темно.

Чёрно брать запрещено.

Там, где я теперь, прохлада.

Так что веера не надо.

– Хочешь, мы с тобой вдвоем
в город Вязники махнем?

У фатьяновских соловушек

русской удали займём?

Помнишь лиц круговорот?

Лих владимирский народ.

Ты была такой счастливой

в тот неповторимый год!

– Нет! В летейских коридорах,

нет исхода из которых -

ни окошка, ни дверей -

захлебнётся соловей.

– Ну тогда – иной маршрут.

Прежним радостям – капут.

На потеху важным судьям

европейками будем,

сбросив с плеч российский груз,

посетим обитель муз.

Хороша твоя мансарда,

выше леса, выше сада.

Сядем, потолкуем?

– Поздно!

Там то солнечно, то звёздно,

а у нас без перемен:

тише-мыши, пепел, тлен.

– Хочешь, воскресим дурного,

пьющего, но дорогого

нам обеим человека?

Скоро будет четверть века,

как к нему я приближаюсь

сквозь кладбищенскую залежь.

Гамсуновский Пан, бирюк,

но талант и верный друг.

– Нет, бери его себе!

Он – лишь миг в моей судьбе.

У меня покруче были.

Тот – в горах, а тот – в могиле.

– Что ж ты, Таня, "нет" и "нет?"

Дай хоть раз другой ответ.

– Чтобы "да" я отвечала,

воскреси меня сначала.

ЛЕВ ГОТГЕЛЬФ

(Александров)

Один из основателей и бессменный директор Александровского музея Марины и Анастасии Цветаевых, автор нескольких поэтических сборников Лев Готгельф уже печатался на страницах нашего альманаха.

В 2004-2005 гг. Лев Кивович принимал самое активное участие в организации презентации антологии "Киев, Русская поэзия. XX век" в Центральном доме литераторов, в музее Серебряного века (Дом Брюсова)

и в родном Александровском музее. Не изменились традиции и в 2006 году, когда Готгельф представлял антологию "Библейские мотивы в русской лирике XX века" в Московском музее Марины Цветаевой и у себя в Александрове. Во время пребывания в Александрове мы и договорились со Львом Кивовичем о новой публикации в "Юрьевом Дне".

* * *

Любовь побеждает любого,
Кто просится к ней на постой:
Казалось бы, ты Казанова,
А я ликвидатор простой,
Но после черныбыльской пьянки,
Хоть каждый был выбрит и чист.
Мы так же нужны маркитантке,
Как зонтику аквалангист.

* * *

Мы живём, на бегу отрываясь от дел,
Наша жизнь не простое слипание тел,
А контакт посильнее электро:
Ведь по жилам течёт раскалённая кровь,
Потому что есть алый краситель -- любовь,
Открывающий радугу спектра.

Ты умрёшь, на бегу прикипевший к делам:
Чтоб от них оторвать, разорвут пополам,
Но прольётся не кровь, а кровяца.

Ведь нельзя оторвать, не сжигая дотла,
Потому что от листьев к ветвям вдоль ствола
Тебя держит, как якорь, вращая в тела,
Стержневое твоё корневище.

* * *

Покрылись пятнами обои:
Высасывают стены сырость.
Сегодня нас в кровати двое:
Не зря её купил на вырост.

В огромной маленькой кровати,
Где не хватало только счастья,
Как балерина на покате,
Лежим, разъятые на части.

Ты так кричала вожделенно,
Как все на свете Дафны, Хлои.
Тогда зачем вода сквозь стены
Всю ночь сочилась на обои.

Не нужен мне воды колодец.
В квартире: вёдра, бочки, кадки.
Нас не от сырости колотит:
Озноб лишь от любовной схватки.

В огромной маленькой квартире,
Она сегодня велика мне,
Вода сочится через дыры
Молекулярные из камня.

Вода сочится сквозь обои.
Сейчас на это наплевать нам:
Ведь нас в квартире только двое,
Лежим в объятьи необъятном.

* * *

Туристка, исторгая вопль,
Вверх поглядев, кричит – Ура!
Над головой торчит акрополь,
Живая плоская гора.

И, как всегда, не зная толку
Ни в чём, лишь превращая в пыль
Пространство, тысячные толпы,
Презрев дороги, мнут ковыль.

А там вверху за Парфеноном,
В Москву спеша отправить весть,
Дурак с мобильным телефоном
"Уже, – орёт, – мы, Вася, здесь".

* * *

Ты стоял на пьедестале,
Самый маленький божок,
Но прохожие восстали,
Стёрли камень в порошок.

Был бы лучше ты чугунный
Или бронзовый, как медь,
Никакие в мире гунны
Не смогли б тебя стереть.

Каждый атом нежной кожи,
Каждый квант лучистых глаз
Только пристальной б и строже
День и ночь смотрел на нас.

Что, прохожий: пьёшь помногу?
Это изменный порок.
Над тобой расставит ноги
Новый маленький божок.

* * *

Ты лежишь на газоне,
Проспиртован насквозь,
Сам такой же зелёный,
Как трава-купорос.

Пили то, что покруче,
Снеди тоже гора:
Лягушачья, паучья,
Даже рачья икра.

Начинали в подъезде,
Перешли под забор:
То по сто, то по двести,
То портвейн, то кагор,

То стаканы, то кружки,
То фингал, то синяк.
Рядом наши подружки
Пили – тоже ништяк.

И земли ли вращенье
Или бред в голове,
Но в Аргунском ущелье
На зелёной траве.

ИРАИДА ЛЁГКАЯ

(США)

После выхода в свет антологии "Библейские мотивы..." Ираида Лёгкая прислала мне в подарок два своих поэтических сборника "Попутный ветер" (1968, Вашингтон) и "Подземная река" (1999, Нью-Йорк).

С биографией поэтессы любители поэзии Украины уже знакомы благодаря Библейской антологии.

А на страницах нашего альманаха Ираида Лёгкая публикуется впервые.

* * *

Милая мама я знаю знаю
Что доля твоя была нелегка
Не по тебе ли дожди рыдают
По небу, размазывая облака

Если к тебе слова долетают
Знак подай мне издалека
Легче ли там лучше ли там

* * *

Бабушка говорила
Как топором рубила
Варварами кипучими
Большевиков называла
Переворот шара Земного
она предвещала
Шестерых народила
Старшую скоронила
Двух сыновей могила
Жестокого века горнило –
Дай поесть человеку
Дочку свою корила
Дочка была красивой
Дочка была моей мамой

* * *

Белые церкви Севера
Тонут в сырой земле
Белые церкви Севера
Стонут под гнетом лет
Святые светлые камни
Вопиют к небесам
О поруганных православных
Об истерзанных телах
О живых в землю закопанных
О прибитых живыми к кресту
О расстрелянных об утопленных
О святых которых не чтут
О народе морившем в крысятниках
Своих пастырей и отцов
Почитавшем вместо Распятия

Палачей лжецов подлецов
Белые церкви Севера
Вопиют к небесам
Об ославленных
Уничтоженных
Не сломившимися под ношею
Имена их Ты знаешь сам

* * *

Среди зимы повеяло
смертельным холодом
А кажется не так давно
мы были молоды
Мы были молоды
мы были зелены и зелье пили
И так хотелось
чтобы и нас любили
Зима подкралась
вступила в свои права
Мысли и чувства
замёрзли застыли в слова
Стоим перед могилой
кутаемся в шарф и пальто
У перенала в рай
неизвестность нирвана ничто

РЕЗОНАНС

*Рубрика "Резонанс" представляет
книжные новинки издательской фирмы "ЮГ"
и других издательств, сотрудничающих
с Конгрессом литераторов Украины:
стихи, анонсы, аннотации, рецензии.*

АНАТОЛИЙ ЛЕМЫШ

"Музыка слова", Киев, 2005. 128 стр. Предисловие Юрия Каплана.
Рисунки Сергея Якутовича.

АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК

Ну кто меня сглазил, и зельем каким привораживал?
Каким колдуном я настроен на этот искус?
Но где бы я ни был, какими путями ни хаживал, –
Приводят они на Подол, на Андреевский спуск.

Подол – моя чаша, и счастлив бывал несказанно я,
Когда мог, вернувшись, с Подолом кутить-горевать!
Подол – моя тайна, желанная и окаянная,
Весь век бы ее узнавать – да к другим ревновать!

Порой я не мог выносить твоей ласковой одури –
Бежал от горы, на которой Владимир с крестом!
Ты маски менял, то святым притворяясь, то модою,
Теряя себя, мой Подол, мой Париж, мой дурдом!

Ну что за твоими замашками провинциальными,
За путаницей переулков, домипшек, церквей?
Подол, ты уходишь в свои отраженья хрустальные,
Меня оставляя на улочке старой своей...

* * *

Я пою, как живу, а живу наугад.
Что мне в жизни последним вспомнится?
Все взлетает Андреевский купол в закат,
Да с Подолом никак не расстанется.

Под горою домишки застыли навек,
Как кораблики, бурей помятые.
То ли сил не хватило взобраться наверх,
То ли просто – зачем это надо им?

Я подольскую кровь, своего земляка,
Узнаю сквозь манеры ли, платья ли.
Никогда на Подол не глядел свысока,
Даже если мы с ним и не ладили.

Я пою, как живу, а живу наугад.
Что мне в жизни последним вспомнится?
Все взлетает Андреевский купол в закат –
Да с Подолом никак не расстанется.

* * *

Подол – предчувствие прыжка,
Багровых крыш двойные крылья,
Домов и башен разностилье,
Гора, стучащая в висках.

Подол – гремящий, как трамвай
Уют, замшелый и венозный,
Прохожих древние прононсы,
Базара шумный каравай.

Какие светлые мазки
На теплых пятнах старых красок!
Твой день еще тягуч и вязок,
Но в нем свежеют сквозняки.

И я иду по мостовым,
Хранящим память Святослава,
И уступаю самосвалам,
И черным кошкам дворовым.

НЕЛЬЗЯ БЕЗНАКАЗАННО В КИЕВЕ ЖИТЬ

Нет, это болото не растормошить,
Не взгреть молодецки.
"Нельзя безнаказанно в Киеве жить! –
Воскликнул Жванецкий.

Провинция с пафосом. Мертвая зыбь.
Холопья закваска.
Весь жемчуг души перед нею рассыпь –
Лишь глянет с опаской.

Эх, думал, свалить бы отсюда, и прах
Стряхнуть – и осанна!
"Нельзя безнаказанно..." -
знал ведь, дурак,
До мудрого Жвана!

Всё медлил, вбирая его колдовство,
Травим и врачуем.
Отныне я порчен, я мечен его
Ночным поцелуем.

Пиликай любовь или в башню запишись,
Взлетай в грозовые –
Тебе никуда не сбежать, не спастись
От города-Вия!

Он тянет, как в омут, он манит грешно
Подольскою кручей.
"Нельзя безнаказанно в Киеве..." Но
А где есть – получше?

АЛЕКСАНДР МОРОЗ

"Белый снег на каменной террасе". Издательская фирма "ЮГ",
2006 г. 176 стр. с портретом. Предисловие Владимира Черепкова.

О НАСТРОЕНИИ

Бежать... Куда?
Проститься и придти.
И взгляд ловить,
И мучиться,
И верить.
Обидеть ревностью
И, не сказав
"Прости",
Уйти,
Случайно громко
Хлопнув
Дверью.
Потом опять:
"Как поняла она?"
И чувствовать
Глаза ее
Спиною.
И сознать:
Одна она. Одна.

Ну, что же это
Деется
Со мною?

* * *

Не с нами – сам
Наш август догорает.
Так остро время,
Чувствуешь,
Идёт.

Последний раз
На солнышке играет
Тот лист, что первым
Робко упадёт.
Прозрачней парк.
И лист уже слетает,
Как грусти тень,
На милое лицо.
И лишние слова
(Ты это знаешь),
Печальный взгляд
И ... лишнее кольцо.

* * *

Ревную к взглядам, жестам и словам.
О, Боже мой, какая это мука!
Ну, защити!
А от тебя ни звука.
А может, и не надо...
Я уж сам...

* * *

Я знаю, долго мне не жить...
И зря потерянное слово
Всегда страшит
И тянет, словно
Причинно-следственную нить.
А если всё ж не зря оно,
Не от предчувствия –
Расчета?
За ним вещественное что-то:
На волю узкое окно.
Жестокость выбора сечёт,
Поищешь хитростей спасенье,
Что, мол, и сотни лет – мгновенье,
Коль без тебя они не в счёт.

Я знаю, долго мне не жить...
Одно немного утешает –
Меня тебе (я точно знаю)
Никто не сможет
Заменить.

В КАНУН НОВОГО ГОДА

Ты запомни меня таким
В Голосеевской стылой пуще –
Не до белого, но седым,
Ожидающим
И тоскующим...

* * *

Я не могу забыть тебя. Но разве сказанное ново?
Произнесенное любя, есть только слово.

Только слово.

Я не хотел бы повторять все то, что говорили раньше.
Но страшно право потерять сказать о том,

что будет дальше.

Я уйду, я уйду... В туманной дымке дни и лица,
И потому так дорожу тем, что не может повториться.
Мои года – моя беда, а лишь потом мое богатство.
Я бы его легко отдал за невозможность расставаться.
Но о потерях не скорбя и зная, что не будет чуда,
Я не могу забыть тебя. И не забуду. Не забуду...

* * *

Ты – женщина моя...
Какая бесконечность
Трех слов –
Не заклинаний,
А мечты...
Какая в них
Трепещущая вечность,

Несовместимости единство –
Это ты.
Какая чистота
И страсть горенья.
Какая боль,
Желанная беда.
Какая ложность
Слов моих,
В сравненье
С их смыслом,
Многосложнее "нет... да..."
Оттенки слов
Слабей оттенков чувства.
Не призрачность –
Прозрачность, как слеза.
Ты – Женщина,
Как род того искусства,
Которое
Вовек
Понять нельзя...

**АНАТОЛИЙ ЗАРИЦКИЙ,
ИГОРЬ ЯНОВИЧ**

"Космопоззия-2", "ЮГ", 2006 г. 108 стр. с двумя фотопортретами. Коллективный сборник состоит из двух поэтических книг: "Огонь живых космических лучей" Анатолия Зарицкого (опыт осмысления религии, философии и культуры человечества в его стремлении к добру и совершенству) и "Земной микрокосмос" Игоря Яновича (опыт осмысления обыденности в связи с проявлением внеземной воли).

АНАТОЛИЙ ЗАРИЦКИЙ

НИАГАРА

Э. и Г. Шваецким

По дороге Макдоналдс – Куртье,
где снуют мерседесы и вольво,
про Борисполь напомнила мне
чаша крытой площадки для гольфа*.

Восхищаясь могуществом рек,
жмусь я в дымке холодного пара.
"Ты ничтожен и слаб – человек!" –
грохотала вокруг Ниагара.

Я поверил воде не совсем –
ошарашенный слаженным бытом.
Не знаком был с каскадом проблем
в этом мире – причёсанно-сытом.

Но проехав три тысячи миль –
города, острова за Рокпортом** –
ощутил, будто сдали в утиль
Украину мою – третьим сортом.

Это вызов тебе, мой народ!
Древний дух твой – как мощь Ниагары –
докажи, что и ты не урод,
прояви силу божьего дара!

* Лёгкие архитектурные конструкции для ангарных помещений впервые были предложены и использованы украинским (после эмиграции канадским) архитектором в аэропорту Борисполь.

** Рокпорт – канадский порт на реке Св. Лаврентия по маршруту "тысяча островов".

ШЕСТЬ МУДРЕЦОВ

Всё от Бога – сказал Моисей.
В голове – Соломон внёс поправку.
Только то, что от сердца, – важней:
на сердца Иисус делал ставку...

А по Марксу – всё дело в деньгах:
царь-живот правит миром незримо.
Как известно, нет правды в ногах,
но по Фрейду – она между ними!

Кто же прав из духовных отцов?
Нет, не можем мы жить без кумира!
Но Эйнштейн примирил мудрецов –
знайте: всё относительно в мире!

Головами командует Бог,
а Христос управляет сердцами.
Поглощаем икру и пирог,
а красавиц съедаем глазами!

ПОДАРОК КОСМОСА

Ты налетела – как весна –
неотвратимой мощью вала,
смешала мысли в буднях сна:
"Начни – шептала мне – сначала!"

Родись сначала! Пей до дна –
любви наркотик – не отравла!
В моих признаньях – глубина.
Владей – по праву и без права!

В нас тайна зрелого вина,
настоя нежности – до стона!
Тебя не выпить всю – сполна.
Ты и вершина, и корона!

Обоим шанс был Богом дан,
ты мне дана теперь навеки...
Наверно в Космосе есть план
весной давать на счастье чеки!

ПИШИТЕ

Жизнь принимаю – как игру,
как временный приют.
Там – на космическом ветру –
меня на звёздах ждут.

Последний жизненный рывок.
В смятении душа.
Уходит почва из-под ног.
Взлетаю – не дыша.

Врываюсь в чёрную дыру
сквозь беспросветный свет.
Родных и близких поутру
пусть будит мой привет.

Я покидать вас не хотел.
Любил вас и люблю.
Но тесно в рамках бранных тел
большому кораблю!

Надеюсь, встретимся – к добру! –
нескоро... Не беда!
Пишите: "Космос, точка, ру".
Я с вами – навсегда!

ИГОРЬ ЯНОВИЧ

СТРЕСС

Редактору – женщине

Внезапный стресс перед прочтением "отписки"
настолько труден, что отложен "на потом".
Я благодарен за "посредственно" без визга.
Всего пять строф, а разъяснения – на том!

Здесь две истории – возможных двух болезней.
И наказание за вынужденность чувств.
И – что технически значительно полезней –
поток энергии – от неба и от уст...

Из губ редакторских – любви не ожидаю.
Предвосхитить итоги дружбы – не могу.
Но я хочу – по-человечески – за чаем –
вдруг стать ребёнком и сказать тебе "Агу!"

КРУГ

Мне до смерти – как всем до рожденья –
то ли час, то ли вечность пути...
Безгранично ли стихотворенье?...
Круг замкнулся... Дорогу бути!

Камень к камню – соборное дело!
Постараюсь писать не вразброс.
Раз спираль нас скрутить захотела,
под запором словесный понос...

Лишь в безвременье времечко вечно.
Невозможно мой въезд исключить...
Я прошу Вас, живые, беспечно:
"Не умерьте входящему прыть!"

ТУДА-СЮДА

Я не насытился – обманем оба время!
Туда-сюда, потом сначала, как всегда...
Редеют волосы – всё ближе к небу темя.
В гигантском облаке свисает борода...

Взберусь по ней, держась за рифмы и колечки.
К истокам классики – к гекзаметру идей.
Всё начинается от женщин и от печки,
Но от богов любые сущности людей.

ИЗ СНА

Как из наркоза! Еле вырвался из сна!
А началось с раскатов грома в чистом небе...
Одноэтажка. Ставни заперты. Весна.
И чувство – с детства – размышления о хлебе...

Открыт чердак. Нет потолка. В зенит – дыра.
В полнеба туча. Появилась вроде сверху!
С неё сто хоботов. И в каждом – в смерч – дыра.
Похолодало. Я цыплёнок. Туча – беркут!..

Вниз опустилась. Дом под лапой. Тишина.
Рыдают родственники: "Что же с нами будет?"
Неужто Космос? Здесь пока что не война.
Пока Его дурацким делом не разбудят...

Контакт? Смешно!.. Смотрю сквозь щёлочку в окно.
Там вижу диски, пожирающие землю...
Хотел потрогать, но взлетело НЛЮ...
И было-не было – осталось лишь дилеммой.

ЖУРАВЛЬ И СИНИЦА

Путь – десять лет – в два института напряжений.
Итог – две тысячи рифмованных страниц.
Этапы трудные: провалы от внушений!
Журавлик в небе! В строчках арии синиц.

Их полюбил!.. Но дирижёр забыл про ритмы,
легко стучащие в итогах птичьих сил.
Вдвоём с Пегасом подготовили всем щит мы!
Никто из нас указки клюва не просил.

Возможно спросите: "Важна ли в спорах птица?"
И посмеётесь в кулуарах надо мной...
Её забыл я, но по-прежнему не спится,
когда случайно вижу крылья под луной.

БИБЛЕЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ

"Библейские мотивы в русской лирике XX века". Киев, издательская фирма "ЮГ", 2005. 454 стр. Составители Юрий Каплан, Екатерина Кудрявцева.

В антологии представлены стихи русских поэтов XX века, тематически, образной тканью, ассоциативно связанные с Книгой Книг.

То, что Библиейская антология представлена в рубрике "Резонанс", весьма символично, ибо появление её действительно вызвало широкий резонанс – и не только в Украине. Презентации книги с неизменным успехом прошли в Регенсбурге, Тюбингене, где на семинаре славистики одного из старейших в Европе университетов преподаёт моя коллега-составитель, кандидат филологических наук Екатерина Кудрявцева, в Мюнхене (о мюнхенской презентации написала в берлинской газете "Русская Германия" известная поэтесса Тамара Жирмунская), в Московском

музее Марины Цветаевой и в Александровском музее Марины и Анастасии Цветаевых. На поэтических вечерах в Филадельфии книгу представляли Валентина Синкевич и Игорь Михалевич-Каплан, а в Оттаве – Татьяна Калашникова. Несколько презентаций состоялось в Киеве, на одной из них – в Посольстве Российской Федерации – присутствовали Председатель Украинского парламента Александр Мороз и Посол России в Украине Виктор Черномырдия.

Развёрнутые рецензии на книгу опубликованы в московской "Литературной газете" (Николай Переяслов), в нью-йоркском "Новом журнале" (Валентина Синкевич), в филадельфийском "Побережье" (Марина Гарбер)...

Предлагаем читательскому вниманию статью "Сопротивление чёрному цвету" Марины Переясловой, опубликованную в петербургской газете "Небесный всадник" (№ 5-6 2006 г.)

Государство и литература – это настолько разные и не пересекающиеся друг с другом категории, что порою кажется, будто они существуют на разных планетах или в разных временных измерениях. Так, если мы посмотрим на политико-экономические взаимоотношения между Россией и Украиной, то увидим там только затянувшееся противостояние, время от времени взрываемое то конфликтами вокруг газовой трубы, то войной за остров Тузлу или маяки Крыма, то какими-либо иными межгосударственными скандалами, тогда как в области межлитературного сотрудничества происходят совсем противоположные вещи. Правда, нельзя сказать, что они осуществляются по инициативе или при поддержке государственных властей, но главное, что они происходят. Второй год, например, вручается Международная литературная премия имени князя Юрия Долгорукого (учреждена одноимённым фондом и Союзом писателей России), присуждаемая живущим на Украине писателям, пишущим на русском языке. Кроме того, в 2004 году в московском издательстве "Пранат" в серии "Славянская поэзия XX-XXI веков" вышла в свет под руководством поэта Сергея Гловюка уникальная двуязычная антология украинской поэзии, дающая широчайшее представление о поэтических течениях на Украине в минувшем и начале наступившего века. Ещё годом ранее в Киеве была подготовлена и издана поэтом Юрием Капланом не менее значимая антология "Киев. Русская поэзия. XX век", представляющая всех мастеров поэтического слова, живших в этом городе, работавших в нём или писавших о нём на русском языке...

И вот ещё одна новая веха в развитии русско-украинского поэтического сотрудничества – вышедшая в Киеве антология "Библейские мотивы в русской лирике XX века", составленная Екатериной Кудрявцевой и Юрием Капраном и изданная издательством "ЮГ" в конце 2005 года. За недолгое время, прошедшее с момента своего появления на свет, антология библейских мотивов уже была презентована в университетах германских городов Тюбинген и Регенсбург, а также в Донецке, Луганске, Запорожье, ну и, конечно же, в самом Киеве, где представление этой уникальной книги прошло в российском посольстве при участии Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ на Украине Виктора Степановича Черномырдина и других общественных и культурных деятелей Украины.

Уникальность данной антологии носит, если так можно выразиться, как минимум "двухслойный" характер. Во-первых, конечно, она заключается в том, что открывает российскому и украинскому читателю огромный как по объёму, так и по своей философско-мировоззренческой глубине арсенал стихотворных произведений, касающийся той, мало доступной в былые годы, стороны поэтического творчества, которая описывает взаимоотношения писателя с Богом, его обращение к сюжетам и темам Священного писания, пересказу фрагментов Евангелий и вообще изложению своего понимания Веры. Думается, что предельно не правы здесь те, кто называет данную категорию поэтического творчества "вторичной", мотивируя это тем, что стихи этого рода опираются на уже созданные кем-то ранее тексты Библии или житийных сказаний и потому, дескать, представляют таким образом не столько самостоятельные авторские произведения, сколько копии чужих сюжетов и отражения чужих идей. На самом же деле обращение к библейским темам – это, на мой взгляд, как раз и есть максимальное приближение к исконной сути поэзии, которая изначально и зарождалась как категория адресованных Творцу мира гимнов и песнопений. О том, насколько важно для искусства прикосновение к ветхо- и новозаветным сюжетам, говорит хотя бы не одно столетие существующая в живописи традиция писать картины, посвященные эпизодам из жизни царей, пророков, Святого Семейства, Иисуса Христа и Его учеников, Богородицы и круга христианских святых. Да и русские поэты всех веков тоже постоянно обращались к этим темам и образам, создавая свои "поэтические иконы" Господу, а также Его святым и апостолам.

Второй составляющей уникальности данной антологии является её объединительно-сплачивающий характер, на собственном примере иллюстрирующий благодатность прикосновения к Божественному слову и

попытке следовать ему в своём творчестве. Мало того, что книга включает в себя произведения порядка четырёхсот авторов, принадлежащих разным эпохам, в неё входят также стихи поэтов сегодняшнего времени, разделённых не только границами суверенных государств, но и глубочайшими национальными, идейными и политическими противоречиями. Подтверждая правоту апостольских слов о том, что в свете Божественной любви "нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, но всё и во всём Христос", на страницах Библейской антологии соседствуют Зинаида Гиппиус и Сергей Есенин, Николай Клюев и Евгений Гинзбург, Сергей Клычков и Даниил Ратгауз, Сергей Поделков и Владимир Нарбут, Борис Пастернак и Иван Бунин, Иосиф Бродский и Татьяна Глушкова, Евгений Рейн и Владимир Солоухин, Виктор Соснора и Тимур Зулфикаров, а также множество других, не похожих друг на друга поэтов, в том числе таких известных сегодняшнему российскому читателю авторов, как Юрий Ряшенцев, Анатолий Парпара, Юрий Кублановский, Борис Чичибабин, Игорь Тюленев, Олжас Сулейменов, Светлана Соложенкина, Андрей Битов, Владимир Высоцкий, Николай Дмитриев и другие.

К сожалению, не все из выше перечисленных смогли собраться в московском Музее Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, куда Юрий Каплан привёз на днях экземпляры выпущенной им антологии "Библейских мотивов". Об отсутствии в зале многих из участников этого проекта с нескрываемой горечью вынужден был говорить в своём выступлении поэт Юрий Ряшенцев, сказавший, в частности: "Меня очень удивляет то обстоятельство, что я не вижу здесь почти никого из своих друзей-поэтов. Это говорит о какой-то просто чудовищной разобщённости, царящей в мире сегодняшней литературы..."

Однако стоило только перелистать первые страницы книги, и ощущение разобщённости мгновенно исчезало. Язык поэзии – это действительно универсальная система межнационального общения, а уж язык русской поэзии – это та речь, которая может примирить между собой даже самых непримиримых противников. Да и все эти наши нескончаемые противостояния – не оттого ли они происходят, что мы не читаем пророчества своих поэтов, за много-много лет до наших революций и перестроек видевших все те "грабли", на которые мы наступаем в нашем шествии по истории? Посмотрим, к примеру, на стихотворение Дона Аминадо "Про белого бычка", написанное им в 1920 году с таким удивительным предзнанием нашего будущего, как будто он обладал способностями Мишеля Нострадамуса: "Так протекут и так пройдут года: / корявый зуб поддерживает пломба. / Наступит мир. И только иногда / взорвётся освежающая бомба. / Потом... О, Господи, Ты только вездесущ / и волен

надо всем преображеньем! / Но, чую, вновь от беловежских пущ / пойдёт начало с прежним продолженьем. / И вокруг оси опишет новый круг / история, бездарная, как бублик. / И вновь на линии Вапнярка – Кременчуг / возникнет до семнадцати республик..."

Представляя свою антологию, Юрий Каплан рассказал о процессе работы над ней и о том, с каким воодушевлением она была встречена читателями тех украинских и немецких городов, в которых её удалось представить. У поэта большие планы, касающиеся как расширения объёмов антологии "Библейских мотивов", так и выпуска антологии русских поэтов всей Украины, но это требует огромной работы как по сборанию непосредственно поэтических материалов, так и по единению самих поэтических сил. Для этого Юрий Григорьевич создал и возглавил Конгресс литераторов Украины, в который вошли писатели 19 областей Украины.

К сожалению, миром всё ещё правит не поэзия, а политика, из-за чего наши страны овеваются то кумачовыми, то оранжевыми, то голубыми, то жёлто-блакитными, а то какими-нибудь трёхцветными флагами. Но пока над просторами России и Украины звучат одинаково понятные для обоих народов стихи, остаётся надежда, что эти политические пестроты и многоцветье не поглотятся пугающим чёрным цветом убивающей душу бездуховности.

Юрий Каплан – не политик, а всего только поэт и частный издатель. Но он своими антологиями делает всё возможное, чтобы чёрный цвет никогда не восторжествовал над нашими странами. Как показывает опыт веков, поэзия – лучшая помощница в деле врачевания души Божьим словом. Казалось бы, иной раз – совсем человек погибает, а прикоснётся к чистым православным стихам, и глядишь, как написано в стихотворении Анатолия Парпары, с ним произошло чудо: "И ангел слетел и коснулся чела, / и гордость навеки из сердца ушла. / Смягчилась душа. Потеплели глаза. / И в синюю бездну вошли небеса. / Теперь он спасён. И пока будет жить, / о ближнем и дальнем душа будет стыть". Это стоит того, чтобы отрывать время и силы от собственного творчества и тратить их на издание подобных книг.

МЕНЮ ПО-КИЕВСКИ

ЕКАТЕРИНА КВИТНИЦКАЯ

РОДСТВЕННЫЙ КВАДРАТ

1.

Я – рыцарь, лишённый детства.
Мне некуда было деться,
Когда возвращалась мама
Со службы, какой – незнамо,
Со службы своей служивой,
Наверно – как мама – лживой...

Я пряталась под роялем.
Меня берегли бемоли.
Они-то, как видно, знали,
Как много приму я боли...

А мать была беспощадна.
А мать была истерична.
Потом уже своеобразно
Её посылало чадо,
При том обзывая лично –
Привычно и непечатно...

2.

Ах батя, батя, батя,
Е... твою в качель,
Каким таким набатом
Или трубою чьей

Воззвать тебя из гроба,
Развернути глаза?
Ведь мы-то знали оба:
У нас одна стезя...

Пошли б, замшелый дервиш,
(Снег сыплет, дождик льёт),
Авось тогда удержишь
Всё это шакальё.

И – сам когда-то падкий
На рыхлый хлам-уют, –
Волков отгонишь палкой,
Рогатиной – змею.

Презришь мошну, кубышку,
Заначку и кошель.
И о своей, о бывшей,
Вспомнишь о душе.

Бродячий странник-инок
Шагает на авось.
То – мордюю в суглинок,
То – задницей в навоз.

А вещи – даже тыщи –
Не стоят ни шиша.
Пошли бы – ветер свищет,
Вздывается душа...

В руке – корявый посох,
А в брюхе – отрубя.
Какой прекрасный способ
Испытывать себя!..

3.

Спросят: откуда пришёл ты?
Кем старшим ведом ты?
Мне же – во времени детском
и в возрасте старом –
Мамина тяжесть
(у мамы стопа мастодонта)
Страху нагнала –
нет-нет и ошпарит кошмаром...

Лучше уж в пѣтлю, в нору,
в летаргический сон бы,
Мёрзнуть в чулане
иль в донном упрятаться иле.
Только – уйдите! пустите!
Я вовсе не зомби!
...Всё вспоминаю:
ах, как меня в детстве любили!..

4.

Гуртом обмоют и помажут миром,
И окропят водицею святой,
Поскольку зажилась я в этом мире,
Где родилась я круглой сиротой.

Я стану закопаемым полезным.
Вернее, трупом стану воднова.
Не вдругорядь. И это даже лестно,
Что мною не побрезгует трава.

Что не придут инкубы и суккубы*
Скубать, сугубо волю отнимать.
Что травы будут щедры, а не скупы,
И всё простят – не как отец и мать.

* * *

Родилась я по случаю
в дружной семье земноводных.
Инкубатор мой полон
отменных змеиных яиц.
В хилых виршах моих
рифмы плохи, а выводы – вводны.
И горчичная пыль
залетает в глаза со страниц.

*Инкубы и суккубы – демоны
в средневековой христианской мифологии.

Доводилось шустрить
среди воров, проходимцев и выжиг.
Пропивать свою душу,
не очень заботясь о ней.
Но зато меж рептилий
случилось мне всё-таки выжить,
Чтоб смиренно и нежно
собак обожать и коней.

ВЛАДИМИР ЧЕРЕПКОВ

ПОМИНАЛЬНЫЕ СЛЁЗЫ

*Другу моему
Габелеву Марку Владимировичу
заслуженному учителю Украины,
п о с в я щ а ю*

Май не продан, не предан.
Ветераны – в слезах,
Но ликует Победа
С мирным небом в глазах.
В парке звуки оркестра
Оборвал соловей...
Серо-бурый маэстро,
Мир любовью овей!
Вот жених! Вот невеста!
Ну, давай порезвей!..
Почему неуместно
Плачет старый еврей?
Заждалась соловьяха...
Май, беду отведи!
А старик очень тихо,
Еле слышно: "Воды..."

31 октября 1941 года был оккупирован г. Артёмовск. Комендантом в городе был назначен ставленник зондеркоманды майор фон Нобель, который планомерно выполнял задания вермахта по уничтожению евреев. 19 ноября 1941 года Нобель издаёт приказ, в котором обязывает всех евреев зарегистрироваться в комендатуре и носить на правой руке повязку. 7 января 1942 года по городу расклеили объявление, опубликовали его в газете "Бахмутский вестник":

"Обращение к евреям Бахмута"

1. В целях изолированного размещения, все евреи г. Бахмута, мужского и женского полов, всех возрастов, должны в пятницу 9 января в 8 часов утра собраться в помещении бывшего железнодорожного НКВД в парке.

2. Каждому лицу разрешается иметь с собой багаж в 10 кг, а также запас продовольствия на 8 дней.

3. На вышеупомянутом месте сбора должны быть сданы ключи от квартир с указанием фамилии и адреса (улица, № дома) владельца квартиры. Вход в пустые еврейские квартиры или изъятие каких-либо предметов оттуда со стороны гражданского населения рассматривается как грабёж и карается смертью.

4. Противдействие данному постановлению, в особенности неточная явка или отсутствие на указанном месте сбора, наказывается строжайшим образом.

5. Евреи, состоящие где-либо на работе, должны уволиться.

Городской голова. Бахмут 7. 01. 1942г.

(Сборник "Артёмовский Бабий Яр")

В сборном пункте началось непонятное... Все вещи у людей забрали некоторых избивали дубинками. Загнали свыше 3-х тысяч человек в подвалы бывшего железнодорожного НКВД. Три дня людям не давали ни воды, ни пищи. Крики и стоны были слышны далеко в городе. Дети кричали: "Пить, пить!".

(Из воспоминаний очевидцев)

Город древний мой, помнишь

Боль военной беды?

Из подвалов одно лишь

В сотни глоток:

"Воды!"

Смерти

шум – не помеха.

Обречённые дни.
Ёлки в пубах из снега
Сквозь решётки видны...
А вокруг
(так уж вышло?) -

Полицаев ряды.
И уже еле слышно -
Из подвалов:
"Во-ды!"
Ребятишки-пострелы
Норовили тайком
Под угрозой расстрела
Метко бросить снежком...

Шум, как после обвала.
Память – наш поводырь.
До сих пор
из подвалов
Слышно эхо: "В-о-д-ы..."

А потом – безвоздушная тьма...
Честь
безвинно погибшим
отдайте!

Протоколов судебных тома
И в аду не придумал бы Данте.

В двух километрах к востоку от города Артёмовска, в туннеле карьера Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре её свободны от трупов. Все они тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры...

Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел...

По показаниям жителей города Артёмовска, 9 февраля 1942 г. в заброшенную выработку алебастровых карьеров было загнано несколько

тысяч людей, имевших с собой мелкие домашние вещи и продукты питания.

По мере того как пещера заполнялась людьми, они расстреливались в стоячем либо в коленопреклонном положении: пригонялась другая группа, которую убивали на груде трупов умирающих, и тела убитых нагромождались в несколько рядов.

Некоторые люди пытались убежать от убийств и, давя друг друга, погибали в ужасных мучениях... (М., "Юридическая литература", 1991, т.5, "Преступления против мирного населения", стр. 159–160 материалов в 8 томах)

"Когда пробили стену камеры № 46, осветили факелами, то увидели жуткое зрелище: огромный, около 1000 кв. м подземный туннель, наполненный трупами. Осталась свободной только узкая дорожка, дальше пройти было невозможно – всюду трупы и трупы. Трупов было тысячи, они мумифицировались.

Трупы сидят, полулежат, стоят на коленях, застыли в той позе, в которой застигла их смерть. Вот стоят, обнявшись, муж и жена, Шая и Ба-ся Вахсман с детьми – дочерью Марией и сыном Мишей. Даже смерть не разлучила их. Вот женщина, лет 30-ти, сидит на каком-то узле. Здесь же мать обхватила обеими руками маленькую девочку; другая мать крепко прижала костлявыми руками грудного ребёнка. Двое малышей, лет 5-6, одетые в тёплые пальтишки, стоят на коленях, уткнувшись головками в дедушкины ноги..."

(Из газет)

Вместо камеры смерти сегодня – Стена.*
Силуэты любимых, где каждая – Ева!
Под землёй холодит,
Но потеет спина.
И от страха, конечно, а больше – от гнева...
Помним мёртвых ряды... Сколько трупов седых?!
Кости.
 Кожа.
 Игрушки.
 Посуда.
 Одежда.
И живых
 на ногах
 держит только надежда
Что узнают среди убиенных
 своих...**

Желтизна сентября, ***
А полынь, как ропс.
Засверкали, напомнив о Боге, зарницы.
А вокруг
 (среди бесформенных тел) – черепа,
Череп,
 черепа
 и пустые глазницы...
Что нас ждёт на Земле?
Кто мудрей – угадай!
Всё, бесспорно, пройдёт:
И угрозы, и грёзы.

Со Стены неустанно
сочится вода.
Не вода.
 Не вода –
 поминальные слёзы...
Сквозь столетья,
Сквозь Память
Сочится вода...
Не вода.
 Не вода –
 поминальные слёзы!

P.S. Каждый народ пострадал. Но только евреев, по словам Виктора Некрасова, уничтожали за то, что они евреи.

* На территории завода "Шампанских вин" (на месте камеры № 46)
12 января 1999 года открыт мемориал.

Стену, где он вмонтирован, назвали "Стеной Плача". С этой стены всё время сочится вода.

** Всего было опознано 408 человек.

*** Камеру № 46 обнаружили 16 сентября 1943 года.

* * *

Май не продан, не предан!
Ветераны – в слезах,
Но ликует Победа,
Торжествует Победа,
Веселится Победа
С мирным небом в глазах.

ЛЕОНИД ДАВИДЕНКО

* * *

Где прямые и кривые,
заморочки и ответы,
знаю: жили ломовые
и тончайшие поэты.

Из бывшего ломоносы
вьются у заборов улиц.
Там и вечные вопросы
тени кинули, сутулясь.

Но волнуют не подобья,
а грызущее веками...
Так и смотрят – исподлобья
или светлыми глазами.

* * *

Вечер в бычьем молчанье.
Вечер в бычьих очах.
Вечер лиловый.
Вечер почти обручальный.
Вечер почти в обручах.

Вечер.
И бык над печалью вечерних дорог
думает думу. В звезду упирается рог.
Вечер и вечность. И бык за моими плечами.
Вечер стоит обручальный.

* * *

Голубой паучок
голубую плетет паутину.
Он скользнет на плечо,
задержишь я на миг у рябины.

Я ищу озерцо,
чтоб склониться над ним
и напиться.
Чтобы всплыло лицо,
будто только успело родиться.

* * *

Вода скользнула острая.
И сердце стало островом.
А белый катерок
поржал, крылат и светел,
и стал едва заметен
вдали, как мотылек.

МОРЕ

Сидишь на берегу, колени обхватив,
как раковина смугло-золотая,
вбирая волн колеблемый мотив
и тут же отражая.

Всё прочее, как мокрый негатив,
повисло, неразборчиво сверкая.
А ты сидишь, колени обхватив,
как раковина смугло-золотая.

Я слушаю... Транзистор приутих.
Растет в тебе мелодия морская.
И ты плывешь, колени обхватив,
как раковина смугло-золотая.

Я слушаю: звучат прилив, отлив,
все волны, друг за дружкой пробегая.
Плывешь сквозь жизнь, колени обхватив,
как раковина...

ЗИМНЕЕ ОЗЕРО

Уже сюда приходишь реже,
где каменный воды настой,
как глаз расстрелянный
медвежий
в щетине мерзлой и густой.

ЮРИЙ КАПЛАН

* * *

Кому какое дело,
Чем тешилась душа.
Она испить хотела
Из звездного Ковша

Она взлететь сумела
Сквозь взрывчатую взвесь.
Кому какое дело –
Решается не здесь.

* * *

Холодный ветер, я не чувствую твоей любви,
Ты занят тучей, деревом скрипучим,
А я случайный лист, слепой попутчик,
И ты свой бег не приостановил.

Не чувствовал твоей любви совсем,
Но всё равно скользил по ледяной коросте,

Сорваться был готов со всех осей,
Чтоб встретиться с тобой на перекрёстке.

Но ты борец. Безжалостный Борей,
Знакомый миру со времен Гомера,
Никак не совпадут с твоим размером
Мой колченогий ямб, мой горестный хорей.

Наверно, я перед тобою виноват,
В безветренной отсиживался роще,
Забыв, какой исполнен небывалой мощью
Твой каждый выдох, каждый киловатт.

Прости. И вот тебе моя рука.
Не буду паинькой и недотрогой.
Летающие с тобой одной дорогой
Так счастливы деревья, облака...

* * *

У деревьев жесты трагедий.
М. Цветаева

Месяц мерцал ветеранской медалью,
Звезды зажглись в аварийном режиме.
Кто я такой, чтобы спорить с метелью
И заводить часовые пружины.

Просто с прогнозом мы несовместимы,
Март атипичен, как нью-пневмония,
А для протестов единственный стимул –
Деревя жесты глухонемые.

Дерево, мы понимаем друг друга,
Хоть ни словечка друг другу не скажем.
Нас, как изгоев, назначила вьюга
Рыбною косточкой в горле пейзажа.

Рейды метели подобны комете,
Мы ж с тобой, дерево, лишь понятия.

Красноречивее всех междометий
Наши свидетельства глухонемые.

Господи, дерево, брат и подельник,
Зря мы с тобою глаза проглядели,
Тьма не кончается. Ночь. Понедельник.
Март на сносях на последней неделе.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Биоритмы ночного дождя.
Спит под вербой душа, как дитя,
Завернувшись в лиловую тучу,
И не помнит ни бед, ни обид,
Только снится: спирали орбит
Перечёркнуты искрой падучей.

Не проснулась, но слышит: стучит,
И поймёт, что серебряный щит
Продырявлен порывами ветра.
А, коль кончится дело добром,
То прольётся живым серебром
На нее синусоида – верба.

Свет пульсирует дальней звезды,
За кометой спирали – хвосты
Заплелись часовым механизмом.
И гремит Откровения речь,
И комета грозитя поджечь
Этот чан черноты, как канистру.

Но, как свиток, светлы облака,
И надеешься: чья-то рука
И тебя в этот список вписала.
И, тревожась, выстукивал дождь,
Как радистка: а ты совпадёшь
С этим мощным вселенским пульсаром?..

* * *

...несгораемый ящик
Обид моих. Бед и обид.
Б. Пастернак

Рассыпались годы, как бисер,
Растаяли, как миражи.
Стихи – бортовой самописец
Разбившейся в буднях души.

Разлуки и встречи случайны,
Всё крупко. Всё на волоске.
Но все подноготные тайны
Душа доверяет строке.

И даже для самых пропащих,
Чьи корни изъела тоска,
Строка – несгораемый ящик,
Тот черный – чтоб дольше искать.

Вот тычешься слепо, из тысяч
Найти свой единственный шанс.
А твой бортовой самописец
Фиксирует каждый нюанс.

* * *

Я словом никого не зазываю
(Поэт, не этим ремеслом кормись).
Поэзия всегда сверхзвуковая,
Поскольку в каждом звуке тайный смысл.

Пусть негодуют, что сорвало крышу,
Что безответственно несу свой крест.
Я повторяю то, что слышу свыше,
Я сам не понимаю тёмных мест.

СТАНИСЛАВ БОНДАРЕНКО

ПРОЗА ЖИЗНИ ОТЦА

В одном селе полицаи
Отца моего порицали:
Не то, чтоб видели агитатором,
Поскольку домра его звучала, как альт,
Но отправили остарбайтером,
А вышло, что – в Бухенвальд!

Поскольку (по давней версии)
На заводе германском он сколотил группу
И сотворил две диверсии,
Чтоб навредить какому-то Гитлеру или Круппу.

Но отец вернулся – освободили,
Чтоб я родился – американцы.
Все дамы с бати глаз не сводили,
А мама ликом взяла и танцем!

А я в пять лет – Девятого мая
Спросил отца при всех на параде:
Что ж орденов он не надевает,
Как другие учителя и родные дяди?
И отец, наклонясь, не нарушив уюта,
Прошептал то, что я лишь после пойму:
"За Бухенвальд орденов не дают! А...
А ты о том – вообще никому!.."

Так я в пять лет побыл полицаем –
Никем за это не порицаем...
И нет отца уже – за оградой!
Даст Бог, хоть внуки ему – наградой...

БРАТОК ПОД НОМЕРОМ XX

(из снов сокамерников)

Кончается браток, седой и бородатый,
Сокамерник лихой, что мягко мне стелил...
Кончается, увы, мой ушлый соглядатай,
Мой закадычный век – обнимемся, старик!

А я любил тебя и номер твой XX-й –
Не так уж важно, кто кого переживёт:
Нам плохо будет врозь, мой грустный соглядатай,
И это оба мы предвидим наперёд.

Не номер у тебя – роскошных две решётки:
Из них бы два креста я запросто сверстал...
Ты зря мне дело шил, суя чужие шмотки,
А после подставлял подгнивший пьедестал.

Но не обиды час – последний час братанья:
Чем дольше шли мои на волю письмена,
Тем больше я любил и причащался к тайне –
Тем дальше отступал осипший Сатана.

Я Библию тебе кладу у изголовья...
А завтра и меня покличут в паханы.
С тобой у нас ничья! Но я – ещё с любовью:
Тебя ещё почитит созвездие шпаны.

ПОДОЛ – ПАРИЖ

(диптих)

1. НИЖНИЙ ВАЛ

В Киеве еще столько квартир, где ни разу не пил,
а – пора бросать!..
Ещё больше скверов-дворов, где ни разу тебя не любил,
а уже забываются старые адреса!..

Когда тебя танцевал,
нас так прикрывал Подол:
тугой листвы Нижний Вал
и даже высший Глагол.
Когда тебя танцевал...

Как пошло время пошло!
Кто-то околдовал?
Нами листву обожгло?
Без листвы уже Нижний Вал:

обрывками провода
вместо веток... Но Бог в свой час
воскресит его без труда.
А нас, ты скажи, а нас?..

2. ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ НА МОНМАРТРЕ

На пылкой улице в Париже,
между "люблю" и "не люблю",
я сам держу карман пошире
Поближе к другу-февралю.

Твой лёд, как пёс, ладонь мне лижет,
худея в такт календарю:
Париж, дай шанс опять услышать
С Отчизны позднее "люблю".

У стен светлейших Сакре-Кера*
тут был счастливый автомат:
сюда я ехал – за три горя,
за словом тихим, как набат.

Париж, ты можешь! Ты к скитальцам
обычно вовсе не жесток:

* Сакре-Кер ("Святое сердце") – один из храмов Парижа, расположен на Монмартре:
из-за белого цвета его ещё называют "сахарным".

внуши ей слово! К дрожи пальцев
прибавь удачи лоскуток!

Ты, Сакре-Кер, святое сердце –
вокруг тебя мой крестный ход:
хоть со святой Софией сверься,
свяжи нас, дай нам общий код!

СВЕТЛАНА РУСАНОВА

ЕСЛИ ВЕРИТЬ ПРОГНОЗАМ

Кротостью дышит каждый сентябрьский день.
Листья кружатся по городу цвета чайного.
Знаешь, все наши слова – лишь следы на воде.
Просто следы погибающих от отчаянья

И невозможности дальше и больше ждать...
Небо прозрачно. Небо почти невесомо.
И ничего не осталось. Четыре дождя.
Только четыре дождя. И дорога до дома.

* * *

Дрожь,
когда тело коснулось холодной простынки –
лишь увертюра к дальнейшим
хитросплетениям...
Врёшь –
мне не больно быть сломанною тростинкой
или
каким другим
ненужным растением.

* * *

Холод.
В маршрутках стало ещё теснее.
Граждане жмутся друг к другу
в надежде согреться.
Холод.
И глупо любовь свою ярую сеять
в мёрзлую землю
большого
тобой
сердца.

* * *

Опять, как большая, сдаю сей нелепый экзамен.
И сходятся венки – от ежедневных лобзаний
сестричек, что любят так жарко, любят так бережно
в палате, где стены окрашены в солнечный,
в бежевый.
А стены моей-твоей боли – ничем не окрашены.
И в этом, наверное, сходство с княгиней Барашковой.
Ведь тоже, поди, не плакала и не всхлипывала.
... на два вершка ножик под левую: "ах,
Настасья Филипповна,
я ведь любил..."

* * *

Мама трясёт за плечи. Кричит: "Дыши!"
Девочкой-вертихвосткой
проносится жизнь.
И не страшно ей, стрекозе, нисколечко.
... Ангелы крыльями робко ломают корочку
Обледенелого неба. Ноябрь на улице.
Граждане в транспорте мёрзнут. Ёжатся. Хмурятся.
И не знают, какая короткая – жизнь.

* * *

А ты говоришь: "Привыкание -- навсегда".
И каждое слово -- скатывается -- туда,
Где у меня солнце на полгрудины,
Вздрагивает, как птица, боится остынуть.
И этого страха больше, чем мне бы хотелось.
А потому забываю, что же есть смелость --
Пробовать выжить или учить английский.
... Гуляю по парку. Пинаю ногами листья.
Прохожие смотрят пристально. И улыбаются.
А у меня -- небо на пол-лица.
И, где-то в офисе, почерком, словно волны:
"Очень прошу побыстрее меня уволить.
В рай".

ВАЛЕРИЙ АКОПОВ

Художник, поэт, переводчик, эссеист Валерий Акопов дебютирует на страницах "Юрьева Дня". Из переданной им в распоряжение редакции книги трёхстиший "Четыре времени года" мы выбрали раздел "Осень", ибо пятый выпуск альманаха предполагается выпустить в свет именно осенью.

Отметим также, что отдельные трёхстишия уже печатались в различных изданиях, но полностью раздел книги, а также предисловие Валерия Акопова публикуются впервые.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

"Милый А. С.! -- писал я московскому приятелю, поэту-переводчику, -- хочу Вам рассказать нечто странное о себе. Даже не знаю, как подступиться...

Ну, хорошо. Где-то в начале прошлого года явилась у меня мысль: выбрать -- совершенно для себя! -- все те японские пятистишия и трёхстишия, которые покажутся самыми яркими. Составить своего рода собственную антологию. Достал я почти всё, что у нас в этом роде имелось, и начал выписывать с огромным удовольствием. Довольно скоро вызрел полузабытый инстинкт поэта-переводчика -- Вам известно, что

после 77-го года я поэтическим переводом больше не занимаюсь. И я, очень неплохо знающий и чувствующий Японию, уразумел, что существующие переводы меня далеко не всегда устраивают, и что я имею право, поскольку работаю для себя, видоизменять их по собственному вкусу, руководствуясь одним лишь инстинктом (я не решаюсь сказать – интуицией). Стал я это делать... Дальше больше. И вдруг осознал, что мне самому неудержимо хочется писать в три строчки...

Накатило это на меня уже летом. И вот – пишу. Получается целая книжка. В жизни не собирался сочинять нечто подобное!.. Поначалу я с гордостью думал, что форма эта для нас безмерно редкая. А потом в сборнике "Взаимодействие культур Востока и Запада" с немалым конфузом прочёл статью известного япониста Д. из которой вытекало, что она весьма популярна сейчас в Европе и Америке. И что ею пользуется всякий, кому не лень, наивно считая её очень доступной и лёгкой, и что всё это в подавляющем большинстве пустые претензии плюс непонимание и т. д.

Прочестя я прочёл, но писать не бросил. Что же у меня всё-таки выходит? Выходит, со всей твёрдостью говорю, книжка. Д. в своей статье, утверждая принципиальную невозможность западного человека проникнуть в суть этого своеобразного поэтического явления, цитирует двух российских поэтов, работавших в трёх строчках, которых более или менее одобряет, решительно отказывая им всё же в полноценности. В самом деле: у одного из них это просто метафора (как известно, классическое трёхстишие пользуется совсем другим методом). Второй выглядит бледной имитацией, бессильным эхом второстепенных японцев. Это всё, конечно, не то. О подлинном творчестве, о внутренней необходимости писать именно в три строчки здесь не может быть и речи. Никак не помогает в этом случае и опыт современного верлибра, поскольку это два совершенно разных способа чувствования.

Я тоже исходил, само собой, от японцев, даже в самом общем замысле. Книжка называется весьма традиционно: "Четыре времени года". Но, исходя от них, я сохранил нечто очень живое и личное, вытекающее всякий раз из непосредственного переживания и исключаящее какую бы то ни было стилизацию, а это меняет дело. Более того: чем дольше я писал, тем дальше от японцев уходил, не теряя главного, на мой взгляд, свойства трёхстишия: внезапно и мгновенно расширяться из малого – в какое-то большее и неведомое пространство.

Чтобы написать эту книжку, мне пришлось на год отложить все прочие мои рукописи, поскольку требовался каждодневный и совершенно особый внутренний настрой, не терпящий рядом с собой ничего другого. Что в ней есть? Есть мысли, достаточно общие (но трёхстишие – не мысль). Есть чувства, безусловно мои и очень искренние (но трёхстишие – вовсе не чувство). Есть множество своими средствами сделанных пейзажей. И есть своего рода дневник жизни души почти за целый год. В

него далеко не всё улеглось, разумеется, но, может быть, самое существенное. Всё вместе являет собой некую цельность, тон которой – скорее невесёлый. Задумчивый.

Сейчас я пишу "Весну", последний раздел, поскольку начал я с "Лета". Пишу уже с некоторой натугой. Мозг начинает "съезжать" на прежние рельсы, и "Весна" будет количественно меньше. Во всяком случае, скоро кончу. А дальше – что?

Мне нужен особенный, чуткий читатель. Трёхстишие – вещь хрупкая, требующая деликатности и внимания. И определённого опыта, некоторого навыка до известной степени выходить за пределы себя. Возможно ли, ни разу в жизни не выйдя из себя, увидеть жизнь в незнакомом свете?

Итак, я пишу не для всех: лучше сразу признаться в этом. Здесь моя слабость. Или сила?.. Но всё же я не теряю надежды, не теряю надежды...

Валерий Аюпов

Май 1988 года.

...В песчинке вечность, и небо
в чашечке цветка.

У. Блейк

В сущности, это искусство недомолвок
и намёков – невероятная техника передачи
невыразимого через невыражение
впечатлений.

Кеннет Портер Кирквуд

Многие могут сочинять хайкай,
мало кто следует велению сердца.

Басе

ОСЕНЬ

* * *

Как будто ничего не изменилось.
Только утром
Зажигаем свет.

* * *

Календарный белый листопад...
Обрываю листки
Злее осеннего ветра.

В НЕБЕ

Чёрная стая грачей
На рассвете.
Один стал красным, как медь...

* * *

Говоря с приятелем,
Заметил,
Что молчу.

* * *

Возьмите!
Я отдаю вам
Самое своё.

* * *

Того, что было,
Никто не отнимет!
Никто не вернёт.

ОКРАИНА

Заборы, созревающие груши,
Запах дыма,
И душа в слезах...

* * *

Красный огонь на воде –
Безумье.
Зелёный – измена.

ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Спешат на службу.
На работу!
На работы...

* * *

В панцире божьей коровки –
Пригляделся –
Крошечное солнце!

АССВЕТНЫЕ РОСЫ

Одна капля
Другую
Подожгла!

В ЧЁМ ЕГО СМЫСЛ

Здесь главное –
Небо.
Пустырь.

* * *

Если церковь разрушат –
Останется купол
Холма.

**ЯСНОЕ ХОЛОДНОЕ
УТРО**

Есть красота.
Есть ум.
Но нету сердца.

ОЗЕРО

Целый час
Рябь на меня набегала –
И никак не могла набежать.

* * *

Цветы "золотой дождь"
Здесь выше человека.
Осень.

ПОКИНУТАЯ

Белая собачка
Меня облаяла
У брошенного дома.

ЧЁРТОВО ЗОЛОТО

Пламенеет!
А схватил –
Труха...

СМЕРТЬ КАНАРЕЙКИ

Четырнадцать лет!
Пусть клетка
Ещё побудет...

* * *

Одна старушка
Ведёт другую.
Белые обе, как лунь.

* * *

Не пишется
Авторучку в руках повертел.
Погрыз её хвостик. Тоска.

НАЧИНАЕТСЯ ДОЖДЬ

Асфальт весь в крапинку.
А деревья и люди –
В полоску!

* * *

Талант и ум...
Их Бог даёт
Во гневе...

СУМЕРКИ НАД РЕКОЙ

Подвижник!
Белый месяц!
На своём серебряном столпе.

* * *

Иду по листьям.
По сердцам!
По сердцу...

* * *

У бабьего лета
Только и осталось,
Что глаза.

ДЕРЕВЬЯ

Швыряют золото.
На ничто!
На ветер.

БЛАГОРОДСТВО

Затоптанные в грязь,
Вы грязью не сделались,
Листья!

* * *

Чтоб родилось трёхстишье – нужно душу
Страшно сжать!
И сразу отпустить.

НОЧЬЮ

Белый лоскут на полу.
Тронул ногою...
Луна!

* * *

И мне бы перед смертью
Раскидать листки!
Ненужные, сухие...

* * *

Над белой изморозью – туман.
Над белым туманом –
Розовые облака горят...

* * *

Вот и "белые мухи".
Уж лучше бы чёрные.
Даже синие!

* * *

Вечером повсюду
Жгли листья.
Будто встал туман...

ПАДЕНИЕ

Остудился в себя.
Чем глубже –
Тем больней.

ИНЕЙ

Каждая травинка обособилась.
Вот она какая! –
Смерть...

МОКРЫЙ НОЯБРЬСКИЙ ВЕЧЕР

Нищий старик
Сидит в грязи,
Покуривая сигаретку.

В КАНУН ПРАЗДНИКА

Дирижаблы
Все смотрят
Детскими глазами...

* * *

Душу вынут
Эти огонёчки
На краю земли.

* * *

По грязи, по снегу...
Он подходит!
День рожденья жены.

ШТАМП

Морось...
Темень...
Поймал себя на улыбке.

* * *

Написал письмо,
Длинное, в полжизни.
Вторая половина не для писем.

ТЁМНОЕ ВРЕМЯ

В тумане всё –
Туман.
Ночью огонь – это ночь...

**ЕДИНСТВО
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ**

Белый снег!
А тоска –
Чёрная.

ПОДРУГА ОСЕНЬ

Вернулась...
Чтобы вновь со скандалом уйти?..
Со слезами?..

* * *

На прожитый день
Стал богаче,
Стал беднее...

НА СТРАШНОМ СУДЕ

Пусть спросят обо мне
У птиц!
У деревьев!..

* * *

Мой возможный читатель!
Не думай, что пишу для тебя.
Не думай, что для себя.

**ПОСЛЕДНЕЕ ЧИСЛО
НОЯБРЯ**

Осень!
Прощай.
А я, признаться, свыкся...

ВЯЧЕСЛАВ РАССЫПАЕВ

МП-419

П. Ф. Ч.

Верните мне смазливых оборотов –
хотя бы пятерых из десяти –
и всё, что исторгают огнёмёты,
мгновенно обратится в позитив.

Всем хочется цвести бенгальским маком,
волшебника дождавшись на дому,
но вам не выпадало в тридцать с гаком
слоняться по оврагам одному.

Пешком из Немешаева в Борисполь
при том, что лучший транспорт – облака,
плелась душа печального туриста –
иссохшая, на грани столбняка.

Её вело от соковых запоев.
Чего ей не хватало? Колбасы?
Ах, если бы... Но скотство есть такое
у ландышей – цвести себе в усы.

А попросту у них такая йога
с понятиями братства и любви.
И если их найдёшь, то много-много,
а если не найдёшь – то се ля ви.

Советовал сосед читать Карнеги,
использовать кальян и анашу,
но стану ли я лидером в забеге,
коль крепко этот бред себе внушу?

Приятные слова – куда щедрее:
гармония... здоровье... позитив...

Молчу я, ненароком галерею
взрослеющих парнишек посетив.

И да простит Димон моё фрондёрство,
начавшееся с маленькой слезы:
он первым в мой мирок по губы втёрся,
по мякоть сердцевидной железы.

МП-450

Что проморгалось, то необратимо.
Сейчас мой лучший друг – совсем не Дима.
Кто ж виноват? Оксид празеодима,
разъевший мне две дюжины кольчуг?
Водительские годы я проплавал
в стоячих водах тесного анклава;
теперь хоть при поддержке Ярослава
своё существование влачу.

А Дима в лапах бывшей комсомолки:
она ему и вместо кофемолки,
и вместо утюга: ведь цель помолвки –
дать знать, что мир твой детский обречён.
Какой мне интерес теперь, что где-то
дорога в мостовую арку вдега?
Ведь без своей божественной вендетты
Всевышний был бы просто трепачом.

Другой бы сразу нанял кагэбиста,
пополнил биографию убийством –
скорей всего двойным – и в город Бристоль
под бурную шумиху умотал.
Форейтор эфемерной колесницы
кричит, что мне давно пора креститься...
Пускай горланит. Курица – не птица,
вонючий лантаноид – не металл.

Примерь ветровку, Ярик. Ну, примерь же.
Ого... Да ты в ней – просто снайпер СМЕРШа!
Куда тем недоучкам-костюмершам,
что требуют коньяк за фунт возни?
Мы Библию прошли; мы помнить рады
желание мадам Иродиады –
и завершим сеанс фанфаронады
лангетом из Димоновой ступни...

НИЛА ВЫСОЦКАЯ

* * *

Морозное лето. Учётчица тучек,
Считаю несметные их паруса,
Гонимые током течений могучих
По небу застывшему, как бирюза,

Они убывают поврозь и попутно
Отсюда к нашедшим желанный причал.
Да будут помянуты все поминутно,
Кто северный нрав мой теплою привечал.

Такого участия бы сердцу и тучам,
И, собственно, негу насущней проблем.
Быть Троицын день обещает пахучим,
И Пушкину нынче – всего двести семь.

* * *

Пойду туда, где нас с тобою нет
Лариса Юхименко

Пойдём туда, где я тебе нужна,
а ты мне, словно пресловутый воздух.
Там стражник вдохновенья, тишина,
нас убаюкав, оживит при звёздах.

Там сказочно преобразится мир,
единственный союзник, соглядатай,
и мы закатим наш подзвездный пир
для биографий красной страстной датой.

Но в том раю за каменной стеной
мы оба – два нечаянных провидца
уверимся, что праздник неземной
ни наяву, ни здесь не повторится.

* * *

Мы падали вдвоем. Но ты,
Во всех страстях неукротимый,
Рванул заглохшие винты,
Не оглянулся с высоты
На штопор мой необратимый.

Ты опрометчиво взлетел.
Источник общей певчей чаши
Истаял дымом, искипел.
Могучий воздухораздел
Вкось раздвоил дыханья наши.

А здесь, на мысе Фиолент,
Его возвышенном насесте,
Нашла судьбы эквивалент.

Но все мерещится момент,
Как с неба падали мы вместе.

* * *

Юрию Косину

Когда доймут и допекут
тепла и радости утечки,
искомый случай, дай нам тут

сойтись понежиться у печки
в лучах рождественской луны,
охочим до беседы шумной
и поголовно остроумной,
при том, что не вполне умны.

Искомый случай, созови
сюда разок и многократно,
где и себя и визави
воспринимаешь адекватно,
где вдохновенное враньё,
понты на полные катушки –
вся роскошь дружеской пирушки
и послевкусие её.

ГЕННАДИЙ СЕМЕНЧЕНКО

* * *

И вновь живу я
С голого листа.
В душе опять такая простота!
Предметы льнут к руке наперебой,
Чтоб я их взял на чистый лист с собой.
На спинке стула брюки и пиджак.
Поблёскивает начатый "Жан-Жак".
На ломтики порезана кета.
В ногах калачик спящего кота.
Стихи. Блокнот раскрытый. Что ещё?
Бретелька, оголившая плечо.
Ночной листок, скользнувший по стеклу.
Две сцепленных сережки
На полу.

* * *

Откуда вы слетели,
Снегири,
Когда июль, и солнце плавит плавни?
Твой голос! Говори же, говори
О нашем снеге, как о самом главном!
Тепло нам было там, среди снегов,
Теплей, чем тут, где прячемся от зноя.
Молитвенник. Пристанище стихов
Я положу на плоскость аналая.
Стихи во имя... Господи! Аминь!
В том январе с ума сошли мы оба.
Такая в наших душах снегирина –
Вокруг июль, а мы стоим
В сутробах!

* * *

Мы забрели
В непуганый ивняк.
Клочок песка и муравьиный трафик.
Под ветками наш тайный особняк,
И своды расчертил способный график.
Воздушных арок ивовый нахлёт
И ложе под сквозящими лучами.
Наш синий купол.
Солнечный форпост.
И сговор между
Четырьмя плечами.

* * *

На краешке сада
Подслушал Уитмен,
Как дождь признавался в любви ручейкам.
Мелодия вечна в рассеянном ритме
Под дождь, барабаниющий по лепесткам.
Она оживала до стихосложенья,
Текла по журчащему руслу ручья.

Она возникала еще до рожденья,
До первой молитвы
И до бытия.

* * *

Все совершилось.
Так предрешено.
И я не жду прицельного болида.
Хочу, чтоб поднялось морское дно,
Где, может, сохранилась Атлантида.
Хочу, чтоб встала крепостью стена
Пред пулей устремленного Дантеса.
Хочу глотнуть столетнего вина
Из глиняных сосудов Херсонеса.
Да мало ли чего ещё хочу –
Войны зачатые обезглавить миром,
А если это мне не по плечу,
Пусть Бог отметит благовонным миром
Главу того, кто пробует судьбу
Разворошить, вернуть в ее предтечу,
Спасти, влюбить, влюбиться, снять табу,
Заговорить
На эллинском наречье.

АНАТОЛИЙ ЮХИМЕНКО

* * *

"... друг! как ты вошёл сюда не в брачной одежде?"

а тот, кто не в брачных одеждах,
но с мира по нитке, в миру
кормящийся тщетной надеждой,
что это сойдет ему с рук,

а тот, кто изъят на распутье
от плуга, от блуда, нужды,
чей смысл, будто узел распутан,
в ком нету особой нужды,

а тот, с неподвижным как камень,
и чуждым веселья лицом,
хватающий с жару руками
откормленных тучных тельцов,
а тот, кто, как прибыль, мельчает,
в ком скорбно-греховна гортань,
чью скверну отмоеет молчанье,
как грязь из телес Иордан;

но тем, что изъят был и призван,
он избран, неизбранный тот,
в ком свет преломился, как в призме,
кто вреден для горных высот,

и тем, что задет был любовью,
как баловень дев и семьи,
и тем, что венозною кровью
украшит одежды свои.

* * *

потому что наступит жатва,
предназначенный колос ломок,
потный полдень, ни тучки, жарко,
души – полые, как солома.

поднебесный горчичный воздух
в проникающих ранках остьев.
колос сжат, и на праздный возглас
не хватает ни сил, ни злости.

серп послушен движенью кисти,
мысль о небе, и мысль о хлебе,

зерна твёрже, чем в теле кости,
колос, серп, пустотелый стебель.

время прибыли и хищений,
пахнет ладаном вкупе с серой,
небом подлинных восхищений,
потому что берётся силой.

* * *

"иное упало в терние..."

ты – семя, взошедшее в тернии,
на этих грунтах, где дано
познать растяжение материи
и выпасть, как соли, на дно;

и если б не залежи гордости,
ведущей отсчет на аршин,
то что б мог сказать ты о горести
и плотности тщетной души,

и если б не вскормлен был женщиной
на розовых чутких сосцах,
то что б мог поведать о желчи и –
как носят под платьем сердца,

и если б не умер, как семечко,
то как бы сумел угадать,
что дышит прерывисто в темечко
непознанная благодать.

ГОСТЕВАЯ ВИЗА

Перекрёстки и встречи судьбы Валентины Синкевич

2006 год щедр на знаменательные даты в судьбе старейшины поэтического цеха русского зарубежья Валентины Синкевич. 29 сентября она отмечает свой юбилей, а чуть раньше – в июле – увидел свет тридцатый выпуск ее любимого детища – альманаха-ежегодника "Встречи".

Валентина Алексеевна родилась в Киеве в 1926 г., но детские и отроческие годы её прошли в тихом Остре, куда родители будущей поэтессы по её меткому выражению "сами себя сослали", спасая семью от неминуемых репрессий. А если точнее, сослал их туда Его Величество Страх, всепроникающий страх, которым была насыщена злобная атмосфера недоброй памяти тридцатых.

Синкевичам было чего опасаться. Самый большой компромат – происхождение. Глава семьи – сын православного священника, его жена – дочь генерала царской армии.

(Позволю себе лирическое отступление. Получив экземпляр первого издания антологии "Киев. Русская поэзия. XX век", Валентина Алексеевна позвонила мне из Филадельфии. Она уже успела познакомиться с книгой и высоко оценила проделанную работу. А в конце разговора робко, словно извиняясь за замеченную опечатку, добавила: "Юрий Григорьевич, в мою биографию вкралась неточность: я не внучка генерала белой армии, я внучка генерала царской армии...")

Перечень "прегрешений перед советской властью существенно дополнял длинный список опальных родственников за границей, включая знаменитого авиаконструктора Сикорского (фамилия бабушки со стороны отца – Сикорская).

В те страшные годы сажали и за меньшие грехи. И, выбрав захолустный Остёр, родители в чем-то оказались правы: волны сталинских репрессий до их неприметного домика не докатились. Зато семья была обречена на постоянное полуголодное существование: киевские "беженцы" жили даже беднее, чем коренные остёрские жители. Мать зарабатывала гроши на местной метеостанции. А отец, имевший высшее образование, считал, что в советское время профессия юриста преступна.

Алексей Синкевич закончил ещё и Киевскую консерваторию по классу вокала (у него был великолепный бас), но и эта его специальность оказалась в Остре невостребованной. Слава Богу, гимназические знания не выветрились и он сумел устроиться учителем математики, причем в обеих остёрских десятилетках.

Зимой жители городка вообще чувствовали себя отрезанными от всего мира. Зато летом у семьи появлялась возможность дополнительного заработка. Дачники добирались до этого сказочного уголка маленьким пароходиком по Днепру и Десне, и Синкевичи спешно перебирались на чердак, уступая комватки мужественным курортникам: ведь удобства были во дворе, а по воду приходилось ходить за два квартала.

Но и эта жизнь в приземистой кате под соломенной стрижкой на тихой улочке, где появление грузовика в тучах пыли становилось событием и предметом разговоров на целую неделю, имела свои светлые мгновения, навсегда оставившие след в душе маленькой Валентины. Отец и мать всерьёз занимались образованием дочерей, с ранних лет привили им любовь к чтению, к музыке и поэзии.

"Была ещё соломенной крыша,
Поленья в печке знали воробжу.
И ничего потом я не встречала выше
Тех книжных зим, проложенных в судьбу".

Сёстры очень любили природу Остра, живописные берега Десны, подступавший к городку лес, куда вся семья ходила собирать грибы, великолепные городские парки (остатки разоренных революцией имений местных помещиков). "Здесь зародилось то зерно, из которого затем произошло скромное мое творчество, позже ставшее образом жизни" – напишет Валентина Синкевич в очерке "Впервые о себе". Запомним эту ключевую фразу и чуть ниже проиллюстрируем ее строчками стихотворений. Добавим только, что стихи наша землячка начала сочинять с десятилетнего возраста, уже в те годы знала наизусть великое множество поэтических строк.

Тихий нищенский рай был прерван раскатами Великой Отечественной. Воспоминания об этом тоже врезались в память навсегда. Дверь погреба, в котором мать с дочерьми прятались от бомбежек (отец незадолго до войны умер, причем "своей смертью" подчеркивает Валентина Алексеевна), распахнулась и в проеме возникли немецкие солдаты с винтовками наперевес...

Из обихода мгновенно исчезли соль и спички. В голодную и лютую зиму 1941-1942 гг. жители оккупированного Остра, как доисторические люди, круглосуточно поддерживали огонь в очаге, чтобы растопить сырыми дровами печурку.

Весной стало чуть полегче. "Белой акации грозди душистые" – не строка романса, а ее реальное воплощение – вместе с крапивой и ягодами шелковицы хоть в какой-то мере утоляли голод.

Но надвинулась другая беда. Молодёжь начала угонять в Германию. Ехать на принудительные работы должна была 18-летняя Ирина, однако мать решила, что выглядывшая младше своих лет 16-летняя болезненная

Валентина уж точно будет забракована мифической медкомиссией и таким образом обе дочери останутся дома.

Судьбу не удалось обмануть. Никакой медкомиссии, естественно, не было, если не принимать во внимание баню, где девушек наголо остригли и обсыпали дезинфицирующим порошком. И сразу после нехитрой процедуры товаринок с украинскими девушками и парнями отправился в долгую дорогу по маршруту Чернигов-Данциг, где бесплатную рабочую силу разобрали местные фермеры.

А оставшуюся дома Ирину судьба тоже не уберегла. При освобождении Остра она была смертельно ранена осколком. Однако узнала об этом Валентина только через год после смерти Сталина, когда впервые смогла написать на родину. Матери к тому времени уже не было в живых.

Почти три года прожила Валентина с нашитым на одежду клеймом "ост". Была на сельхозработах, убирала бюргерские квартиры. Неразбериха последних дней войны, помощь случайно встреченных старых русских эмигрантов, засевшие в памяти рассказы родителей о чекистских репрессиях помогли 19-летней девушке принять единственное в тот момент правильное решение: она осталась на Западе.

Решение решением, но через какие мытарства пришлось пройти, прежде чем обрести хотя бы статус "перемещённого лица". Беспощадные бомбардировки Киля, откуда только чудом удалось спастись. Постоянный страх быть насильственно депортированной в Советский Союз и – из огня да в полымя – из немецкой мясорубки попасть в гулаговскую...

...В гамбургском лагере для перемещённых лиц, несмотря на спартанские условия и на диковатое название "звериный", кипела настоящая человеческая жизнь, разыгрывались подлинные страсти, вспыхивали романы. Не обошла любовь стороной и нашу героиню. Она вышла замуж за товарища по несчастью, точнее по "перемещённому" эмигрантскому счастью харьковчанина Михаила Качуровского. Здесь же среди гамбургских развалин родилась их дочь Анна.

В лагере Валентина Синкевич снова стала писать стихи. Будущие поэтические звезды второй волны эмиграции, включая знаменитую впоследствии чету наших земляков Ивана Елагина и Ольгу Анстей, осели, в основном в американской зоне, в районе Мюнхена. Но и "звериный лагерь" на берегу Северного моря Музы не оставили без внимания.

Здесь Валентина подружилась с ещё одним нашим земляком поэтом Николаем Моршеном (Марченко) и его отцом прозаиком Николаем Нароковым, с Юрием Иваском...

В 1950 г. молодая семья вроде бы обрела наконец долгожданную свободу, получив разрешение эмигрировать в США. Впрочем, первые годы пребывания в Америке свободными можно было назвать только условно.

Цело в том, что беженцев приютила одна весьма ортодоксальная протестантская община, для членов которой "запретными плодами" были не только вино и табак, но и радио, телевидение, кино, косметика.

Валентине Алексеевне с мужем и маленькой дочерью выделили комнатку в домике пастора в захолустном городке штата Айова и таким образом "гости" оказались под круглосуточным присмотром строгого блюстителя морали.

Во время проповедей пастор обычно ставил Валентину с дочуркой перед верующими и долго рассказывал, какое благодеяние совершила община, приняв бедных беженцев. А в конце службы настойчиво просил произнести в ответ слова благодарности.

Между тем новоиспеченные эмигранты даром свой хлеб не ели. И Валентина Алексеевна, и её муж (преподаватель анатомии по специальности) работали всё это время санитарами в доме престарелых ветеранов и за свой изнурительный – и физически и психологически – труд получали аж 125 долларов в месяц на двоих. Однажды они тайком от "надзирателя" посетили кинотеатр, прихватив и дочурку, так как ее не с кем было оставить. Тайное стало явным, и "грешники" вынуждены были выслушать полуторачасовую гневную проповедь о том, как родители губят своих детей, растлевая их невинные души.

Через год с небольшим семья сбежала из Айовы в Пенсильванию. Работа по-прежнему была тяжёлой и не престижной, но хоть свободным временем распоряжались сами.

Лишь после запуска в 1957 г. первого советского спутника появился спрос на грамотных людей, знающих русский язык, и Синкевич получила место русского библиографа в библиотеке Пенсильванского университета, где проработала почти тридцать лет.

Всё это время Валентина Синкевич писала стихи, изредка печаталась, но первый сборник – "Огни" – решилась выпустить только в 1973 г.

В далеком Париже "Огни" начинающей свое восхождение на Парнас поэтессы заметил знаменитый земляк Юрий Терапиано. Добрые слова написала в рецензии и Ирина Одоевцева.

Позднее Синкевич и сама стала писать рецензии и литературные очерки для "Нового русского слова" и для англоязычных газет. Регулярно выходят её новые поэтические сборники. А в 1992 г. к пятидесятилетию второй волны эмиграции Валентина Алексеевна со своим давним другом художником Владимиром Шаталовым издает сразу ставшую знаменитой антологию поэтов этой волны "Берега".

Чтобы понять, почему именно Валентине Синкевич пришла в голову мысль издать подобную антологию, надо вернуться из 1992 на 15 лет назад.

В 1977 году она совместно с поэтами Ираидой Лёгкой, Иваном Буркиным и художниками Сергеем Голлербахом и Владимиром Шаталовым начинает выпускать поэтический альманах-ежегодник "Перекрёстки". Альманаху пророчили счастливое будущее, но через несколько лет в редакции начались разногласия. Иван Буркин усиленно пропагандировал поэтов-абсурдистов (пример: целая страница заполнялась многократно

повторяющейся строкой: "повторение – мать учения"), а другие авторы, в том числе Иван Елагин, Ольга Анстей, Лидия Алексеева не хотели печататься с ними под одной обложкой.

С 1983 года Валентина Алексеева стала выпускать альманах фактически в одиночку, ввалив на себя обязанности и редактора и издателя. Ежегодник получил новое название – "Встречи" – и новую обложку по эскизу Владимира Шаталова.

Со временем альманах стал самым авторитетным в мире русского зарубежья изданием, посвящённым исключительно поэзии и искусству. Не принято, конечно, исчислять поэтов сотнями, но именно такое количество авторов из разных уголков планеты "засветилось" за три десятилетия на страницах "Встреч". География издания поражает воображение: "от хладных финских скал" до Японии, от Австралии до Канады. Еще одна маленькая деталь: не было выпуска "Встреч", где бы не приводились биографические данные и библиография каждого из авторов.

Деталь-то маленькая, но какой огромный труд стоит за этим. А нашим читателям, надеюсь, становится понятным, почему именно Валентине Синкевич оказалось по плечу – не побоимся эпитета – "титаническая" — работа по составлению поэтической антологии или "Словаря поэтов русского зарубежья" (совместно с Вадимом Крейдом и Дмитрием Бобышевым). И почему знаменитые поэты, критики, литературоведы считают за честь печататься на страницах её изданий.

О творчестве самой Валентины Синкевич писали статьи и рецензии, посвящали ей стихи тоже не самые последние в мире поэзии люди: один из ведущих славистов, профессор Кёльнского университета Вольфганг Казак (несмотря на "казацкую" фамилию, чистокровный немец), Иван Толстой, Олег Ильинский, Вадим Крейд, Марина Адамович, Борис Филиппов, Евгений Евтушенко, Рина Левинзон, Светлана Соложенкина.

Никоим образом не претендуя на попадание в этот блистательный список, автор настоящей статьи не ставил перед собой задачу подробно анализировать творчество поэтессы. Но об одном аспекте следует сказать непременно.

При всей многослойности лирики Валентины Синкевич, есть у нашей землячки несколько излюбленных сквозных тем, сопровождающих её на протяжении всего творческого пути. Это ностальгические ноты любви к природе родного края, к городам и рекам своей юности: Киеву, Днепру, Остру, Десне, мотивы стоической верности русской речи и русской духовности. В предисловии к антологии "Библейские мотивы русской лирики XX века" я писал: "Именно духовное энергетическое поле исполнило роль той "родной земли", в которой пустила глубокие разветвленные корни эмигрантская поэзия". К Валентине Синкевич это относится в полной мере. В подтверждение можно долго цитировать, но я приведу лишь несколько строк:

"И я забываю звук иностранной речи
и, срывая голос, кричу какую-то дикую строку,
в которой кони, костры, отголоски Запорожской Сечи..."

Это написано в середине семидесятых. И почти дословно повторяется ближе к концу тысячелетия:

"Вспомнит кто-то в незнакомом уголке,
как читала я стихи единым залпом
на чужом своем днепровском языке".

Даже в разгар праздника Независимости США, 4 июля, наша землячка вспоминает своё, родное:

"А для пришельцев – неужели это мы? –
Святой Владимир поднял крест из тьмы".

А вот апофеоз дочерней верности, даже на грани отчаяния:

Вокруг чужая ль речь, своя ли –
нам иногда не разобрать.
Мы знаем только, что стояли
везде, где можно устоять.
А нас чужим давило бытом,
сбивало с речи, и с пути, и с ног.
Но карта – нет, ещё не бита
и Слово не покинуло порог
пустого старенького дома –
он обречен уже на слом.
Но мы стоим, как будто нету слома,
во всем отчаяньи своём!

А чем ответил родной город на эту беззаветную любовь и преданность, когда сохраненное ценой таких невероятных усилий Слово поэта наконец-то вернулось "на круги своя"?

("И вот узнали: слово долетело
до деревень на том, на дальнем берегу")

Равнодушием и забвением.

Снова процитируем вступительную статью к антологии, на этот раз Большой Киевской: "Даже мимолётный взгляд на поэтический ландшафт Киева... напоминал рискнувшему посмотреть "Полёт над гнездом кукушки", настолько щедро и безоглядно раздаривала эта земля своих талантливых детей (не всегда, к сожалению, раздаривала, а то и безжалостно отторгала)".

Читаемая и почитаемая во многих странах Валентина Синкевич почти неизвестна в родном городе. Впрочем, чему удивляться, если Председатель Национального Союза писателей, человек, которому в новом парламенте БЮТ доверил руководство нашей культурой и духовность (!) даже Гоголя укоряет в том, что самое известное в мире произведение об

Украине тот написал на русском языке. Укоряет с той же оголтелой страстью, с какой почти двадцать лет назад обласканный советской властью клеймил "подлых янычар-бандеровцев", за что и был удостоен Государственной премии Украинской советской социалистической республики имени Т. Г. Шевченко.

Так может быть стоит хотя бы в преддверии знаменательного юбилея попытаться сломать эту печальную традицию и отдать дань любви и уважения прекрасному поэту, патриоту своей родной земли, неутомимой труженице и подвижнице, которая даже в дни двойного своего праздника продолжает работу над очередным номером поэтического альманаха. Здоровья, счастья и вдохновения Вам, дорогая Валентина Алексеевна, щедрых удач на Вашем тернистом творческом пути!

Многие лета!

P.S.

Почти закончив статью, я решил всё-таки перестраховаться и ещё раз позвонить в Филадельфию: а вдруг всплывёт что-то новое.

— Валентина Алексеевна, за последние годы Вы неоднократно приезжали на родину. Были ли у Вас литературные вечера, встречи с читателями?

— В Киеве нет. А в Москве выступала несколько раз. Но самая незабываемая встреча была в Остре, когда я туда приехала впервые. В августе 1991, примерно через неделю после путча (т.е. как раз в дни, когда Украину провозгласили независимой. — Ю.К.) директор остёрской школы имени Сеспеля, в которой до войны мой отец преподавал математику, Николай Федорович Переш пригласил меня на встречу со старшеклассниками. Дети читали мои стихи, преподнесли мне хлеб-соль. Я растерялась, не знала, как вести себя в такой ситуации.

Сама школа меня тоже поразила. Мы учились в деревянном бараке с деревянными будками туалетов во дворе, а выступала я в современном двухэтажном кирпичном здании.

Остёр сильно изменился. Улицы заасфальтировали, они стали шире, появились дома под шифером. Правда, наша хатка на улице 8-го марта ещё стояла под стрижой. Но женщина, которая в ней поселилась, сказала, что собирается крышу менять.

Тогда ещё была жива моя подруга детства Дина Кулик и еще одна женщина (забыла имя, к сожалению), с которой нас вместе угоняли в остарбайтеры. Сейчас у меня в Остре уже никого нет. Только могила родителей.

— Валентина Алексеевна, а кто еще из литераторов второй волны прошёл по адовым кругам остарбайтеров?

— Наверное, только я. Понимаете, я была самой младшей. 16 мне исполнилось уже в Германии... Поэты попадали на Запад разными путями. Удивительна история Елагина и Анстей. Они поехали прямо в логово

тигра, в Берлин, воспользовавшись тем, что Ольгин отец был немец. При этом она совершенно не была похожа на арийку, скорее на монголку: скуластая, узкоглазая. А уж Иван тем более. Какой из него ариец, ведь Елагин был полуевреем. Представляете, что бы было, если об этом узнали. Они страшно рисковали...

У меня в книге воспоминаний "...с благодарностью: были" есть главы, посвященные каждому из них: Елагину, Моршену, Борису Филиппову, Анстей, Татьяне Фесенко. Никого не осталось. Жива только вдова Николая Моршена, тоже киевлянка, но она уже ничего не помнит, к сожалению.

А вторая часть моей книги посвящена американским классикам: Эдгару По, Лонгфелло, Джеку Лондону, Эмерсену, Митчелл.

Я ездила по разным штатам, по музеям, архивам, собирала материал. Кстати, название единственного романа Митчелл у нас перевели "Унесённые ветром". А я перевела точнее: "Унесённое ветром" (имеется в виду время).

...С кем я знакома из киевских литераторов? Знала Риталия Заславского, Евдокию Ольшанскую. Я очень благодарна покойной Евдокии Мироновне, что она познакомила нас с Вами. У нас получилось настоящее творческое содружество. Мне очень симпатичен молодёжный раздел Вашей Киевской антологии и многие авторы из "Юрьева Дня".

...Мы ведь были отрезаны от родины жестоко и безнадежно. Боялись писать домой, чтобы не навредить родным. Я матери боялась писать. Так её и не увидела. Мы были без вины виноваты в том, что увидели, какая жизнь за рубежом. Ведь даже при Гитлере немцы жили неизмеримо лучше, чем у нас в Киеве, в Остре...

И всё-таки народ нашел в себе силы победить. Слава Богу, что так. Если бы победил Гитлер, это была бы национальная смерть славян...

...Дочь живёт далеко, в другом штате. Внуки тоже. Уже правнук есть Логан, ему три годика. Дочь приезжает раз в две-три недели, ездим по магазинам, делаем закупки. А я за пятьдесят лет так и не стала американкой, машину не вожу. Очень не современная. Компьютерный век — не моё время. Хотя вынуждена пользоваться компьютером при подготовке выпусков альманаха. Но я его не люблю. И чувствую, что эта нелюбовь взаимна.

Очень люблю свою собаку. У меня живет двухлетняя овчарка Шера. Я её щенком забрала у чёрных мусульман (сейчас многие негры переходят в ислам), которые над ней издевались. Отмыла, отпоила, только имя сохранила. Ещё родители воспитали в нас любовь и чувство сострадания к "братьям меньшим", и с тех пор я четвероногих опекаю, где бы ни жила и кто бы из их рода-племени ни приблизился к моему порогу. Сейчас вот кормлю пятнадцать бездомных кошек.

...Правнуку три годика, Шере — два, а "Встречам" — уже тридцать. Я этим горжусь. Евгений Витковский (известный московский литератор)

сказал мне, что ни в России, ни в русском зарубежье ни один альманах не дожил до такого возраста.

Минут через сорок после окончания разговора Валентина Алексеевна перезвонила мне сама.

– Вот ещё о чём хочу Вам рассказать.

Иван Елагин завещал мне одно четверостишие и просил после его смерти опубликовать эти строки только во "Встречах", а если он выживет, нигде не публиковать:

"Здесь чудо всё: и люди и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней".

Мне не хотелось завершать разговор этими замечательными, но очень уж печальными строками.

И я рассказал Валентине Алексеевне то, что решил держать в секрете до самого дня рождения: Президиум Конгресса литераторов Украины принял её в почётные члены Конгресса. И поделился с ней планами на будущее: мы начинаем работу над новым издательским проектом – двух- или даже трехтомной антологией "Украина. Русская поэзия. XX век".

– Без Вашей помощи нам не обойтись. Ведь тридцатилетний архив "Встреч" – это просто-таки алмазные россыпи.

И Валентина Алексеевна дала согласие войти в редакционную коллегию нового издания.

Юрий Каплан

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

(Филадельфия)

* * *

Да, мы требовали очень многого:
от работы в поте до высочайших тем.
И вот пустеет наше неуютное логово.
Но будьте благодарны тем,
писавшим чернилами, красками.
Плакали, днями работали,
а к звездам шли по ночам.

Что вы скажете нам, спокойные знахари?
Нас узнаете по смертельно усталым глазам?
Мы уходим с земли. А земля иностранная.
А своя жестока. И на тысячи вёрст
разметала судьба нас,
одарила случайными странами.
Знайте, путь наш был – ох как не прост.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА НА ФЕРМЕ РОВА*

О, этот сон, что иных степеней привольней!
Если крепко спать – непременно приснится он.
Но на каком инструменте и с какой колокольни
ты услышишь плясовую и погребальный звон?

А в День святого Владимира белый ангел,
превозмогая нью-джерсийскую влажную жару,
благословляет люд и воинов, которых спасал Врангель,
и трапезу в этом полурусском бору.

Мы стекаемся сюда, уже старые и больные,
на звон колокольный во Владимиров День,
на звон, который звучал вот так ещё при Батые –
от больших городов до глухих деревень.

И поются лихие песни, и пляшутся пьяные пляски,
купают, обжигаясь, красных черногривых коней,
покуда на автострадах небывалой окраски
станет сверкать лавина автомобильных огней.

И я забываю звук иностранной речи
и, срывая голос, кричу какую-то дикую строку,
в которой кони, костры, отголоски Запорожской Сечи...
И до следующего Дня Владимира слово каждое берегу.

июль 1977

* РОВА – Русское общество в Америке.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

1.

Без голубого, как дымка, начала,
без золотого, как осень, финала,
и без "Средь шумного бала",
просто из дома, просто с вокзала,
прямо со школьной ребячьей скамейки –
юность истрачена вся до копейки.
Там, где теряли и жизнь и любимых,
поезд товарный шел медленно мимо
сел, и полей, и пустых магазинов,
шел, спотыкаясь о судьбы, на Запад.
Некому было выслушать рапорт
о том, кто спасётся, и кто задохнётся,
кто никогда на Восток не вернётся –
просто пройдет сквозь чужие ворота –
с чем-то смириться. С чем-то бороться.

2.

А мама носила красивые платья.
И милые мальчики, мамыны братья,
на паркетно-узорном стояли полу.
И нарядная мама с брильянтовой розой
танцевала серебряный вальс на балу.
Это было в альбоме – ещё до морозов,
до замерзшей воды на полу,
до стоянья за хлебом,
до похлёбки пустой за обедом,
до хождения по селам и бедам...
Всё сияла красивая мама в альбоме
в нашем промерзшем покинутом доме.

3.

Постарел и сгорбился дом.
А студент из альбома стал добрым отцом.

Но трагически был он не в мире
с тем, что есть и что стало потом.
И со страхом смотрел он на двери,
и надрывно впускал он бездомного зверя,
ожидал перемен – ни ушам, ни глазам не поверя,
ожидал он. И умер в крошечное время,
целовавшее насмерть и в губы, и в темя,
целовавшее насмерть таких, как он...
А поезд товарный – вагон, и вагон, и вагон
шел от дома, где старый остался альбом.

* * *

Матери и отцу

Ещё мой день так дивно молод –
ему ещё нет сотни лет.
Зной спал. И не тревожит холод.
И светел в памяти далекий след

зимы... Без абажура лампа,
и стол накрыт богатым яством книг.
Слова, как молоко, я выпивала залпом.
И стол был щедр. И мир велик.

Была еще соломенною крыша,
поленья в печке знали ворожбу.
И ничего потом я не встречала выше
тех книжных зим, проложенных в судьбу,

когда я знала только: мама, папа,
их – плоть от плоти – Да и Нет.
И потому еще горит без абажура лампа
поверх моих посеребрённых лет.

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Отцу

Керосиновая лампа детства
из моего наследства,
цешкого, как обезьянка,
выворачивающего наизнанку
Быль...

Вот коптит фитиль,
вот скопытит пыль
снежную лошадка.
За лошадкой
под звездой керосиновой
и шаткой
одиноким шёл человек.

Керосиновая лампа детства.
Ей ещё нет лет ста.
И фитиль горит ещё.
Память снова ищет
смысла, мысли, тыщи
слов, чтоб объяснить
путь под керосиновой
лампой...

В магазине
на одной витрине,
в день прозрачно-синий,
на другой планете,
при дневном, при летнем свете
лампа ничего не может объяснить.

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ ИЮЛЬ

Весна в этом году была – никакая:
ни тебе солнца, ни цветов, ни мая,

только дожди, дожди да тоска немая.
Далеко этой весне до земного рая.

Но вот Четвертое пришло июля.
Гуляют толпы. Ни ножа, ни пули.
И даже дедушки и дряхлые бабули
толпятся в парке, ставят стулья
и жадно ловят блеск Четвертого июля
сегодня, в эту огненную ночь.

А для пришельцев – неужели это мы? –
Святой Владимир поднял крест из тьмы,
благословил конец июля киевским крестом.
В июльский день подумали и мы о том,

что в Филадельфии построен прочный дом.
Он выстоял, не забывая русской речи,
легко и благостно упавшей нам на плечи
давным-давно – за тридцать земель...

В углу иконка. Дальше – хохлома и гжель,
и к небоскребу, кажется, рукой подать.
Мы празднуем – который год опять –
июля жаркую, шальную благодать!

ВЕСНА

Сирень цвела в садах и в вазах.
Художник ликовал, писал сирень.
Была весна. Была война. В противогасах
бежали женщины, в опасный пробуждаясь день.

Была опять война. Летели бомбы –
попробуй, сосчитай убитых наповал.
Подвал стонал. Похож на катакомбы
был каждый погреб, замок и вокзал.

Но едешь ты куда, спешешь откуда?
Куда опять без памяти бежишь?
Спасёшься от чего? Какого чуда
ждёшь от кого, упрямый нуворишь?

Вон в ту войну готический не выжил замок.
Теперь – куда уж тысяче одной ночи?
Мосты бегут от берегов, холсты из рамок.
Весна, беззвучно ты на весь безумный мир кричишь.

Кто услышал тебя? Кому подвластны вёсны?
Война. Сирень в садах подобна небесам.
И Пасху возвещает день великопостный,
врата открывший в опустевший храм.

ПРИЗРАК БЕРЁЗ

З. Михайленко

Город. Мы сблизились оба.
В сердце камнями он врос.
Но вижу еще в небоскрёбах
белый призрак берёз.

И в городах-странах,
людям каменных вёсн,
может, кажусь странной –
с призраком белых берёз.

ГУМИЛЁВ В АМЕРИКЕ

Нет, он пел бы и здесь не Город великий,
электричество, автомобили, мосты,
он пел бы Запад – солнечный, дикий,
каньонов драконьи хребты,
стрелу, пущенную рукою
смелой, и злые глаза...
А вдалеке, а вдалеке не давала покою
песня девушки, льющаяся в небеса.

Что писал бы он здесь, в Нью-Йорке?..
Небоскрёбы, рекламы, метро...
Ах, смуглой девушке
с поцелуем сладким и горьким
он дарит бирюзовые кольца и серебро.
Костёр пылает ярким пламенем,
возвещая злоещее впереди.
Завтра битва: надо спасти эти травы и камни...
Но падает он – который по счёту! –
с пульей в груди.

* * *

Я стихи читала незнакомым людям
на своём чужом, днепровском языке.
И затем разъехались все по каким-то будням –
каждый спрятался в своем каком-то уголке.

И забыли вечер, на котором я цвела. И пела
всё про то: небоскрёбы, степи и судьба.
Мне до них, им до меня, какое дело?
Но судьба живым свидетелем глядела
и живым потоком шла толпа

по дороге вихревой на Запад...
Вспомнит кто-то в незнакомом уголке,
как читала я стихи единым залпом
на чужом, своём днепровском языке.

25-ЛЕТИЕ

Вот ещё один выпуск журнала.
Он живёт, говорит, увлекается – вот
наполняется жизнью моей, отплывает с причала,
задыхается, падает в обморок, но живёт.

Я же пью за любую его страницу.
Здесь Марина, здесь Игорь, Израиль и даже Сибирь.

В каждой строчке летают с детства знакомые птицы:
если не соловей, то синица, воробушек или снегирь.

Всё поёт. Все поют. У каждого голос:
кто щебечет, кто щёлкает, заливается иль –
этот зреющий, крупный и шепчущий колос –
сколько зреть ему, хлебный выращивать стиль?

Замолчат ли когда-нибудь эти страницы?
Нет, не смолкнут, коль даже уйду.
У порога какой-то границы, столицы, станицы
их всё равно, всё равно их услышат. Найдут!

ДОЛЕТЕВШЕЕ СЛОВО

Вы дали мне живой напиток выпить,
не оставляли здесь без хлеба и воды.
По синим водам плавал белый лебедь –
извечный символ красоты,

не давшей слову превратиться в камень.
Шепчу я стих молитвой перед сном.
Мы жили здесь, и в вечность мы не канем,
на этом месте был воздвигнут дом.

В нём жили мы – тоска и радость зверя,
и вдохновенья пот, и легкость ремесла.
И мы творили, будущему веря.
И крепла вера, и строка росла.

И вот узнали: слово долетело
до деревень на том, на дальнем берегу.
И расцветает сад. И крепнет тело,
остановившее коня на всём скаку.

ТАТЬЯНА КАЛАШНИКОВА

(Оттава)

Имя нашей землячки, живущей ныне в столице Канады, хорошо известно читателям "Юрьева Дня". Здесь публиковались и стихи Татьяны Калашниковой и рецензия Вячеслава Рассыпаева на её сборник "Прощальный спектакль". Очевидно, тема прощания – сквозная в творчестве поэтессы, ибо присланный ею в редакцию цикл новых стихотворений носит название "Прощальный фэзтон".

* * *

Пшеничные поля. Ужели прежние?
Безболием, просторностью близки.
Близки своей диковинною нежитью,
клонящей хороводом колоски.

Кругами злак по полю гладко стелется,
прореженный нехитрым васильком.
"Все отшумит, всё после перемелется", –
нащёптывает колос и тайком
поёт о том, что памятно, что дорого,
о том, что берedit тревожный сон.
Выводит шелест: "Поле... ставни... бороны..."
и повторяет грустно в унисон:
"Сверчок у дома, поле чисто скошено,
и бороны усталые – в отстой...
Девичье платье смолоду не сношено,
за ставнями томится дом пустой".

* * *

А я на блюбочке да с голубой каёмочкой.
Возьми. Ан нет.
Проводишь пальцами по тонкой кромочке
ушедших лет.
Шероховатые зазубринки пережитого.
И всё – одно –

нам общих сыновей и крова
не суждено.
Сминая шёлк, уткнулся в тёплые колени.
Не плачь же, ну.
Утру глаза цветным подолом. Пожалеею.
И всё пойму.
Не плачь так горько, милый, об ушедшем.
Усни. Забудь.
На нашем старом месте вербы шепчут:
"А будь, что будь".

* * *

Две серёжки – две слезинки,
две настенные картинки, –
всё, что в память мне осталось
от тебя, мой добрый друг.
И почти что позабыла
я, как жирные чернила
на бумаге расплывались
под нажимом нервных рук;

как вода у ног плескалась,
и как капелька стекала
на виске, оставив стежку
белой соли в жаркий день;
как сквозь ивовые ветви
солнце золотистым светом,
рассекало на мерещку
неспасительную тень.

Вот уж грустною каплейю
дождик шелестит за дверью,
еле слышен из прихожей –
осень песенку поёт.
И под зонтиком седая,
друг о дружку согреваясь,
пара старичков в калошах
медленно сквозь дождь бредёт.

"Всё проходит. Всё проходит.
Осень лейтмотив выводит.
Ваша жизнь – такая малость,
как сезонов мерный круг".
Две серёжки – две слезинки,
две настенные картинки –
всё, что в память мне осталось
от тебя, мой добрый друг.

НЕ СМЕЁТСЯ КУКУШКА

Не смеётся кукушка, не плачет,
молоточным её "Ку-ку"
нам отмерено, не иначе,
на коротком и так веку
пять годочков любви "с обрыва",
пять годочков любви "в умат",
где оставила я счастливой
и себя, и такой же взгляд;
где всё так же поют дубравы,
за околицей ветерок,
как и раньше, ласкает травы
и измятый любовью стог;
где оставила смех гортанный
и тот голос, что ты любил,
чтобы стать вдохновенно-странной,
для того, чтоб хватило сил
говорить о тебе с луною,
горевать о тебе во сне
и, расставшись давно с собою,
оставаться собою вне.

Не смеётся кукушка, плачет.
Это слезы ее: "Ку-ку".
Нам отмерено, не иначе,
отлюбить на своем веку.

"AUF DEM WASSER ZU SINGEN"

Александру Избицери

"Прощай, прощай..."
Да я и так прощаю..."

Б. Окуджава

И чаек крик прощание пророчит,
и небо растревожилось густой,
клубящейся дымами серой тучи
белесой пеленой. "Постой, постой!
Не торопи: осеннюю кручину,
к зимовью птиц резные косяки...", –
волнуется орешник, сторбив спину
под ветром, у взволнованной реки.
"Постой, постой!" – шумит камыш, осыпав
подвыцветший коричневый бутон
на рябь воды. "Постой, – хлопочут липы, –
не ускоряй прощальный фазтон".

"Не подгоняй, попридержи поводья,
дай надышаться пряною травой,
дай налюбоваться под ветвистым сводом,
и с пьяною от счастья головой
уснуть под шёпот девственной березы,
перебирая в пальцах поздний цвет,
рассматривать мистические грёзы
грядущих и ушедших зим и лет", –
ложится стих чредой неровных строчек...

А чаек крик прощание пророчит.

ИГОРЬ МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

(Филадельфия)

Редактор филадельфийского альманаха "Побережье", участник антологий "Киев. Русская поэзия. XX век", "Библейские мотивы в русской лирике XX века" и "Пропуск в зону Чернобыль" Игорь Михалевич-Каплан прислал в редакцию новые стихи. Публикуем подборку нашего постоянного автора.

* * *

Ты приходишь ко мне по утрам
и я по кругу иду за твоей тенью,
как за лепестками подсолнуха,
пока они не останавливаются в зените.
В золотом слепом свете исчезает твой голос
и в ладонях твоих тает цвет моих глаз,
когда ты подкрадываешься кошачьей походкой,
а каждое твоё движение гипнотизируют мои желания.
Если я предчувствую твоё приближение,
колебание воздуха превращается в ветер
и он приносит с собой шелест твоего платья
и утомленное дыхание долгого летнего дня.
Ты приходишь ко мне по вечерам
и трава покрывается серебристыми птицами
и верховья деревьев плещутся в глубине тёмного неба,
угадывая всё, что произойдет этой ночью.

* * *

Тысячи твоих поцелуев
стадами быстрых, игривых коней
пасутся на моей коже –
озорные и тёплые в начале ночи,
утомлённые и прохладные к утренней заре.
И каждый из них разной масти.
Они засыпают со мной и тело, покрытое ими,

как звёздное небо, становится бесконечным.
Но вдруг это огромное пастбище нежности
начинает волноваться,
дыхание превращает их в капли дождя,
танцующие и поющие,
и, собравшись все вместе, вдруг оказывается,
что у них есть ещё и душа.
У каждого из них своя душа.
Они ласкают меня, поцелуи любви,
посланники наслаждений.
Они плавают на теле от каждого твоего прикосновения.
А когда тебя нет,
я очень бережно пользуюсь их энергией.
В долгие и холодные зимние вечера
я буду брать твои поцелуи из запасов прошлого
и осторожно расходовать их
на вес червонного золота.

* * *

Жёлтый ветер вьюжит листья.
Голых веток черные распутья,
как антенны, ловят звуки:
тихий шёпот разговоров.

Твои мысли меня будят —
будет время, будут дни.
На дворе лишь ты и вечер,
что пришли ко мне на встречу.

* * *

Возвращаюсь домой поздним вечером.
Ключ под ковриком. Выключен свет.
Я пройду по комнатам летним,
настежь окна к деревьям открыв.
Ветви лип осторожными тенями
раскачают чувства мои.

Отразится лишь память встречами
на прозрачном стекле тишины.
Эти дачные лица друзей
позолочены тайнами времени.

* * *

Белое солнце,
Техас.
Это Даллас
и сто градусов по Фаренгейту!
На горячей арене цирка
стадо баффало темно-рыжее
играет в родео местное
всем благородным семейством.
Парни в синих джинсах
хлопают клёстко, храбро,
кружится вокруг тела
тонкое лассо исправно.
Детство мое ковбойское...
на Украине...
На экране фильмы...
Солнце... Пустыня...
Скачки по белой дороге...
Сердце, готовое к бою...
Герои ловко стреляют в погоне.
Мексиканцы,
сомбреро,
плети...
Кони летят в сплетении...
Где вы теперь рассеяны,
друзья моей юности
и ровесники?

* * *

На роликах тело летело,
торчали волосы дыбом,
в очках отражалась реклама
французского хлеба и сыра.

Твои загорелые руки
пляшут ладонями жаркими,
зафыркаешь у фонтанчика
брызгами солнца яркими.

Рубашка "хаки" на выпуск,
сандалеты на босую ногу,
походка с ленцой южной,
ну и картина, ей Богу...

Только потом я понял,
что это пронёсся мой Ангел.
Ничего он мне не поведал,
Музу оставив на память.

* * *

Стих мой белый –
в профиль свеча до рассвета.
Тонких нитей фитиль –
слов отражение на стенке.
Долго будет гореть
золотистого воска планета,
обжигая страницы книг моего ковчега.
Немного тепла и света –
всё, что останется от меня, человека.

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

(Москва)

Светлана Соложенкина известна читателям "Юрьева Дня" не только как поэт, но и как автор рецензии на антологию "Киев. Русская поэзия. XX век" "Тайное зодчество".

Кандидат филологических наук Светлана Львовна Соложенкина закончила Литинститут им. Горького, в течение двадцати лет была ведущим редактором "Литературного обозрения", издала около десяти своих поэтических сборников. Её стихи публиковались в "Новом мире", "Юности" и других ведущих московских журналах, она один из авторов антологии "Библейские мотивы в русской лирике XX века", в презентации которой в Москве принимала активное участие.

* * *

Я не знаю группу своей крови.
Наверное, потому что избегаю групповщины.
Но вену всегда держу наготове,
и сомневаться нет причины,
что я готова любого спасти.
А группу крови я не знаю, прости,
быть может, не такая, как у красной розы.
Когда палец нечаянно об нее уколю,
роза вздрагивает и просит:
"Не делай этого: я не люблю!"

* * *

Меня уводили дороги
в разлив за весенней звездой...
Глядели задумчиво боги,
как след заполнялся водой.

И ныне, наверное, даже
в степях, где седы ковыли,
следы мои – синие чаши
видны на просторах земли.

Мы душу вложили в пейзажи,
Неважно, мы там или здесь...
Везде Гефсиманская чаша
Для нас, притомившихся, есть.

* * *

Мой путь далёк, далёк, далёк...
Что взять с собой в дорогу?
Пожалуй, синий василёк
да хлебушка немного.

Взобью я облачко пышной,
как белую подушку.
Взамен "Вечерних новостей"
послушаю лягушку.

Я доведу костер В СТЕПИ,
в скрипеньи коростеля
я различу: "Терпи, терпи"...
Терплю. Как все терпели.

Ведь и Везувий до поры
Молчал о красной лаве...
Живу по правилам игры,
хотя игра без правил.

Вам Книгу Вечную дал Бог.
А нам бы – тень записки
от тех, кто – луч и пыль дорог,
единственных и близких.

* * *

Всплывает осень, словно лебедь,
в Тобол... Камыш, полураздет,
почти до обморока бледен,
цвет тихо, переходит в свет.
На север тянет уток стая
СВОЮ, чуть видимую, нить.

Природе хочется истаять,
природе хочется, не быть.

И я бреду неторопливо,
бесцельно, от моста к мосту
я обняла бы эту иву,
но к ней, боюсь, я прирасту.

И станут волосы ветвями,
Поникну, в глубину взгляну –
и не смогу кормить словами,
как белым хлебом, тишину.

РИНА ЛЕВИНЗОН

(Иерусалим)

Рина Левинзон передала мне стихи для Библейской антологии по совету Валентины Алексеевны Синкевич. Потом последовал телефонный звонок из Израиля и долгий душевный разговор. И когда я попросил тексты для "Юрьева Дня" на мой электронный адрес пришёл целый стихотворный сборник и разрешение на свободный выбор.

А всего в "послужном списке" Рины Семёновны двенадцать поэтических книг на русском, четыре – на иврите и одна книга – на английском языке.

ВЕТКА ЯБЛОНИ, ВЕТКА СИРЕНИ

Вот бы мне научиться смиренью,
Что ещё мне желать на земле.
Ветка яблони, ветка сирени
В белой вазе на круглом столе.
Не хочу никаких повторений,
Не жалею о том, что ушло,

Ветка яблони, ветка сирени
В белой вазе. Мне с ними светло.

День кончается к темени, к тени,
Свет уходит куда-то во мглу.
Ветка яблони, ветка сирени
Тихо-тихо белеют в углу...

* * *

Я от людей устала. Отдохну,
Но ненадолго. В этом нет секрета.
О, Бог, не оставляй меня одну,
Пошли мне друга, брата и соседа.

Куда спешить? Еще не минул час,
Еще так много сил и много света.
Отныне и навеки, и сейчас
Пошли мне друга, брата и соседа.

Мне кажется, я все перенесу,
Вилась бы только надо мной беседа
На языке родном. В глуши, в лесу
Пошли мне друга, брата и соседа.

* * *

О, нет, не открывай лица!
Моя улыбка беззащитна
Перед спокойствием глупца,
Которому тепло и сытно.

О, нет, не открывать души!
Душа ещё сильнее ранима.
Замкнуться в глубине, в глуши,
И – горечь мимо, горе мимо.

Я эту заповедь зубрю,
Я непреклонной быть решаю.
Но, Боже, как благодарю
Того, с кем слово нарушаю!

* * *

А. Кушнеру

Как славно катится строка,
Кибиткой вольной по дороге.
Звенят бубенчики слегка
О чьей-то – о моей? – тревоге.

И объяснить я не берусь,
В чем колдовство стоящих рядом
Двух слов, с их непривычным ладом,
Рождающим такую грусть.

Мне дорог тем поэта слог,
Что всюду, возникая нежно,
Блуждает где-то между строк
И помогает мне надежда.

ЖИЛОЙ КВАРТАЛ. КВАРТИРА ПОЭТОВ

Ю. Мориц

На пятом этаже тревожной нашей жизни,
На гулкой и опасной высоте
Живут поэты, бьются, словно жилки,
У времени седого на виске.

На пятом этаже, над ханжеством и ложью,
Им все большее в этой вышине...
Живут поэты, словно бы заложники,
Что первыми погибнут на войне.

* * *

Памяти О. Э. Мандельштама

Осип Эмильевич, шёпотом, криком
Буду твердить, ничего не боясь:
С Вашим-то голосом, с Вашим-то ликом
Чья ж та рука,
что на Вас поднялась?

Сколько с тех пор уже ужасов было,
Ангелы гибли в огне и в дыму,
Но все равно та рука, что убила
Вас.
Как она поднялась,
не пойму.

* * *

Валентине Синкевич

Мерцанье снега в фонаре,
Мерцанье фонаря в тумане...
Мне вспоминать о той поре,
Как будто возвращаться к маме.
Как будто снова по трубе,
По желобку, по водостоку
Слетит сосулька.
И к уроку
Я не готова.
И к судьбе...

* * *

Александру Воловику

Это солнце так снижалось,
время длилось,
это жимолость и жалость,
Божья милость.

Это сердце колотилось –
так ли бьётся
серебристое ведро
о дно колодца?
Это жаворонок, музыка-жалейка,
воронёнок большеглазый,
грудь и шейка.
Цвет вороний, воздух жаркий,
рук дрожанье,
это милого встречанье-провожанье.
Это воздух еле видимый над нами.
Что мне с этими желаньями и снами,
что мне делать с ними,
милостивый Боже, с этой жалостливой
нежностью и дрожью?

* * *

Так бы жить среди этого мрака,
Чтобы душу свою отстоять,
Чтоб не стыдно читать Пастернака,
И не совестно Блока читать.

А у них на страницах – такая
(Дух захватывает) – чистота,
Словно жизнь совершенно святая,
Неземная была прожита.

СЕРГЕЙ НАДЕЕВ

(Москва)

Сергей Александрович Надеев печатается с 1973 года. Автор поэтических сборников "Редкие письма" (М. 1990, совместно с А. Пчелинцевым), "Игры на воздухе" (СПб, 1994), "В библиотеке снов" (шесть изданий в М. – с 1993 по 2006) и книг прозы: "Чужой сюжет" (М. 1998),

"Калигорский" (М. 2002). Надеев работал главным редактором в московских издательствах "Глагол", "Academia", "Рандеву-АМ". В настоящее время – редактор поэтической серии "Библиотека Единая книга".

* * *

В библиотеке снов – какой тебе по праву? –
В языческую масть, в готическую высь?
Петроний обещал к утру прислать ораву
Вихрастых сорванцов – аттический каприз.

Не сон тревожит плоть, обряженную в поры,
Но плоть – накоротке с тяжёлым забытьём.
Плесни немного сна, чтоб выяснить – которым
Мы веки обожжём, как бабочку – огнём.

Пробудись в слезах. Себя мы знаем – мало.
Не втиснуть ни словца в разбухший формуляр.
Ещё одной мечтой на свете меньше стало.
Какой гнетущий дар.

* * *

Тихо трону твои ладони
Поцелуем, и скажешь вдруг:
Не ищи ответа – утонем
В оправданиях, бедный друг.

Ты пугливее летней птицы,
А окажется – что права.
И растерянный взмах ресницы
Ранит глубже, чем все слова.

Со слезами, положим, сладим,
В крайнем случае – рукавом.
Но поведай мне, Бога ради,
Что мы в хаосе мировом?
Неужели и впрямь заране

Безутешно обречены
Кротким сердцем плутать в тумане
Одиночества и вины?

* * *

Легко ли быть непризнанным поэтом,
Не признанным, обидчивым, как дым,
Охаянным и походя задетым
Упоминанием пустым?

Так жжётся жёлчь и яд щедрот ненужных!
Взамен любви и крови вопреки
Простуженность, нечувствие, натужность
Продуманной, придуманной строки.

Как хочется быть на виду и в сваре,
Значительность желанна и пьяна.
"Мне скучно, бес!" –
Но так писали встарь,
И только стыд испепелит сполна...

Ах, в юности легко прослыть счастливым;
За ночь без сна и пачку папирос
Соперничать в сиротстве горделивом
С виновником невысказанных слёз.

Соперники. Но перед кем предстанут?
Едва ли им зачтётся суета.
И снова ночь с измятыми листами
И утра подведённая черта.

* * *

Осенняя, похоже, драма
Вмещается в четыре фразы:
"Сгоревшие сады Приама,
Обрушенные в небо вязы..."

Холодная полоска тлена
Ещё казалась золотою...
И вновь: "Когда бы не Елена..."
С такой отвагой и тоскою.

Больничная трава промокла,
Набрякшим тянется шевроном" –
"Как мёртвые власа Патрокла,
Убитого под Илионом".

Подумаешь про снег: "Пора бы..."
А у ворот бессонно вьётся,
Тоскующая тень Гекабы,
Скулит и в руки не даётся.

А хочешь, форточку открою,
И город втиснется знакомо,
Разрушит вымысел, как Трою?..
Но это – из другого тома.

* * *

"Я всех люблю бессмертною любовью,
Его люблю – как зреющий закат..." –
Так говорила и смотрела с болью,
Как будто я и в этом виноват.

На то и жизнь, чтоб подчиняться сроку.
Покуда мы в младенчестве своём,
Страдания и жалобы – без проку,
Хотя уже и плачем, и зовём.

Когда ещё душа с душою грянут
В согласии, как "Боже..." на хорах...
И страшно мне, что окажусь обманут,
И сладко мне, что беспричинен страх!

К чему все эти полуоткровенья
И пальцы ледяные у виска?
Любовь всегда на грани преступленья,
Особенно, когда она близка.

ЛАРИСА МИЛЛЕР

(Москва)

Известная поэтесса Лариса Миллер в Украине, по всей вероятности, публикуется впервые. "Язык её поэзии – чистый и ясный до прозрачности литературный русский язык", – так оценил в своё время творчество молодой коллеги Арсений Тарковский.

Лариса Емельяновна автор более десяти поэтических сборников. Стихи, представленные в альманахе, взяты из её последней по времени книги "Сто оттенков травы и воды" (М. 2006), подаренной "Юрьеву Дню" автором на московской презентации Библиейской антологии.

* * *

Я сегодня на фоне зелёном живу.
Рядом красный пион расцветает.
Белый пух, перед тем как упасть на траву,
Возле тополя кружит, летает.

Всё мираж: я сама и пионы, и пух,
Всё уйдёт, облетит, растворится.
День зажётся давно и пока не потух.
Он почти до полуночи длится.

Ах, не гасни, светлейший, не гасни, продлись,
Дай же мне на тебя наглядеться.
Высока и бездонна небесная высь,
И с земли никуда мне не деться.
Дай поверить, что это воистину так.
Хорошо мне на фоне зелёном...
А сегодня расцвёл ослепительный мак
Рядом с пышным и красным пионом.

* * *

День этот долгий живи и не комкай.
Чёрная бабочка с белой каёмкой
Села на скромный цветок полевой.
Очень непросто остаться живой:
Шапкой накроют, наступят случайно.
Чёрная бабочка. Хрупкая тайна.
Чёрная бабочка так хороша,
Что от восторга заняла душа.

* * *

Что поделаешь с этой вселенской тоской...
Одинокий художник в своей мастерской
В перламутровой вазе напишет сирень, *4 рисунка*
Проведя за мольбертом который уж день.

Будет эта сирень до того хороша,
Что на миг возликует больная душа.
А потом он поставит картину туда,
Где другие пылятся года и года.

* * *

Июля лёгкое туше...
Куда ни глянь —
кругом клише,
Всё повторяется, но, Боже,
Сии повторы мне дороже
Любого чуда, и в душе
Я умоляю: "Повтори,
Июль, с зари и до зари
Весь путь, весь дивный распорядок.
Жасмин твой бел и плод твой сладок,
Как и велят календари".

* * *

Куда спешить? Ведь не горит.
Куст отцветающий сорит
Вторые сутки лепестками,
Под кучевыми облаками
Малютка ласточка парит.

Куда спешить? Побудем здесь
И назовём старинным "днесь"
День, что течёт – не утекает,
И нам, как может, потакает,
И от любви лучится весь.

* * *

Нас Бог послал сюда любить,
Дыханье близкое ловить.
Нас Бог послал сюда влюбляться
В леса, что скоро оголятся,
В недосыгаемость небес,
В летящий мне наперерез
Пожухлый лист на пёстром фоне,
В твои глаза, в твои ладони.

* * *

А ещё я забыла сказать,
Что свободно могу осязать
То мгновенье, которое будет,
Луч, который нас завтра разбудит,
День, который ещё не настал,
Дождь, который давно перестал,
Весть, что в окна вот-вот постучится,
И беду, что не скоро случится.

ЕВГЕНИЙ МИНИН

(Иерусалим)

Уроженец Псковской области Евгений Минин в настоящее время является председателем Иерусалимского отделения СП Израиля. Он автор поэтических сборников "Разве?!" и "Линия крыла", издатель альманаха "Иерусалимские голоса" и приложения к альманаху "Литературный Иерусалим". В "Юрьевом Дне" печатается впервые.

ИНТЕРНЕТ

Мы встретились с тобой
в пространстве виртуальном,
Такой уж нынче век,
такой уж нынче свет,
Не в маленьком кафе,
не в грустном танце бальном,
А нас соединил
с тобою Интернет.
Любовь и Интернет –
прекрасные моменты,
Ни встреч и ни цветов –
лишь кнопки под рукой,
Но если ты чего,
то я нажму на энтер,
И ты уже с другим,
и я уже с другой!
А в Интернете мы
все выглядим моложе,
А монитор всегда
обманом режет глаз,
Не скажет он тебе,
что сорок мне, о боже!
Не скажет мне,
что ты
в разводе третий раз.

ТЫ НЕ ОДНА

Я чувствую,
что жизнь моя на спуске,
Последние минуты сердце бьётся,
Уже вовсю готовятся закуски,
которых мне отведать не придётся.
Ну, а с меня понятно –
взятки гладки,
Но перед самой тягостной минутой –
я счастлив,
что мой старший сын
в порядке,
и он – в порядке,
и его компьютер.
Я постараюсь выглядеть с улыбкой,
Спокойной, чуть натянутой истомой,
Вдруг буду
в жизни следующей – рыбкой,
И жить в своём аквариуме – дома...
Да ни к чему загадывать загадки,
И, как бы всё не повернулось круто,
Я счастлив,
что мой младший сын
в порядке,
И он в порядке,
и его компьютер.
Признателен своим друзьям
и близким,
Что навестить меня придут,
страдая,
Помянут чем –
вином,
мартини,
виски –
Поскольку не купил ещё – не знаю.
Жене скажу –
не надо слёз на грядки,

Расти цветочки – глазки от Анюты,
Я знаю,
что с тобою всё
в порядке,
Ты не одна –
с тобою мой компьютер.

ФАНКА

Каждым утром спозаранку,
Каждый божий день подряд
Вывожу собаку Фанку
На обычный променад.
Все в округе Фанку любят
Женщины и ребятня,
Гладят все её,
голубят,
Хоть бы кто-нибудь –
меня!!

ДОБРОТА

Подобрали собаку на улице,
а кота принесли с помойки,
Мы сделали им прививки,
и кормим неплохо, кстати.
А по ночам эта парочка
дрыхнет на нашей койке,
А мы с женою –
на коврикe,
который возле кровати.

ОСТРОУМИЕ

Конечно, остроумие – талант,
которым
нужно пользоваться гибко,
не уколоть,

как шпагой,
дуэлянт,
а просто осветить лицо улыбкой.
Мы помним,
сколько пало от острог,
чужие судьбы
вдребезги ломая,
и всё же
по таланту выше тот,
кто хохотать умеет,
понимая...

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЗДЕСЬ...

Светлой памяти ушедших

* * *

Время приревновав,
Небу грозя пером,
Будешь искать слова,
А подвернётся тромб.

Префиксов и корней
Вечен водоворот.
Видимо смерть верней.
Верностью и берёт.

Плохо ли, хорошо –
Сразу и навсегда.
Пусть говорят: ушёл.
Пусть говорят: судьба.

Всё-таки жизнь – анонс.
Нет приговору: весь.
Сколько бы не унёс,
Всё остаётся – здесь.

Юрий КАПЛАН

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

Начавшаяся глубокой осенью 2005-го и продолженная летом 2006 года череда презентаций "Библийских мотивов..." в разных городах Германии навсегда останется в памяти захватывающим сериалом ожидаемых и неожиданных встреч.

А особняком в этом созвездии мерцает потусторонним светом одна Не-встреча.

Замечательный поэт, коллега по созданию антологии современной русской поэзии Украины "Киевская Русь" Ольга Бешенковская не смогла встретиться со мной из-за изнурительной болезни.

Её подарок – недавно изданную в Нью-Йорке книгу "Беззапретная

даль" передал мне муж Ольги Юрьевны известный фотохудожник Алексей Кузнецов. "В память о наших совместных, надеюсь не приносящих большого вреда словесности, проектах, – размашисто написала Ольга переёрк титульного листа.

И ещё:

Дорогому Юрию Каплану:
В этой жизни всё идёт по плану.
Пусть поэт не знает планов Бога...
И светлей окажется дорога.

Ольги Бешенковской не стало 4 сентября 2006 года. Наша словесность потеряла "одного из сильнейших русских поэтов", как назвал Бешенковскую Евгений Евтушенко. А для меня это и невосполнимая личная потеря. Мы познакомились с Ольгой в 1996 году и подружились с первого взгляда.

Стихи, напечатанные в "Юрьевом Дне", в киевских газетах и антологиях – это первые публикации Ольги Юрьевны на украинской земле. А она в каждый мой приезд в Германию неизменно организовывала выступления, встречи с читателями, печатала интервью со мной в немецких газетах. Венцом этого творческого содружества стал уже упомянутый выпуск антологии "Киевская Русь".

Человек неуёмной энергии, стойкая и целеустремлённая Ольга Юрьевна не растерялась, как многие, перед трудностями эмигрантского бытия, сумела вписаться в новую творческую среду, была редактором толстого журнала "Родная речь", выпустила две книги на немецком языке, стала неформальным лидером литераторов – эмигрантов. Разбросанные по городам и весям объединённой Германии русские поэты и прозаики обращались к ней за советом и помощью даже при решении насущных бытовых проблем.

А до эмиграции Ольга Бешенковская прошла, в общем-то, обычный для советского литературного андеграунда путь.

Она родилась в послевоенном Ленинграде, там же закончила факультет журналистики университета и по случайному недосмотру всевидящего, казалось бы, КГБ некоторое время работала в местной прессе.

"Органы" вскоре обнаружили свой промах, и Бешенковская надолго пополнила отряд литераторов-кочегаров, обслуживающих котельные и бойлерные северной столицы. Именно там, в хитросплетении трубопроводов, среди задвижек и пультов управления отопительной системы родился редактируемый ею самиздатский альманах "Топка".

Из подполья – и в прямом и в переносном смысле – Ольга вышла в 1985 году. Её стихи всё чаще появляются на страницах толстых журналов Ленинграда, Москвы, Нью-Йорка, Парижа. Голос поэта звучит в передачах радиостанции "Свобода". В свет выходят поэтические сборники, книги прозы, эссеистики, литературной критики...

И вот последний прижизненный сборник, последний Ольгин подарок.

Есть в этой небольшой по объёму книжечке пронзительный и щемящий раздел "Диагноз". Именно стихи из этого раздела по разрешению самой Ольги Юрьевны публикуем мы в пятом выпуске "Юрьева Дня".

Юрий Каплан

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

* * *

Ну не торопить же эту дату...
Просто жить, любуясь на зверей.
Белка, лира теплая, куда ты?
Мы с тобой придумаем хорей!
Сочинить бы солнечную книжку.
Чтобы листья на деревьях – в пляс.
Чтобы кошка в рыженьких штанишках
С холмика за домом поднялась...
Но опять нездешним острым светом
Взгляд мой тихий режет и болит.
Отчего суров Господь к поэтам,
А подонкам так благоволит?
Не ропщу, сравнив судьбу с другими,
Просто жжёт навязчивый вопрос...
Пусть моё бесхитрое имя
Станет пачкой новых папирос:
Господа, курите на здоровье.
Пейте жизни! Танцуйте в гололёд:
Опрокинет шприц с нечистой кровью.
Или в небе лопнет самолёт.
У Неё в богатом арсенале
Войны, наводнения, слова...
Ну а душу как бы ни пинали,
Всё равно, упрямая, жива!

7 декабря 2005

* * *

По небу ангелы бегали
и оставляли следы,
лёгкие, розово-белые,
тоньше морозной слюды.
Яркое солнце ноябрьское
тихо за крыши скользя,
было похоже на яблоко,
так, что банальней нельзя.
Вот ведь какая идиллия.
если о жизни всерьёз.
Кремль, и Рейхстаг, и Бастилия
ниже, чем уровень слёз...

7 декабря 2005

* * *

Что поделаешь, мы не бессмертны,
не бессменны, не пали с небес...
И судьбы голубые конверты
получаем с доплатой и без.
И теперь, в ожидании итога.
усмехнусь, посмотрев на часы,
что грехи в бухгалтерии Бога
нерадиво кладут на весы...

8 декабря 2005

* * *

Картинных галерей падающий тихий свет,
Торжественный покой страстей, зажатых в рамы.
Как ясно на душе... Нас не было и нет.
И чей-то острый шаг – как зуммер телеграммы.
Мне живопись давно дороже, чем слова.
Я так и вижу рай: с ликующим паркетом...
Вот бабочка Дега... Вот мокрая трава...
А за окошком вход, оцепленный пикетом.

8 декабря 2005

* * *

Я в белый коридор ступила,
шелестя,
Отметив на ходу, что здесь не мел,
а мрамор...
Один порыв – туда, где сын – ещё дитя.
Второй – туда, где ждут,
обнявшись, папа с мамой.
Вот так бы и застыть:
ни взад и не вперед...
На этой высоте дыханье
с перехватом...
Невидимый другим
пронзительный полёт,
Где чувствуешь себя
смертельно виноватым.

9 декабря 2005

* * *

Всё будет также, как при мне.
хотя меня уже не будет:
щербинка эта на луне
и суетящиеся люди.
И золотое Рождество
с его цинизмом, китчем, сказкой,
и детской правды торжество
в тетрадке, названной "раскраской".
Мы наполняем графарет
беспечной зеленью надежды.
Шальной прибой, полночный бред,
зимы весёлые одежды.
И вдруг в предчувствии конца
печаль под сердцем шелохнётся.
И от Небесного отца
лицо к земному обернётся.

Какой отчаянный бедлам
трудов и дней беспутно ленных...
И сердце рвётся пополам
на Здесь и Там, на две Вселенных...

9 декабря 2005

* * *

Белка считала кошку мою разбойницей.
Кошка считала, что белка была нахалкой...
А по-моему в мире всё ещё успокоится.
Успокоится, просвистев
в воздухе
яркой скакалкой.
У меня уже очень мало осталось времени:
90-й Псалом звучит сурово и просто...
Разбирайтесь сами. Мне дороги оба имени.
Распахать бы поле, успеть бы посеять просо...

9 декабря 2005

* * *

не хочу заведовать
не могу завидовать
я люблю загадывать
горло в шарф заматывать
выйти в город ветренный
мне одной доверенный
дождиком пропитанный
вежливый воспитанный
где у всех стаканчики
будто одуванчики
мне ж ладонь – посудницей:
выплю каплю –
сбудется.

9 декабря 2005

* * *

Мне опостылела кровать
И смиренный саван шить...
Мне надоело умирать
И я решила – жить!

Вернуться к прерванным делам.
К укладке кирпичей.
Наперекор антителам
И выдумкам врачей.

Любой нарост не больше гланд.
И, значит, скажем: пег!
Что знает бледный лаборант
О силе наших недр...

О сопромате от Стиха.
О рифмах начеку...
Проснёмся раньше петуха:
Весна, ку-ка-ре-ку!..

10 декабря 2005

* * *

От первой строчки всё,
от первой строчки...
Все заморочки.
И дойти до точки.
И вдруг себя увидеть из трамвая:
Живая! Ещё живая!
Ещё друзьям протягиваю руку,
Ещё успею выучить науку.
Залечь бы только с книжкой на диване...
кто там шепнул: "науку расставаний..."?..

10 декабря 2005

P.S.

Совсем недавно, в самый разгар работы над альманахом, Алексей Кузнецов прислал мне по Интернету последнее стихотворение Ольги Юрьевны с просьбой опубликовать его в "Юрьевом Дне".

* * *

Алексею Кузнецову

Любимый, прощай и прости,
Что мало стихов посвятила.
Сначала ссыхались в горсти,
Мерцающая гордыней чернила.
Потом наших дней круговерть,
Пелёнки и плёнки, и гости.
И кажется столько стерпеть
Должны мы без приступов злости.
И вот роковая черта –
За ней не напишешь и строчки.
Любимый! Я больше не та,
Я вижу моря и листочки.
На ней, на черте роковой
Виднее любовь и разлука,
И если б Амур был живой,
Он выстрелил снова из лука.

24 августа 2006 года

ЮРИЙ ШАНИН

Не стало Юрия Вадимовича Шанина. Он был не только одним из самых известных киевских литераторов, но и одним из самых любимых ещё с советских времён, когда его стихи, пародии, эпиграммы щедро печатались в авторитетных антологиях сатиры и юмора и на знаменитой юмористической странице "Литературки".

Автор более десяти книг, изданных на русском, украинском и польском языках, кандидат филологических наук, профессор, многолетний заведующий кафедрой латинского языка Национального медицинского университета Юрий Вадимович даже страницы некоторых своих сборников нумеровал не арабскими, а римскими цифрами. Строгая латынь однако не мешала ему оперативно и остро с неподражаемым юмором откликаться на непростые реалии нашего повседневного быта. Свои последние строки Юрий Вадимович написал буквально за несколько дней до кончины.

Андрей Вознесенский заметил когда-то: "Поэт не дублёрка. Он не может нравиться всем". Юрий Шанин, может быть, единственное исключение из этого жёсткого правила. Ему посвящал свои знаменитые "киевские" стихи Борис Чичибабин. Его не просто уважали, а относились с искренней душевной теплотой и сверстники, и молодые литераторы и писатели среднего поколения – факт, повторяю, редчайший в творческой среде.

Судьба сложилась так, что я познакомился с Юрой Шаниным ещё в школьный период. Его отец, один из ведущих киевских теплотехников, участвовал в работе научно-технического общества энергетиков, где моя мать долгие годы была учёным секретарём.

Первую пародию от Юрия Шанина я "заслужил" в начале далёких шестидесятых:

Каплан в поэзии новатор,
Немало ритмов изобрёл,
То загудит, как трансформатор,
То заклеочет, как орёл.

На что откликнулся с благодарностью:

Пришло, как видно, возмужанье,
Становится козырной масть:
Быть спародированным Шаниным –
Почти что в классики попасть.

... Для каждого из нас, кто в течение многих лет общался с Юрием Вадимовичем, его уход – глубокая личная боль, утрата близкого человека. Утешает одно: всё, сделанное им, навсегда останется с нами. И мы постараемся передать эту неизбывную любовь своим детям и внукам.

Юрий Каплан

ЮРИЙ ШАНИН

БАЛЛАДА О НЕПОДАРЕННЫХ СТИХАХ

Что делать нам с бессмертными стихами?!
Мы разовьём в сюжетец эту нить...
Поэт проснулся вместе с петухами,
Дабы успеть поэму сочинить.
Подобной прыти нечего дивиться,
Причина уважительной была:
Его в тот день знакомая девица
К себе на именины позвала.

Он третий год страдал по ней украдкой!
Итак, настроясь на высокий слог,
Поэт в то утро даже физзарядкой –
Чтоб время сэкономить! – пренебрёг.

О чем писал, признаться, знаем все мы.
Был создан опус строк на восемьсот
И, в ходе сотворения поэмы,
Поднялся он до подлинных высот.

Диск солнечный поблек в оконной раме.
Поэт – в гостях. Он вымыт и побрит.
Заваленная разными дарами,
Под люстрой именинница стоит.

Она цветёт, улыбки расточая.
Пройдя вперёд по чьим-то головам,
Любимец муз, поэму ей вручая,
Пролепетал: "Примите! Это – Вам!"

Дымились сигареты лучших марок,
Везде – цветы конфетной шелухи...
Она спросила: "Ну а где ж подарок?
Ведь это – не подарок, а стихи!"

Поэт поник. Ехидно и зловеще
Ему сказал лысеющий толстяк:
"Мой юный друг! Мужчины дарят ВЕЩИ!
А это что? Безделица! Пустяк!"

Два гостя хохотнули ядовито,
Рычала радиолоа, словно зверь.
Воскликнул лирик: "Мама! Всё убито!"
И, не простившись, вылетел за дверь.

... Поэт сумел уснуть лишь с петухами.
Печально угасали фонари...
Что делать нам с бессмертными стихами?!
Что хочешь. Но невеждам – не дари!

ВЛАДИМИР КУХАЛАШВИЛИ

12 мая 2006 года из жизни ушёл Владимир Константинович Кухалашвили. Володя... Яркая, неординарная, творческая личность, талантливый поэт, человек необъятной души и большого сердца... Добрый, светлый, обаятельный, обладающий искрометным чувством юмора, простой в общении, бескорыстный и неравнодушный к чужой боли...

Родился Владимир 3 января 1949 года в г. Тернополе. Закончил факультет романо-германской филологии Киевского государственного университета. В начале 70-х участвовал в военных действиях на территории Египта, был награжден медалью "За боевые заслуги". Долгое время работал в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко, успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Он всегда трудился, и, несомненно, его творческое наследие долгие годы будет приковывать к себе внимание как литературных критиков, так и простых читателей. Это поэтические сборники "Короче вдоха" и "Век уходящий", замечательные добрые книги детских стихов "Лісовий ліхтарик" и "Як побачити вітер", а также многочисленные публикации, монографии и другие работы.

Обладающий редким литературным чутьём и безукоризненным чувством слова, наполненный невероятной творческой энергией, Володя спешил жить, старался реализовать себя по максимуму, на протяжении нескольких лет боролся с недугом, не прекращая работу до последнего дня.

В Володе подкупала искренность, открытость и почти детская непосредственность. Его великодушие и человеколюбие были поистине безграничны. К нему всегда тянулись люди, его любили, им восхищались, но далеко не все догадывались, что в этом одухотворенном, мужественном, уверенном в себе, сильном человеке живет тонкая, ранимая душа.

Ушёл Володя Кухалашвили, ушёл замечательный поэт, а для меня просто друг и любимый отец... И я безмерно благодарна судьбе за годы, прожитые рядом с этим удивительным, тёплым, живым, настоящим человеком.

Светлая ему память.

Марьяна Степанова

ВЛАДИМИР КУХАЛАШВИЛИ

МОЛЕНИЕ

О, мать Божья, светлая Мария,
Когда иду по колючей тропе,
Всё детское, все помыслы живые
И суть, и сущность тянутся к Тебе.

И если Ты поможешь, Всеблагая,
То веру мне никто не раздвоит,
И мотыльком душа моя нагая
Ложится тихо под ноги твои.
И если б не кровинкою, а кровью,
И если б что задумал, то и смог,
И если б прикоснуться к тайнословью,
И если б речью не был столь убог –
Тогда б зывал к Тебе ещё смиренней,
Хотя далёк от постригов и схим.
Я в храм войду и преклоню колени
Пред чудотворным образом Твоим.
Произношу Божественное имя
С коленопреклоненною мольбой,
А скажешь, что грехи незамолимы –
Я покаянно соглашусь с тобой.
Прости нас, грешных, Дева Пресвятая,
И помоги спастись и сохранить,
Ведь будто Данте, изгнанный из рая,
Я должен в преисподнюю ступить.
И если ждать надежды ниотколе:
Душа пуста, оплавлена свеча,
Спаси нас всех – и волей и неволей,
Даруя свет небесного луча.
Я вижу крест и лозы, дверь и чашу.
И утешенье скорбных матерей.
Всего страшнее ощутить пропажу
Неизречённой милости Твоей.
Я теплую молитву в злую стужу
К престолу обращаю, а затем
Спрошу, нельзя ль поднять из пепла души?
Возможно ль милосердие ко всем?
До древа жизни каждый путь – нескорый –
От Благовещенских белейших крыл.
И если чистый свет бывает скорбным,
Он от Тебя, конечно, исходил.
Что довелось перенести Пречистой,
Вместившей Мир и Божью Благодать?
Никто из четырёх Евангелистов
Не смог Твои мученья передать.

Пусть вестник видел. Всё ему известно,
Но не достичь бездонной глубины.
Ведь были Твои скорби мукам Крестным,
Боюсь сказать, но всё-таки, равны.
А Ты стояла при Кресте среди нищих,
Солдат и слуг с покрытой головой.
Живого между мёртвыми не ищут,
Ведь это был Сын Божий... Но и Твой!
Святая Мати Слова! Ты – живая
Надежда безнадежных. Потому
Молю Тебя: чего бы ни желал я,
Да будет мне по Слову Твоему!
О, Матерь Божья, светлая Мария,
Когда иду по колющей тропе,
Всё детское, все помыслы живые
И суть, и сущность тянутся к Тебе...

МАРИЯ ТИЛЛО

Мария Тилло прожила всего 28 лет. Эта жизнь была непрекращающейся, трагической борьбой с неумолимой болезнью. Её опыт сравним с опытом бойца, который испытывает в сгущающейся атмосфере смерти пронзительное чувство жизни.

Родилась Мария Тилло в 1977 году в г. Коростышев Житомирской области. Родители ее – русские филологи. В частности отец, профессор Семён Дмитриевич Абрамович, привил ей понимание глубинных духовных традиций русской культуры. Напротив, мать, Надежда Леонидовна, стимулировала постижение сложного языка художественного субъективизма (в частности, поэзии В. Гребенщикова).

Говорить и слагать стихи Мария Тилло начала одновременно. Хотя её украинские стихи совершенно не уступают написанным по-русски, мыслила и интерпретировала мир она на том языке, в атмосфере которого выросла. Закончила она отделение русского языка и литературы филологического факультета Черновицкого университета; по окончании аспирантуры защитила диссертацию "Художественный мир Иосифа Бродского: традиции и новаторство в контексте идейно-эстетического поиска русской поэзии" – первое и пока единственное в украинском литературоведении монографическое исследование художественного мира поэта. Тем не менее, работать ей пришлось преподавателем украинского делового языка и культурологии в Черновицком торгово-экономическом

институте КНТЭУ. Она была способным научным работником, соавтором учебников по культурологии и религиоведению, изданных в Киеве и Черновцах под грифом МОНУ. Ее любили преподаватели и студенты: красивая, остроумная, независимая, яркая, сочетающая эпатижность с хорошими манерами, она естественно становилась центром внимания и в аудитории, и в случайной группе.

Но основным содержанием жизни Марии Тилло была поэзия. У неё был абсолютный слух на русское слово. Её стихи рождались сами собой, без малейшей вымученности. Нужно сказать, что нередко вдохновение сопрягалось с надрывом: болезнь её включала в себя эписиндром – малые эпилептические припадки. И после припадка нередко сами собой появлялись на свет стихотворения: одно, три, шесть... Родители и врачи с известным ужасом вспоминают: её будто бы подхватывал и терзал некий не очень добрый ангел, буквально "выжимая" из трепещущего сознания стихи. Если вспомнить, что верующие в магию слова архаические общества культивировали подобные (шаманские) приступы искусственно, то остается лишь признать, что тут распорядилась сама природа. Мария часто говорила, что стихи ей "диктуют", и почти не правила их. Они могли прийти во сне, и в изголовье кровати её всегда лежали наготове ручка и блокнот. Она оставила по себе изрядный короб записанных от руки стихотворений (компьютер признавала, но не любила). Опубликованы были три книги стихов ("Я". – Черновцы, 1998; "Alter Ego". – Черновцы, 1999; "Терция". – К.: Изд. дом Д. Бурого, 2005) и несколько подборок стихотворений в коллективных изданиях.

Поэзия её неотъемлема от стихии мелоса. Окончившая музыкальную школу, Мария нередко писала к стихам собственную музыку, напряженную, острую, драматическую. Эти песни звучали на молодежных вечерах под аккомпанемент гитары, и на презентациях сборников, и на заседаниях поэтической студии, которую она организовала в своем институте; прозвучали они и на музыкально-поэтическом концерте черновицких литераторов в Киеве, на семинаре молодых поэтов в Ирпене. Она активно включилась в формирование черновицкого отделения Конгресса литераторов Украины, не оставаясь равнодушной к тому, что волнует сегодняшнее украинское общество.

Увы, "тусовочным" человеком ей не суждено было стать. Нескончаемое пребывание на больничной койке, скорбное зрелище людских страданий и даже смертей, прямоугольник окна над дверями в реанимационной палате – вот чем принуждалось питаться ее поэтическое воображение. Тем поразительнее, что в её стихотворениях столько света и надежды, тонкого чувства истины и добра.

Она успела познать и обычное человеческое счастье, и глубокое разочарование в людях. Но у неё вовсе нет стихов о любви. Перед нами сугубо медитативная лирика. Это не случайно: как только мозг её освобождался от нестерпимых перегрузок и воздействия одурманивающих лекарств, она, словно изголодавшийся на пищу, накидывалась на книги по философии и психологии, и могла часами полемизировать вслух с Адор-

но или восхищаться Фроммом. Сквозные образы её поэзии космичны: Небо с его светилами, облаками и дождём. Здесь блистают молнии, трепещут на ветру обречённые на гибель растения... Небо отражается в грязной луже, сохраняя свою светоносность; человек с его радостями и страданием живёт в некоем космическом измерении, и в центре этого бытия – непостижимый, но очень доступный, родной Бог. Хотя подчас с её уст срывались горькие упреки в Его адрес и слова скепсиса, она молилась ежедневно, и умерла с молитвой.

Чехов как-то заметил, что пока человек просто упивается плеском воды в ночной тишине, он – поэт; когда же он начинает размышлять, что ведь только что щука заглотала пескарика, и что это за мир такой, в котором один другого поедает – это уже философ. Это "поедание", которому нет простого объяснения, возмущало и будоражило её. Она неизменно выступала в поддержку слабого, не боясь конфликтов с сильными. Независимость суждений и требовательность сочетались в ней со способностью искренне восхищаться – человеком, природой, архитектурой, вещью.

Свобода – ключевое слово и к ее личности, и к её поэзии. Она непринуждённо переходит от классического метра к паузнику или верлибру, демонстрируя "не-заданность" ритмического построения. Образность её – текучая, динамичная, и часто подпадает под определение "постмодернистская". Еще школьницей она запросто могла соединить, например, в рамках единого синкретического образа понятие и звучание ноты "соль" со зрительным и даже "вкусовым" образом насыщенного солью морского берега.

Авторитеты для неё существовали до известной степени. Томик Бродского, подаренный мною Маше еще в детстве, стал её карманной книгой, с которой она не расставалась. Она цитировала Бродского наизусть в огромном объеме. Но могла и рассеянно промолвить: "Младенец на крепких руках Симеона" – нехорошо. Надо бы: "на чутких руках"... Это было не восхищение "кумиром", а непрекращающийся, взыскательный диалог... Мария Тилло жила в культуре и чувствовала себя её полноправной частью.

*Мария Чикарькова,
кандидат филологических наук, доцент*

МАРИЯ ТИЛЛО

СОЛЬ

Соль. Хлеба нет. Лишь солёное море
Спряталось в волны от "до" и до "си".
Ноты как если бы замерли в горле
И только "соль" где-то рядом висит.

Плачет и стонет, и пробует рваться,
Скачет с бемоля на рваный диз.
Снова бекар заставляет сорваться
В свой раскалённо-белеющий срез.

Выступы скал поседели от соли,
Что-то сорвалось, и, как ни крути,
Скалы натёрли на теле мозоли,
Твердые выступы в нашем пути.

Но – ковыляем. А ветер смеётся.
И выдувает взъярённое "соль".
Смело о щёки и руки он трётся,
Вносит солёную, острую боль.

Солнце закрыли солёные тучи
И растеклись охмелевшим дождем.
Падают капли, смеясь, а не муча,
В избранный Богом небесный проём.

* * *

Я не умею слушать тишину –
В ней слишком много страшного начала.
И ощущать, что Время замолчало,
Мне боязно. И я часы кляню.

Остановились стрелки. Циферблат –
Игрушка цифр. И маятник тяжелый
Застыл и замолчал, как мальчик голый
В стеснении. И нет пути назад.

18.12.98

БРЕД

Мне бы начать сначала
Просто. Случайный каприз...
Господи, как я устала!
И сердце срывается вниз.

Там, в ежедневном болоте,
Всё-таки есть острова.
Может быть там, на природе
И отдохнет голова.

Грязь может быть чудотворной –
Просто найди эту грязь.
И по обычным просторам
Вольной душой полазь.

Крылья расправит рифма
И пролетит по слогам.
Вымыслы, сказки и мифы –
Всё соберется к рукам

И побежит стройной лентой
Необъяснимых стихов,
Где можно видеть без света
Даже начало основ.

Это живое свидание
Может в тебе возродить
Даже возможность прощания,
Если не хочется жить.

14.04.04

* * *

Поэты долго не живут.
Поэтов просто не прощают:
Они в реальность воплощают
Чего в реальности не ждут.

И по наитию бредут,
Забыв дорожку в трафарете.
А потому на этом свете
Поэты долго не живут.

2006

ПОЭТОХРОНИКА

Под этой, названной "маяковским словом" рубрикой, мы по традиции помещаем материалы о событиях литературной жизни, организованных Конгрессом литераторов Украины, его региональными отделениями и сотрудничающими с Конгрессом литераторами

ФЕСТИВАЛИ, ТУРНИРЫ...

Редакция альманаха получила подробный отчёт Ларисы Юхименко и Оксаны Писковец о состоявшемся в июне 2006 года в Балаклаве фестивале "Пристань менестрелей".

Оргкомитет праздника возглавляла председатель Севастопольской организации Конгресса литераторов поэт и художник Любовь Матвеева. Работа велась по секциям (стихи о море, авангард, пейзажная лирика, любовная лирика, поэзия для детей, редкие жанры, песенная поэзия), руководители которых отбирали участников поэтического марафона.

На следующем этапе жюри, а в его состав входили известные литераторы, в частности, Владимир Сильвестров (Москва) и Тамара Дьяченко (Севастополь), определяло победителей.

Фестиваль проходил в Балаклавском центре культуры и досуга, в вестибюле которого была организована выставка картин Любови Матвеевой и Елены Дрягиной. Исполнители поэтического действия подарили свои сборники городской библиотеке им. Аркадия Гайдара и сельской библиотеке Байдарской долины. Вырученные на книжной ярмарке деньги оргкомитет передал Севастопольскому и Балаклавскому литературным объединениям.

Формат настоящего издания не позволяет представить творчество всех "пассажиров" "Пристаней менестрелей". Но со стихами тех гостей Балаклавы, которые приняли участие и в шестом фестивале русской поэзии Украины в сентябре 2006 г., читатели "Юрьева Дня" могут ознакомиться на страницах 5-го выпуска.

Проведение поэтических фестивалей стало устойчивой традицией и на Черкашине. Очередная "Летающая крыша" была запланирована на ноябрь 2006 года, а "Пушкинское кольцо" в июле этого года "закатилось" в заветные пушкинские места области: Каменку и Софиевку. По сообщению секретаря оргкомитета фестиваля члена КЛУ, доцента Черкасского университета Ольги Скобельской в поэтических играх приняло

участие более ста авторов из Киева, Харькова, Донецка, Днепропетровска, Луцка, Винницы, Запорожья, Николаева, Симферополя... По итогам праздника был издан альманах.

Организаторами фестиваля "Подковы Пегаса" в Виннице были председатель областной организации Конгресса литераторов Украины Леонид Борозенцев и поэтесса Юлия Броварная.

А о международном (уже шестом по счёту) поэтическом турнире в Дюссельдорфе, который в этом году проходил под девизом "Я гимны прежние пою", редакции сообщил бессменный его инициатор и председатель жюри Рафаэль Айзенштадт. Всего в турнире приняло участие 174 автора. В финал пробилась поэты из Германии, Белоруссии, США, Австралии, Израиля.

Победителям присваивали "статус" олимпийцев и вручали "Пегаса с золотыми крыльями". В этом году в их тесный круг пробился и наш земляк, член Национального Союза писателей Украины Марк Шевелёв. Долгие годы он жил в Запорожье, публиковался в центральной и местной прессе, издал несколько поэтических сборников. Болезнь сердца вынудила его уехать из страны, но и на берегу Северного моря поэт не порывает связей с родиной, сотрудничает с Конгрессом литераторов Украины и с редакцией "Юрьева Дня".

МАРК ШЕВЕЛЁВ

БИБЛИОТЕКА

В этом доме поднимает веки
Жаждающий познания человек,
Плыть и плыть моей библиотеке
Сквозь неясный, беспокойный век.

Здесь монахи хроник не слагали,
Сарагосских рукописей нет,
Здесь студенты быстрыми шагами
Распатали ссохшийся паркет.

И пускай в читальном чинном зале
Никогда не держится тепло,
И старинный маятник сменяли
Цифры электронного табло,

Всё же, я историю листаю.
С высоты шестого этажа

Голубей прослеживаю стаю,
Над Слободкой сизые кружат.

Дотлевет медленно Слободка
В хлипком хламе глинобитных стен,
До утра не убывает водка
В теремах коммерческих систем.

Теремам огонь свечной угодней,
Чем твоя вольфрамовая нить.
После нас опишут наши годы,
Чтобы в умных книжках сохранить.

Чтобы дать туманные ответы
На вопрос, подобный моему,
Если пронесёт библиотека
Паруса Серебряного века,
Проходя девятую волну.

* * *

Сияла заря золотая,
Грустил угасающий день,
Не внук земледельца Мазая,
Мазурик у стойки сидел.

Горячая плейка с пробормом,
Жабо – из немого кино,
Все вороны здешних заборов
Во фраках встречали его.

В запущенной куще альтанки
Очнулась на этот ноктюрн
Несчастливая внучка Каптанки
В объятых былого и дум.

Два века коварства с любовью
Для скользкого дела – не срок,
Надежду бродячей болонки
Шикарный ошейник берёг.

Лакейскую делая стойку,
Балетной рисуясь судьбой,
Купилась проступка на пloyку,
На ласковый свист и жабо.

В ней прежняя жизнь заиграла,
Почудился прерванный бал...
В ошейниках и монограммах
Дешёвый пижон понимал.

Лукаво погладишь по шёрстке,
И снимет ошейник рука,
И снова – в пути собачонка,
Без имени, без номерка.

"Иди!" Но она не уходит,
Обману не веря вполне.
"Тогда, – заюлил греховодник, –
Позвольте откланяться мне!"

Был смыслом исполнен особым
Собачки сиротский оскал.
"Печаль обходи стороною!" –
Мой лечащий грозно сказал.

* * *

Что медицина мне пророчит
И ты, небесное жюри?
Я – сын советской постной почвы.
И вдруг в артериях – жиры!
На завтрак зёрнышко на донце
Благовоспитанно клюя,
Смеюсь сентябрьскому солнцу
И свету свежего белья.
И три махровых полотенца
Мне царски выданы взаймы,
И вместо комсомольских песен –
Святого Лютера псалмы.

ТАТЬЯНА ЧЕПЕЛЯНСКАЯ

"Грустная строка". Издательская фирма "Юг". 2006.

Четвёртая книга стихов Татьяны Чепелянской – это исповедальный монолог одинокой женской души.

Поиск пути, постижение смысла любви, предназначения души – вот основные лейтмотивы лирической исповеди поэтессы.

* * *

Читая "Парадоксы" Аминадо
О жизни, думаю, была бы рада
С ним встретиться не в этой, так в иной...
О родственной душе грустить, и взглядом
Следить за снегом, и за тем, как рядом
Ложится тень на снег, на голубой.

И одиночество стихами разбавляя,
Впадая в транс и время раздвигая –
Сместив пространств упругую волну,
Счета забросить и в преддверьи рая
Всё понимать, ещё не понимая,
Как по теченью нас влечет ко дну.

Дон Аминадо! Низкой и высокой
Поэта имя прозвучало нотой,
Но высоты мне той не одолеть.
Так, исчисляя дни привычным сроком,
Прервать подсчеты стихотворной квотой.
И навсегда стихами заболеть!

* * *

Мне надо и в счастье помнить,
Покуда минута дана.
Что будет недолго полной
Изменчивая луна.

И росчерком ночи скалит
Рога леденящий серп.
И память, условный сканер,
Сканирует счастье во сне.

Да только сквалыга-время
Торопит часов моих ход.
Ранжирует утром зреньё,
Пусть мои сны в расход.

* * *

Слова исчезли все, мне не найти строки.
И обеднел словарь, и ритма не сыскать.
Разбить бы мне цветник на пустыре тоски,
И все слова любви в тоске зарифмовать.

Изменится в пути мой первоизданный текст,
Откажется душа от царственных даров.
Любовь не защитит тот молчаливый тест,
Та суть глухонемых, где руки вместо слов.

Любовь не защитит. Привычнее сжигать
Соизмеримость слов, собрав беззвучный прах.
В бессонной пустоте ночами измерять
Пульсирующий ток на стынущих губах.

* * *

Я ноту верхнюю едва ль смогла бы взять.
Мне голос от природы дан второй.
И, захватившей вдруг врасплох зимой,
Сквозь веки вижу листовенную вязь.

Воображенье годы напролёт
Распевкой занимается своей.
Но вот среди остывших зимних дней
Оно снижается до нижних нот.

Глухое "до" почти бывшее "да",
И "ре" ревнивое напомнит "нет".
Минорно падает легчайший снег.
И " соль " проступит сквозь любви года.

И выше ноту я не стану брать,
Пусть "л...я" для юности сверкнёт лучом.
Пусть навсегда останется в былом
Высоких нот былая благодать.

ВИТАЛИЙ ЕГОРОВ

"Испытание крыла". Издательство "ЮГ". 2006. 84 стр. с фото. Предисловие Игоря Яновича. Книга – своеобразное избранное, итог многолетнего труда поэта, чьи стихи знакомы читателям по публикациям в периодике.

ТОПОЛЬ

В тишине уединенья
у затерянных могил –
старый тополь – грустной тенью –
души спящие укрыл...

Рвётся в небо ствол могучий.
Листья – словно паруса.
Здравствуй, преданный попутчик –
душ – в загробные леса!

Время замерло – нетленно –
в цепком якоре корней...

Судьбы разных поколений
не ведут учёта дней.

Может быть и я причалю –
в эту гавань – на покой...
Серебристый звон печали,
сон украсит – вечный – мой...

РАСКЛЕЙЩИК

Я расклеиваю объявления,
не соперничая с афишами.
Я совковое поколение,
перемены судьбой оплатившее.

Я, признаться, явление спорное –
под ногами – идущими – путаюсь.
На столбах, новостями прикормленных –
я приманку леплю ежеутренне.

Продаются квартиры и офисы.
Покупаются книги и золото.
Всё, с чем люди, как с ценностью носят –
что везут, сторожат, тянут волоком.

Обменяем вам время свободное
на купюры, что к выдаче числятся.
Вы проверите сами их подлинность,
как предъявите времени искренность.

Пессимистам подарим пророчество:
в благоденствие верить заманчиво!
Вы сглотнёте и то, что просрочено –
под намеренно-нежным румянчиком.

Я расклейщик. Я маг объявления.
Я приставлен пружину раскручивать.
Капитал мне даёт повеление:
я свисток механизма могучего.

ОКСАНА МАРШАЛ

"Тайники души". Издательская фирма "ЮГ". 2006.

Первый сборник живущей в Донецкой области поэтессы увидел свет в 1995 году. Несмотря на значительный временной интервал "темы и вариации" этого сборника явственно слышны и в новой книге Оксаны Маршал. Это лирический дневник любящей души, искренние раздумья автора о времени и о себе.

* * *

Нет, эта боль души не зря,
За всех осмеянных толпою,
Кого невежеством казня,
Она учила быть собою.
За тех, чей голос одинок
Средь многотысячного рёва,
И кто сказать бесстрашно смог
Своё непрошеное слово...
Так у позорного столба
Вновь чей-то голос раздаётся.
Проходит всё. Уйдёт толпа.
Но вечным Слово остаётся.

* * *

Мы сюда приходим ниоткуда
И уйдём отсюда в никуда.
Как поверить, что уже не буду
Жить на этом свете никогда?
Не увижу яркие зарницы,
Лунный свет и летний звездопад.
Ничего уже не повторится,
Не вернуть прошедшего назад.
Но надежда слабой искрой тлеет,
Хоть сомнений пролились моря,
Что не зря предчувствовать умею,
И стихи рождаются не зря.

* * *

В душе рождаются стихи.
Слова – лишь их отображенье.
Глубинных вод передвижение
Не видно с берега реки.
И рябь воды, и солнца блики
На убегаяющей волне
Не сами по себе возникли –
Причина скрыта в глубине.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

"По-пастернаковски" названная рубрика альманаха призвана была воскрешать из небытия забытых поэтов.

И хотя в данном случае речь идёт о событиях куда более драматических, чем незаслуженное забытье, мы решили не менять названия рубрики

АНАТОЛИЙ МАКОВСКИЙ

В антологии "Киев. Русская поэзия XX века" об Анатолии Маковском сказано буквально следующее: "Может быть из всех авторов самым загадочным и трагическим образом попал в Киевскую антологию Анатолий Маковский. В 1995 году, находясь в Киеве, он бесследно исчез".

Но оказывается, поэта, в биографии которого мы не смогли даже указать дату смерти, связывало с нашим городом не только трагическое исчезновение. Он жил в Киеве, писал стихи, после отъезда в Новосибирск время от времени возвращался сюда: здесь в скромной хрущёвке 50-х годов по адресу проспект Воссоединения, 13-а, кв. 124 жила его мать. Обо всём этом рассказал редакции киевский поэт, редактор и издатель журнала "Византийский ангел" Игорь Кручик".

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕГО ВИДЕЛИ НА КРЕЩАТИКЕ

"Дарницким райуправлением милиции разыскивается Маковский Анатолий Владимирович, 1933 года рождения, проживающий в Киеве по пр. Воссоединения, который в сентябре 1995 года ушел из дому и пропал без вести. Последний раз его видели на Крещатике. Приметы: на вид около 60 лет, худощав, глаза серые, нос с горбинкой, волосы прямые светло-русые, имеется лобная залысина. Был одет: рубашка защитного цвета, серый пиджак, серые брюки".

Приведенные тут стихи из киевского цикла Анатолия Маковского записал на аудиокассету бард из Новосибирска Евгений Иорданский, передал мне – и я, что сумел, расшифровал и опубликовал в 1996 году в журнале "Византийский ангел".

Евгений Иорданский привёз кассету в Киев в декабре 1995 года. Он разыскивал Анатолия Маковского, к тому времени уже три месяца как пропавшего без вести. Обратился и ко мне – вероятно, по рекомендации новосибирских поэтов. Мы вместе с Иорданским и издателем журнала "Самватас" Андреем Беличенко пытались встречаться со знакомыми Маковского, ходили в Дарницкий райотдел милиции, но все это не дало результатов. О пропавшем Маковском написали московская "Независимая газета" и киевские – "Независимость" и "Киевские ведомости" (откуда взята приведенная выше цитата за 27 февраля 1996 г.).

Биография Маковского какая-то по-советски странная. Во время второй мировой войны остался с родителями в Киеве в оккупации. Семью угнали в Германию, после войны отец и мать оказались в сталинских лагерях, а Маковский рос сиротой. Его приняли в военное музыкальное училище. Учился он хорошо. Далее: МГУ, аспирантура. Молодой ученый поехал работать в модный в 1960-е годы в СССР Новосибирский Академгородок... Потом карьера Маковского делает неожиданный зигзаг: он идёт работать стрелочником на железную дорогу, грузчиком и т. п. Что причиной – поэзия? Водка? Разочарование в науках?

Связано ли исчезновение поэта с подлостями времен 1990-х – приватизационными махинациями, сложностями путешествий по дорогам, перерезанным новыми границами в вагонах, контролируемых ракетными?

В киевских стихах Маковского – много незаконченного, эскизного; повторов и набарматываний. Стихи написаны интонационно в том же ключе, что и единственная книга Маковского, вышедшая в 1989 г. в Новосибирске, и его подборка в журнале "Знамя". Здесь – приблизительно-консонансные, удивительно своеобразные рифмы, реалистично-"совковые" персонажи и обстоятельства, раскрываемые как бы от имени бомжа-бродяги, грустного советского Пьеро. Темы киевского цикла невеселы: похороны матери, делёж немудрящего наследства, в котором самое ценное – квартира да яркие картинки "эпохи Ватерлоо", проникнутые горечью поражения человека в борьбе с болезнями, временем, реальностью, соотечественниками...

Ну, и как главный позитивный объект присутствует Киев, где "преизбыточно транспорта", гетманские бульвары, Лавра и всё прочее, чего так не хватает герою Маковского.

Игорь Кручик

АНАТОЛИЙ МАКОВСКИЙ

ЭПОХА ВАТЕРЛОО

* * *

...плохо в поезде с бабами:
злые они, как собаки...
Но поезд на Киев хорош!
В тамбуре курит король.

* * *

Я в Киеве теперь. Ещё тепло.
Приходится ухаживать за матерью.
Она – художница Эпохи Ватерлоо,
и надо быть вдвойне внимательным.

* * *

Цветы полил, рубаху постирал,
а завтра надо вымыть пол в квартире.
по радио играют пастораль
и окружили матери картины...

* * *

Грустно-осенний Киев!
Жизни не нужно оков.
Девочка с глазами княгини
кружится далеко...

Что-то трамвай в бульварах
гетманских запетлял...
О, этот театр фонарный!
Ветер, не дуй за пальто!

Можно сходить на могилу –
там отдыхает родня.
Памятник Сталину милый
давно глядит на меня.

И пушки торчат... Эх, пушки!
Когда я маленький был,
Там девочка-мама пирушки
Закатывала в степи.

ТРУБА

Ты, труба, как тонкая мачта...
Проиграл я судьбы своей матч.
Мы поехали в реанимацию –
у меня там лежала мать.

И вела меня украинка,
словно мама в юности лет...
На какой-то вазе коринфской
сохранился похожий сюжет.

Но я не был так остроумен,
как насмешливый мой отец!
От трубы расходятся струны,
словно с колом танцует слепец.

* * *

Умерла моя бедная мама.
Прилетела уже родня.
Героиня моих романов
охраняет от них меня.

Это очень хорошие люди:
так и пышет дворянством кровь,
но подъезд меня больше любит,
трудовой хохлацкий народ.

А я думаю о картинах
и пытаюсь понять их смысл.
Ходят призраки по квартире,
и голландскую крупу грызёт мышь.

* * *

Преизбыточно транспорта в Киеве.
Я как тень хожу по ночам.
Нынче осень, меня покинули
и в квартире кончился чай.
Я давно уже съел консервы
и сбросили маски мои друзья.
И утешаюсь лишь на концерте,
а там на юг приглашают меня...

ПЕСНЬ ПРО ИГОРЯ

Начинаем песню про Игоря!
Как он половцев грабить пошел.

Но, связавшись с татаркой импортной,
Оказался войска лишен.

И потребовали за него выкуп.

Для приличия хан с ним выпил.
Отомстил за них вещей Олег.

А Баян все спал у телег,
а Баян играл у телег,
а Баян балдел у телег,
сочинял Баян у телег...

И Шекспир Баян у телег
хронику опозитизировал
вплоть до оперы.

* * *

Вот Дон Кихот, похожий на меня...
Хотя все подвиги твои – х.йня.

V И VI ФЕСТИВАЛИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ УКРАИНЫ

Проведение V Всеукраинского фестиваля русской поэзии совпало с состоявшейся в Киеве пятнадцатого и шестнадцатого сентября 2005 года учредительной конференцией Конгресса литераторов Украины.

Делегаты из девятнадцати регионов днём обсуждали насущные проблемы всеукраинской писательской организации, а вечером принимали участие в мероприятиях фестиваля.

Праздник открытия состоялся в зале Национального музея литературы, бывшей коллегии Галагана, где в своё время преподавал Иннокентий Анненский, бывал Иван Франко, учились знаменитые украинские неоклассики Филиппович, Драй-Хмара и многие другие.

Открыл вечер бессменный председатель оргкомитета Юрий Каплан. Он зачитал приветствия в адрес фестиваля от Государственного Комитета Украины по делам национальностей и миграции и от Комиссии Верховного Совета Украины по делам культуры и духовности. Фестиваль приветствовали также народные депутаты, известные общественные деятели, вновь избранные члены президиума Конгресса литераторов академик Пётр Толочко и Лариса Скорик.

Поэтическую эстафету подхватили представители областных организаций КЛУ: Валерий Басыров (Симферополь), Владимир Спектор (Луганск), Олег Озарянин (Житомир), Лада Федоровская (Херсон), Светлана Скорик (Запорожье), Анатолий Соколов (Днепропетровск), Юрий Лебедь (Донецк), Леонид Борозенцев (Винница), Мария Андрианова (Николаев), Юрий Крысанов (Чернигов), Любовь Матвеева (Севастополь), Борис Шевченко (Хмельницкий), Александр Корж (Киевская обл.), Элеонора Булгакова (Харьков), Олег Слепынин (Черкассы).

В программе фестиваля, второй вечер которого проходил в зале Государственного Музея-Архива литературы и искусств на территории Национального заповедника "София Киевская", также приняли участие поэты Ниязет Умаров (Крым), Юрий Полиский (Днепропетровск), Олег Золотухин (Украинка), Игорь Годенков (Макаров), Юрий Садовский (Обухов), Нила Высоцкая (Ирпень), Лев Рябчиков (Крым), Сергей Кривонос (Сватово), Лариса Юхименко (Ирпень), Дарья Гордийчук (Ирпень), Игорь Наровлянский (Днепропетровск), Светлана Давиденко (Житомир), Владимир Белозерский (Житомир), Анатолий Драндар (Украинка), Татьяна Кочиева (Украинка), Сергей Москаленко (Житомир), Борис Соколов (Харьков) и киевляне: Станислав Бондаренко, Анатолий Лемыш, Валерия Богуславская, Геннадий Семенченко, Александр Наумец, Татьяна Чепелянская, Анатолий Можухин, Наталья Филиппова, Лариса Шку-

ратова, Игорь Янович, Оксана Михальчук, Марина Доля, Виктория Шпак, Владимир Ильин, Валерий Сазонов, Александр Басаргин, Виталий Егоров, Вячеслав Рассыпаев, Владимир Верлока, Анна Козаченко, Андрей Костюченко, Павел Косман, Василий Дробот, Александр Лысенко, Валерий Войцеховский, Валентина Ващенко, Светлана Иванова, Ольга Самолевская.

Работа фестиваля широко освещалась в республиканской и региональной прессе, на радио и телевидении.

А VI фестиваль русской поэзии Украины Конгресс литераторов провёл по нетрадиционной схеме. Его первый этап проходил одновременно с праздником 5-летия печатного органа Конгресса – газеты "Отражение" 8-10 сентября 2006 года в пансионате "Алые паруса" (пос. Седово Донецкой области).

На поэтический форум съехались представители 17 регионов страны: Киева (с областью), Крыма, Севастополя, Днепропетровска, Чернигова, Черкасс, Житомира, Харькова, Херсона, Винницы, Черновцов, Луганска, Донецка, Запорожья, Николаева, Полтавы.

Мощные творческие бригады представляли хозяев и их ближайших соседей – дончан и луганчан. Из новичков фестиваля хотелось бы отметить Алексея Торхова и Надежду Агафонову (Николаев), Елену Буевич и Ольгу Скобельскую (Черкасы), Людмилу Некрасовскую (Днепропетровск).

Запомнились и выступления гостей: главного редактора газеты "Московский литератор" Ивана Голубничего и поэта Андрея Облога (Москва).

Лучшее из услышанного Юрий Каплан пообещал опубликовать в ближайшем выпуске "Юрьева Дня".

Фестивальный праздник имел несколько продолжений. 17 октября в зале Национального музея литературы стихи читали представители Киева и ближайших к столице областей.

Среди тех, чьи фамилии ещё не упоминались в настоящем обзоре, назовём прежде всего Игоря Кручика, Васыля Довжина, Евгению Чуприну, Лесю Тышковскую, Евгению Ветрову, Лину Прибыльскую, Алексея Прибыльского, Алексея Моисеева, Ирину Иванченко, Зиновия Столярова, Светлану Русанову, Марьяну Степанову, Викторию Остап (все – Киев), Святослава Хрыкина (Чернигов), Евгения Зозулку (Боярка), Наталью Вареник (Белая Церковь), Нину Криворучко (Бровары), Сергея Воронцова (Черновцы).

Они не только читали стихи, но и рассказывали об интересных поисках и находках. Наверняка запомнилось собравшимся сообщение Святослава Хрыкина об исследовании творчества замечательного поэта Игоря Юркова и увлекательный рассказ Александра Коржа о поисках места захоронения Юркова в Боярке.

Всего в киевском фестивальном вечере приняло участие более 40 поэтов. А представители пяти центральных и южных областей (Днепропет-

ровск, Запорожье, Николаев, Херсон, Крым) собрались 21-22 октября в Запорожье, где Юрий Каплан провёл презентацию трёх антологий:

"Библейские мотивы в русской лирике XX века" (2005, Киев), "Пропуск в зону Чернобыль" (2006, Киев), "Эхо Бабьего Яра" (Киев, 2006). Поэтические вечера с участием киевского гостя, его выступление на местном радио, экскурсии на легендарную Хортицу и стали заключительным аккордом VI фестиваля русской поэзии Украины.

ЕЛЕНА БУЕВИЧ

(Черкассы)

АПОЛОГИЯ ГАЛИЛЕЯ

Оторванному от времени, места и действия,
выпавшему, как снег в южной столице,
на её тротуары, знакомые с детства
и узнаваемые, как спица,
проколовшая сердце почти по Гринвичу
(от южного полюса к северному),
остается застыть, понимая, как верно
ужас смерти соответствует ее имиджу.
А потом – улыбнуться, оттаять, поскольку
ещё вьётся твоя дорожка, верёвочка, вервица,
хоть планета, посыпанная свежей солькой,
из под ног уходит. Но всё-таки – вертится!..

* * *

В день, улыбающийся новому
году, который не за горой,
сопротивляющийся норову
ртути, облюбовавшей зеро,
на перекрёстках города,
где лучше всего стареть,
меня, само воплощение холода,
можно согреть:

привет, проступивший нервно
из каких-то пространственных дыр,
сквозь строй сортирующих серверов
проведший, как поводырь,
твою улыбку, твою ещё
привычку писать в P. S.
самое наиволнующее,
без всяких кавычек, без...

...в окошке белом размещена
корректной кириллицы смоль:
"Соединение с сервером прошло успешно.
Полученных писем: ноль".

ИГОРЬ КРУЧИК

(Киев)

КОСМИЧЕСКАЯ МАРКА

Авиапочты штемпель устарелый,
с космической маркою конверт.
Амур, где твоё жало – лук и стрелы?
Давно уже и адресата нет,

и космос – ржавый чайник за сараем,
и письма электронные пошли...
Но вздрогнешь: марка с тропиками-раем,
с Гагариным – над шариком Земли.

ВОРОБЕЙ

Серый дождь, как наглый дог,
мочится под водосток.
Воробей сидит. Промок.

Серый, серый сорванец –
птичий маленький самец,
желторотика отец.

Впрочем, сложность бытия
Испытал и ты и я,
наподобье воробья.

Сложим крылья? Или нет:
Мы, нахохлясь против бед,
прочираем в ответ:

"Не страшит ни тьма, ни муть.
Жизнь прекрасна! Жизни суть –
путь луча, в тоннеле путь".

* * *

Старик с подзорной трубой
на набережной в прибой
за деньги Луну приблизит –
давай, подходи любой.

Ну, что там? Мальтийский флаг?
И бриг на всех парусах?
Пустая пивная жестянка
качается на волнах...

Ещё – посмотри туда,
где пылает вода,
и солнце тонет в пучине,
кажется, навсегда.

Как будто в слезе морской,
друзей разглядишь с тоской,
уже навек отдаленных
от суеты мирской...

Враскачку таверна-бриг.
С подзорной трубой старик
в замочную скважину мира
зовёт подсмотреть на миг.

ПЁТР ТОЛОЧКО

(Киев)

Публикуемые стихи – поэтический дебют известного историка академика Петра Петровича Толочко.

* * *

Теней Великих Вары полны,
Здесь сил живительных вода.
Из гор стремится вниз река
И пенятся на перекатах волны.

Над градом высится скала,
Где русским духом камни дышат.
Они давно здесь наших слышат
И их венчает лик Петра.

А что за дивные дома?
И пусть не все с дворцами ровня,
Они Тургенева ещё и даже Батюшкова помнят,
И в них история сама.

Милы мне Вары вековые
И хоть не частый я в них гость
На этот памяти погост
Спешу, и слышу голоса живые.

КАКАЯ ЖАЛКАЯ СУДЬБА

Века проходят чередой,
А мы всё так же безнадежно
Одолеемы надеждой
В изменах обрести покой.

Манят нас дали роковые –
Плывём к восточным берегам.
Чуть ощутив, что зыбко там,
Пускаемся в миры иные.

А нынче, все мосты сжигая,
Решили к западу грести,
чтоб жизнь другую обрести,
стыда за прошлую – не зная.

Какая жалкая судьба –
Носить измены облаченья,
Молиться богу отреченья
И жить в обличии раба.

Раба, что верности не знает,
И всё хозяина меняет.

ВАЛЕРИЙ БАСЫРОВ

(Симферополь)

ВЕЩЕЕ СОМНЕНИЕ

Хрипит закат, в крови утопленный,
и пепел сеется у звезд..
Через столетья слышу вопли я
горящих киевских береж.

И вижу лица я надменные
моих прапрадедов – татар,
а рядом пленники согбенные:
и стар и млад, и млад и стар...

Над церковью над Десятинною
давно завис вороный грай.
Конец. Безудержной лавиною
растоптан Ярослава край.

Но почему такой усталостью
задернут властный взгляд Бату:
его мечта не знала жалости,
мечом он подгонял мечту.

Глаза спокойным безразличием,
как сном, напоены его.
В погоне вечной за величием
всё получил – и ничего.

К ногам владыки сносят воины
иконы, ризы и кресты...
Грабеж у сильных узаконенный –
часть исполнения мечты.

Но как понять их, нераскаянных
(упрям здесь каждый урусит,
как совесть раненой Руси),
сраженных насмерть, заарканенных?

Быть может, в первый раз сомнение
коснулось ханского чела,
он понял, может, на мгновение:
Русь станет крепче, чем была.

ЭТАП

Упал – пропал...
Упал – пропал:
пытала холодом природа.
Я часто падал, но вставал
и шёл среди "врагов народа".

Конвой смеялся надо мной:
"Еще походишь по этапу,
всем хватит места под Шексной –
детिशкам,
мамам,
папам".

Лежнёвка к Северу вела.
Тащила наши вещи кляча,
и на подводе мать спала,
лицо в бушлат от ветра пряча.

Я падал и с трудом вставал –
подножку ставила усталость.
Я был тогда настолько мал,
что мной ненастье забавлялось.

Упал – пропал...
Упал – пропал:
пытала холодом природа.
Я многого не понимал,
но по этапу шёл с народом.

ХЛЕБ

Холодное солнце и низкое небо
осели на тонкие ветви берёз...
Я помню: буханку промёрзшего хлеба
однажды солдат незнакомый принёс.

Кивнув на прощание мне головою,
он дверь за собою поспешно прикрыл.
Был Север. Маячил мороз за стеною,
и ветер голодный за окнами выл.

На Севере хлеба тогда не хватало.
Казался мне праздником мамин паек.
Но только тех праздников было так мало
в коротком и северном детстве моём!

* * *

Сегодня Сумерки неожиданно задержались
у окна моего дома.
Мне было так неудобно,
тревожно и грустно,
что я устал от чистого листа бумаги,
откинулся на спинку кресла
и –
увидел Сад.

Потом стал различать Деревья,
их обессиленные Ветви,
раздобревшие Яблоки.

Заметил,
как Темень
осторожно опустилась на листья сирени
и заглянула в мои глаза.

Этот взгляд из бесконечности
длился столько,
что я смог увидеть прошлое и настоящее.

Как же ты кстати пришла!
Вспыхнул Свет.
За окном зажмурилась Полночь.

И я не успел рассмотреть будущее.

ТАМАРА СЕВЕРНЮК

(Черновцы)

* * *

Во всём, что годы прочь уносят,
Таится возвращенья след...
Стоит в прозрачной вазе – осень
И пьёт зарю ушедших лет.

И что-то, странно так пугая,
Приковывает к ней глаза,
А по лицу зари сбегает
Не то слеза, не то роса...

Я в лепестках цветов устало
Брожу раздумьями всю ночь,
О, как меня враспloch застала
Их непредвиденная мощь.

Тончайшим, лёгким прикосаньем
Преобразила мир в душе.
А я... я даже их названья
Не воскрешу теперь уже.

Я только помню: спеет лето,
Горит у изгороди куст,
И мы срываем гроздь света
И осень пробуем на вкус...

ИСХОД

Мои желания чисты,
Заветное – одно:
Дай мне с тобой быть там, где ты...
А там – что суждено.

В постылом цирке суеты,
Где чистое – смешно,
Где пыль уже мертвит цветы,
Мы ранены давно.

Зола родного очага,
Повысыхавшие дуга,
Смятенье гор и вод...

И страх вселенской пустоты:
Дай мне с тобой быть там, где ты...
А там – что даст исход.

КАК БУДТО...

Мне ведома тайна негромкого слова,
Прохладного взгляда и скрытой тоски
И внутренний свет дуновенья седого
В коротком касанье усталой руки.

Начало – давно. Далеко – завершенье.
"Но всё, что меж нами, уже – против нас..."
Как будто бы тайна теряет владенья,
Куда неожиданно явь прорвалась.

ИГОРЬ ЦАРЁВ

(Москва)

* * *

Друзья пришлют под Новый год
Привет с Тавриды.
И будет радоваться кот
Куску ставриды.

А нам достанется мускат
Воспоминаний –
Полоска тёплого песка,
И свет над нами.

...Ты помнишь, как туда-сюда
Сновал вдоль бухты
Буксир, который все суда
Прозвали "Ух, ты!"?
Он, громыхая, как кимвал,
Кивал трубою,
Как будто волны рифмовал
Между собою.

Итожа день, сходил с горы
Закат лиловый.
И тоже плыл куда-то Крым
Быкоголовый...
Пусть память крутит колесо,
Грустить тебе ли,
Что жизнь навязчива, как сон
О Коктебеле.

СОВРЕМЕННАЯ ПАСТОРАЛЬ

Не важен месяц и число – порой погожею
Коровку божью занесло на руку Божию.
Из-под небесных палестин скатилась вишнею,
Вверяя хрупкий свой хитин Суду Всевышнему.

"Пастух небесный" – в пиджаке и шляпе бежевой –
Качнул козявку на руке, как будто взвешивал
Её смешные антраша и прегрешения,
И долгий миг не оглашал своё решение.

Не навредил суровый Рок душе доверчивой,
Лишь с перегаром матерок смерчи наверхивал,

Когда коровке произнёс: "Лети, убогая!"
Растрогав малую до слез – была у Бога я!

Чуть позже, в споре горячася на куче силоса,
Пыталась Бога развенчать по мере сил оса:
Мол, он всегда навеселе от дозы вермута,
И осчастливил на селе всех девок с фермы-то...

А сельский сеятель добра как есть в поддании –
Его ж назначили с утра в зам. председатели! –
Облокотился на плетень почти торжественно,
И ощущал себя в тот день и впрямь божественно,

Даруя радость и покой своим владениям.
Или... и вправду был рукой у Провидения?

БЕССВЯЗНЫЕ МЫСЛИ ЦВЕТА ХАКИ

Модное хаки солдатской юдоли.
Степень свободы казённых ремней.
В каски впрессованы лобные доли
В целом неглупых когда-то парней.

Посвист косы прокажённой старухи.
Глупые слухи честнее вранья.
Крови алкают свинцовые мухи.
Корчится небо от стай воронья.

Мыслей опальных расстрельные списки.
Кто там сегодня назначен врагом?
Постная каша на донышке миски.
С пушечным мясом почтовый вагон.

В сером конверте цветков белладонны.
Мёртвым юнцам не дано постареть
Боже, как смертные ямы бездонны,
Мы не заполнили их и на треть...

УХОДЯ ПО ЧУМАЦКОМУ ШЛЯХУ

Одесную нахохлился ангел,
Да лукавый опую
Пьёт с тобою за табель о рангах,
Проча славу большую,
Манит ввысь из прокуренной кухни
Через звездные надолбы.
Сердце филином раненым ухнет:
"Торопиться не надо бы!"

Ковылей поседевшие космы
Скрыли во поле камушек,
Где Земля обрывается в Космос –
Не заметишь, как там уже.
Уходя по Чумацкому шляху,
По дороге Батыевой,
Не поддашься ли тёмному страху?
Одолеешь ли ты его?

Дотянулся рукою до неба,
А назад – хоть из кожи лезь!
Видишь в мертвенном свете Денеба
Чьи-то души скукожились,
Прокутили себя без оглядки
От пелёнок и до кутьи,
И хотели б вернуться – хоть в пятки! –
Только пяток уж нетути...

Слава Богу, живой ещё! –
Ветер плачет, то голосом врана,
То собакою воющей,
Да и сам ты рвёшь горло руками,
Как рубаху исподнюю –
Не твоими ли черновиками
Топит бес преисподнюю?

ЛЕСЯ ТЫШКОВСКАЯ

(Киев)

А ЕСЛИ...

1.

Если время жалеть об ушедшем чуде,
потому что чудо в душе погасло,
и уже не предложат судьбу на блюде,
и уже не спасёт ни акрил, ни масло,

можно тело лечить ежедневным массажем
и морской ванной прогреть душу,
можно чаем зелёным писать пейзажи
и ведических гимнов с десяток прослушать,

можно выгулять память в полях Елисейских,
заблуждаясь парижским многообразием,
и опять пренебречь безыскусно-житейским,
и слетать самолетом за легким счастьем.

Но на полпути рейса "Праздник – Праздность"
вырастать из желаний, как из одежды,
в общий сон попав в поясах разных,
а, очнувшись, стирать мастихином надежды.

А потом, отмывая руки к обеду
от вины, что вьелась иудой жажды,
заливать её красным вином, жечь портреты
и жалеть пилатов, проросших в каждом.

2.

А если мы всё же решим в этот сад
войти и остаться,
застигнет ли нас золотой листопад
на цифре двенадцать,

повиснет ли полночь последней из нот,
пробивших пространство,
как поезд, простивший себе недочёт
непрожитых станций?

И станет ли время играть в поддавки,
ютясь по соседству,
пока наши руки, сплетая венки,
возносятся в детство?

А если решимся войти в новый дом,
пока ещё живы,
какие мелодии чисто споём,
какие фальшиво?

И если мы ноту одну на двоих
тянули, как санки,
пока не затихла, в сугроб угодив,
душа-наизнанку,

оставим ли след мы, почти двойники,
не снегом, так мелом?
На белом пейзаже белеют стихи
пробелом, про-белом...

3.

Если прошлое рвётся вниз,
заподозрив в себе изъян,
в нем никто не поддержит жизнь:
мой Сизиф безнадежно пьян.

Он уснул до конца дней,
погрузясь в беспросветный ид:
сновиденья со сноской "бред" –
поднимать то, что вниз летит.

Исчерпав бесполезный труд,
к настоящему не готов,

* * *

Пока ещё в Луганске снегопад,
Беги за ней сквозь позднее прощанье,
Хватая тьму на ощупь, наугад,
И ощущая лишь любви дыханье.

Пока ещё превыше всяких благ
В последний раз к руке её приникнуть,
Беги за ней, хоть ветер дует так,
Что ни вздохнуть, ни крикнуть, ни окликнуть.

И, зная, что сведёшь её на нет,
Не отставай – беги за нею следом,
Пока её скользящий силуэт
Не станет мраком, холодом и снегом.

* * *

Бездомность, неприютность, боль пространства,
Небес обетованных постоянство.
И невозможность заглянуть за грань,
Туда, где растворяется свобода,
Где память – отраженье небосвода,
А поле брани – поле, а не брань.

Полёт или паденье по спирали,
В котором одиночество вначале
Рождает ощущение новизны.
В котором "долго" означает "кратко",
А каждое мгновение – загадка,
И даже счастье – с привкусом вины.

АЛЕКСАНДР КОРЖ

(Боярка)

ВОПРОС

Памяти А. А. Пастернака

Ну, здравствуй, светлая душа,
Забывшая худое тело.
Летаешь, кружишь не спеша
И радуешься светом белым.
В парении ли высоко
В лучах земных тебе удастся
Взлететь как ангел, и легко
Всё видеть, слышать и смеяться?
Над суетностью серых дней,
Над мира вечным копошеньем,
Над ожиданием друзей,
Что тоже ждут Его решений.

8 сентября 2006 года Председателю Киевской областной организации Конгресса литераторов Украины Александру Коржу исполнилось 50 лет.

Редакция альманаха сердечно поздравляет нашего постоянного автора с юбилеем и желает Александру Ивановичу счастья, здоровья, успехов во всех начинаниях, неиссякаемого творческого долголетия.

СВЕТЛАНА СКОРИК

(Запорожье)

* * *

Хотела б отпроситься из своих
шершавых пут прописки-проживанья,
но все пути сокрыты в нас самих,
нам нипочём любые расстоянья.

Ты можешь ночью, сев на самолет
своей мечты, проветриться в Бомбее –
кто помешает выйти из забот?
Настрой воображение на цели!

Уже свободна пташечек стезя,
ты рвёшься, взбудоражен и неистов,
и можно всё, куда всегда нельзя,
для дерзости астрального туриста!

* * *

А семечко стиха, как косточка от сливы,
округло и тепло души буравя плен,
пока что тяжело и даже некрасиво,
но нет ему стыда, и нет ему замен.

И вырастет, струясь тепло и шелковисто,
и отойдёт от вас, как будто не родня,
на праздник и на свет серебряного свиста,
уверено: "Никто – божественней меня!"

Из слез и шелухи, из белой плоти лука,
хрустящая стерня, слепящая свирель,
оно уже – свое и выбрало – разлуку.
И выбрало – листа жемчужную метель,

и внятно, и тепло впечатано в страницы.
Не в чайнях похвал, не нужно никому,
оно от вас умчит в бумажной колеснице –
а кто его послал, неведомо ему.

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ

(Киев)

Известный писатель Игорь Росоховатский начинал своё восхождение на Парнас в качестве поэта. Но даже в этих ранних поэтических опытах уже просматривались черты будущего мастера жанра фантастики.

* * *

Настанет день без пуль и без фугасов...
И звёздных высей славный капитан –
потомок наш – упорный, ясноглазый,
на Марс направит свой ракетоплан.

Метеориты будут, словно птицы,
кружиться над кабиной броневой,
и Землю – серебристо-голубую,
в прожилках рек, далёкую, родную
увидит наш потомок под собой.

Но если вдруг авария, но если
руль управленья непослушным стал,
подумает потомок: "А Маресьев?"
Маресьев никогда не отступал!
И он пробьётся на ракетоплане,
на Марс шагнёт уверенной ногой...
И рядом с ним тогда Маресьев встанет –
ровесник мой.

1955

БАЛЛАДА О РОБОТЕ

Однажды влюбился робот
В земную обычную женщину...
Банальная это история,
Но он ей признался в любви:

"Я – робот, стальной и могучий,
Могу я и город разрушить,
Могу я и замок построить,
И всё для тебя для одной..."
А женщина так отвечала:
"Твой голос звучит, как сирена,
В груди твоей сердце стальное
Объятья смертельны твои.
Не нужен мне город и замок,
Любви я желаю горячеей,
Вот если б ты стал человеком,
Тогда б я любила тебя".
Тревожным призывным набатом,
У робота сердце стучало,
И плавилась блоки от страсти,
И в плоть превращались они.
И снова пришёл он к любимой
И крикнул ей: "Чудо свершилось –
Живой я, такой же, как люди,
Теперь ты полюбишь меня.
Я город не в силах разрушить,
Я замок не в силах построить,
Но знаю я боль и сомненья,
Земную тоску и печаль".
А женщина так отвечала,
А женщина так говорила:
"Я вижу, что чудо свершилось:
Обычным мужчиной ты стал.
Ты город не можешь разрушить,
Ты замок не в силах построить,
Ты знаешь лишь боль и сомненье...
За что же любить мне тебя?.."

1957

ОКСАНА МИХАЛЬЧУК

(Киев)

* * *

Вот и встретились глаза с небом,
Но не хочется телу выше –
Если стать между Солнцем и Ветром,
Можно Сердце своё услышать.
Словно дымка рассеялся утром
Запах винных паров и безделья,
Ты всегда называл меня Чудом,
А чудесное с миром раздельно.
И, наверное, многие смогут
Объяснить, почему мы не вместе –
Ты всё время был ближе к Богу,
только мне не хватило лестниц...

Да душа все грехи отпустила
И крылом по лицу ударила,
Я сегодня не победила,
я вторую щеку подставила...

* * *

Проснуться внезапно от шелеста ветра,
Точнее, от шёпота неба и веток,
И стать очевидцем священного таинства,
Когда очень хочется просто покаяться...
Забыть о делах, перепутать столетия,
Часы раскрошить, как печенье галетное,
И знать, что свобода теперь ощущаема
Душой, доведённой почти до отчаянья.
Молчать, наслаждаясь своим красноречием,
И завтрак (уже приготовленный с вечера)
Скормить первой встречной голодной дворняжке,

Молиться, точнее, читать по бумажке,
Когда хор затаит своё а л л и л у й я ,
Чтоб щёку подставить для поцелуя
У рая, точнее, у края обрыва...
Услышать, как скажет плакучая ива:
– Ты будешь счастливой! Ты будешь...
– Счастли-иии-во-оооооо...

* * *

Я собираю осень по кусочку.
Я так хочу продлить её, остаться
звенюм в сплетеньи золотой цепочки,
одетой на запястье постоянства.

Ко мне лицом холодным повернётся,
вздохнёт и скажет гулкое пространство:
"Пока весь мир шагает против солнца,
Ты составная часть непостоянства..."

МИХАИЛ КРАСИКОВ

(Харьков)

* * *

Л. С.

Овал окна
пытается меня
уверить в том,
что мы не так
несчастливы,
как нам хотелось бы
и как, наверно,
заслужили мы
неверием

в простые чудеса
земли и хлеба
и улыбки детской...
Мой утешитель
в странствиях ночных,
мой геометр судьбы,
мой старичок-учитель,
мой каменный сугроб,
не тающий сто лет,
прости меня, прости:
все утешенья – мимо.
НЕСЧАСТЬЕ – ЭТО РОДИНА ПОЭТА

* * *

И рад бы в рай – да вот они, грехи.
И в ад готов – да вот стихотворенья,
которые, быть может, и плохи,
но в каждом теплится благодаренье
тебе, о Господи, за эту муку мук –
калеку-жизнь, заезженную клячу.
Ещё за то, что даровал мне звук
и большего я у тебя не кланчил.

МАРИНА МАТВЕЕВА

(Симферополь)

* * *

Господи!.. Как он растёт – кипарис! –
что наконечник копья Святогора...

...Сможешь ли, дерзкий поэт-футурист,
дать ему слово?

А в слове – опору?

...Буря грозит иступить острйё,
злобно ломая зеленое тело...

Господи!.. Это – само не своё!..

И не поэтово дерзкое дело.
"Юноша бледный", готовый на риск
словораспила для мозгопрогрева,
видишь ли, "кипа", "пари" или "рис" –
тоже слова.
Но дрова, а не древо.

Верю в тебя. Ты талантлив, речист –
смело влезай на сверхумную гору!

...Боже!..

 Как рвется,
 крича,
 кипарис
из-под земли!..
 ...словно дух Святогора...

* * *

Беспомощная пустота холста –
Без первых бликов, без "Христа народу" –
Похожа на отсутствие Христа
В Евангелии с сурдопереводом.

Каким движеньем рук сказать Его?
Скрепченьем пальцев или кругом нимба?
Попробуй выразить на пальцах свод
небесный или солнечного лимба
багровый отсвет, раду, закат...
Да, жесты есть, но краски и оттенки
невыносимы. Даже звукоряд
безмолвен, как поставленный у стенки

к расстрелу, будто видящий холста
бессилье до движенья кистепальцев.

Одним сияньем глаз скажи Христа...
Да так, чтоб Он в зрачках моих остался.

ОЛЕГ ОЗАРЯНИН

(Житомир)

* * *

Не вышло? Что ж, значит, не вышло.

Видать, не по гусю полёт.
Другому, под бок ему дышло,
Пусть вместо тебя повезёт.

Не стал, не добился, не вышел,
Не сладил с мечтой по цене –
Весь этот забудь пишел-мышел,
Стань проще, чем двери в стене.

Прими этот мир без ремарок,
Во всех его "против" и "за",
И горя чадящий огарок,
И радостей образа.

Живи да и радуйся хлебу
Насущному, с молоком.
Да, изредка, кланяйся небу
Молитвами ни о ком.

И дальше, сквозь зной и метели,
Не спешно бреди на закат...
Наверно, отсутствие цели
Оправдывает результат.

* * *

От наших близостей родятся
Стихи и дети.
Звено в цепи реинкарнаций,
Мы не заметим,
Как нас сведёт к могильной яме
Недобрый гений.
Ведь жизнь – всего лишь нота в гамме
Перерождений.
Не дав познать полёта счастье
Птенцам беспечным,
Нам рубит крылья в одночасье
Скупая вечность.
Судьба марает нас небрежно
Грехами, ленью,
Не оставляя нам надежды
На искупление.
Но верить так хотелось мне бы,
Что час настанет -
Мы оправдаемся пред небом.
Детьми. Стихами.

* * *

Прольются лунные лучи
Теченьем плавным.
Давай с тобою помолчим
О чём-то главном.

Пересыпая звёзд зерно
В своих ладонях,
Ночь будет с нами заодно
И нас скоронит

От стрел калёных слов пустых
И дел бесславных.
Мы возведём опять мосты,
Что жгли недавно.

Пусть все обиды истекут
В подол слезами.
Прощать и ждать – тяжёлый труд,
Но только сами

Себя мы сможем отстоять
У бед житейских,
Не променяв доверья гладь
на фарисейство.

Прольются лунные лучи
Теченьем плавным
На дом, в котором мы молчим
О чём-то главном.

ВЛАДИМИР БЕЛОЗЕРСКИЙ

(Житомир)

ПЕРЕКРЕСТНОЕ

Воздух, вобравший тягучие специи,
Блики рекламы – осколки майолики,
Улицы, площади и перекрестия –
Город, играющий в крестики-нолики.

Грузно дома над дорогой сутулятся,
Автомобильная шастает бестия...
Знак отрицательный, минусы-улицы,
Но положительный знак – перекрестие.

Облако, выцветший клубок малиновый...
Кто ты, мой город, которой конфессии?
Голуби крылья сложили молитвенно,
Но в городах без крестов перекрестия!

Рельсы трамвайные тренькают в терцию –
Шустрый вагончик со звоном уносится...
Отзвуки города пестую в сердце я,
Словно монах звоны храмовой звонницы.

Отклики, отблески, бликов мерцание
Перемежаются мерными пульсами
В точке, где минусы – два отрицания –
Пересекаясь, становятся плюсами.

ВЫЛЕЧИ!

Прихожу на приём к врачу –
Доктор, худо мне, хоть кричи.
Доктор, от души паралича
Вылечи меня, вылечи!

Доктор, милый, ты не взъщи,
Для телесных бед нет причин –
От душевной моей немощи
Вылечи меня, вылечи!

В городах я сердцем ничей,
В городах я душой нищий –
Я асфальтами обезличен.
Вылечи меня, вылечи!

Пропиши голоса птичьи,
Ароматы степной ночи.
Умоляю, мне плохо очень,
Вылечи меня, вылечи!

Сорок капель дождя назначь,
Пропиши мне – в луга навзничь.
Вирус города, не иначе...
Вылечи меня, вылечи!

Хвойный запах назначь чащи,
Не жалея процедур, чаще!
Ты прости, что уж очень клянчу,
Доктор, душа в параличе,
Вылечи меня, вылечи!

НА ГРАНИ

Бьюсь, как птица в стекло, в непроглядную мглу,
В неизвестность стучусь, как колёса о рельсы,
Обгоняю летящую к цели стрелу...

Я – на грани судьбы, я – на уровне стресса!

Шаг неверный – в бездонную бездну нырну.
Нет покоя душе в обиталище тесном –
Ты задела молчавшую долго струну...

Я – на грани любви, я – на уровне песни!

СЕРГЕЙ ДУНЕВ

(Житомир)

* * *

Словно гряды дремучим пыреем,
Зарастаю стихотворением.

И запутано, и непролазно –
Весь в репьях речевого соблазна.

В зыбких звуках, страдая от зуда
Немоту надломившего гуда.

Замирания сердца на грани
Выдыхаю слова из гортани.

И, как роца рассветная пенъем,
Разрешаюсь стихотворением.

НАДЕЖДА АГАФОНОВА

(Николаев)

* * *

У неё не детские глаза...
Образами вымощенный город.
Уплетает души. Хрустом горя
Полнится земля. И ест слеза

Поедом живых, но заключённых
В камеры, где стены – войлок снов.
Войлок стонов. Цвет иссиня-чёрный,
Выродившаяся память-кровь.

У неё не женские глаза.
Прочерки меж слов "родился" – "умер" –
Клейма на бездонной братской урне,
Пепел – оседает в волосах...

У неё не волчий свет в зрачках...
В липких алых травах вязнут лапы,
Лопаются лунный мяч щербатый
Под колёсами взрывной волны в ветвях.

У неё НЕТ глаз. Война слепа.

* * *

Весна. Апрель. Мне снова ...надцать.
Мне дышится тобою – дынным
Щемящим запахом. И пальцы
Гуляют по бульварам нимба
Твоих волос. Остроконечны
Прохожих взгляды – ну и что же?..
Я с яснолунной твоей кожей
Сольюсь, разбрызгивая Млечность.
В зрачках у города. Так небо
Вдруг станет притчей во языцех
У фонарей... И бледнолицых
Проспектов бойкая беседа
Потонет в нашем интермеццо,
Где боязно тебя изранить
О свой минор... В журчащей пьесе
С названием "Весна"
Миг
Правит
Бал – ТЫ мне случился...
Перетекает ночь в постель.
И бьётся жилка у ключицы,
КровоВпуская твой апрель...

АЛЕКСЕЙ ТОРХОВ

(Николаев)

НепониМАНИЯ

лепит нежную бабу...
без суржика и благины...
языка острый приступ...
...

тебе говорю дабы...
не быть услышанным ныне...
быть непонятым присно...

НА БИРЖЕ ЖИЗНИ

не берут с таким пяточком в НАФНАФы...
не берут в плен с таким ХЕНДЕХОХОм...
не берут с таким-то вот ЛЮФТОМ в ВАФФЭ...
потому что там с таким люфтом плохо...

не берут с такими КОСМАми в НАВТЫ
и в САН ТЕХНИКА лишь "по нужде" возводят...
не берут в печать с приговором АВТОР...
не берут в курки, если не на взводе...

не берут в ИКАРЫ, летать икаркать...
не берут даже ВЗАЙ без подписки МЫ

...

я читаю в книге судеб ремарку...
"рождённый в конце зимы"...

и хриплю хоть куда-то возьмите, суки...
отвечают – легче назад родить...

...

мама возьми меня на поруки...
я уже разучился ходить...

ХРУПКО

Изломно. Пунктирно. Хрупко.
Неба колкая взвесь
живёт в телефонной трубке...

Шёпотом: "Дай нам днесь..." –
молю незримые очи.
Как маму малыш...

"Я тебя лю!
И чу!
Очень..."

Благодарно молчишь...

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ АККОРД

Зимний холод по чувству, взгляду.
Впору снег мазать на хлеб.
Снежинки – кристаллики яда.
Город – фамильный склеп.
В каждом шкафу по скелету.
В окно только вид на жи...

...

Я – сплошная дыра в твоё лето.
И память точит ножи...

ЛЮБОВЬ МАТВЕЕВА

(Севастополь)

ПОД ПАРУСОМ НАДЕЖДЫ

Под парусом надежды и мечты,
По океану лирики и прозы,
Веду свой чёлн без лишней суеты,
Махнув рукой на хмурые прогнозы.
Я поплыву проливами любви,
Маяк пошлёт мне лучик веры,
Ты, ветер, мои снасти не порви,
И не усердствуй зря, без меры.
Я отыщу родные острова,
Открою неизведанные дали,
Найду неповторимые слова,
Которых, от меня, совсем не ждали.

ЖИВУ БЛАГОДАРЯ И ВОПРЕКИ

Живу благодаря. И вопреки.
Не мучаюсь от зависти и фальши.
Плыву по руслу жизненной реки,
Стремясь заплыть как можно дальше.
Живу как маятник – то вверх, то вниз,
И с каждым разом круче амплитуда,
Но всякий раз цепляюсь за карниз,
От пропасти спасает чудо.
Живу как море – шторм и штиль
В моей судьбе проходят рядом,
И кто-нибудь мой дерзкий стиль
Оценит ироничным взглядом.
А коль уйду – останутся стихи,
Останутся картины, но сначала
Ты, Господи, прости мои грехи,
Которых, может быть, не совершала...

ЕЛЕНА РУНИ

(Луганск)

* * *

Мы встретимся с тобой когда-то
По эту сторону печали.
Часы, что ложью отбренчали,
Нам назовут другие даты.
И я, грешившая безбожно,
Всех праведников став святее,
Руки коснуться не посмею.
А губ ведь можно?
Правда, можно?

КАТЕГОРИЧНО

Вам рук моих не целовать,
Не слушать робко шорох платья,
Не заключать меня в объятия
И клятв напрасных не давать.
Взамен вам – жёсткая ладонь,
Летящая в рукопожатье!
И не хотелось бы менять мне
Мужскую дружбу на любовь.

ОТ ТЕБЯ УХОЖУ

В никуда, в неизбежность.
Из глубин твоих глаз –
Незнакомых, нездепних;
Из кольца твоих рук –
Не срослось, не сложилось;
Из всечасных разлук,
Где и малость, как малость;
Из тепла твоих губ,
От обид леденея,
Ухожу. Ухожу!
Если только сумею...

ЛАДА ФЕДОРОВСКАЯ

(Херсон)

* * *

Я не пишу стихи – я думаю стихами,
И, кажется, они меня умней.
Из толчеи мирской они приходят сами
Лишь с самой малой помощью моей.

Я не пишу стихи – я чувствую стихами.
Душа в смятении – что с неё возьмёшь?
Но чуткая строка, легко взмахнув крылами,
Перепорхнёт туда, где невозможна ложь.

И сердце поведёт по тропам очищенья,
И грёза станет в ряд со всем, что наяву,
И тусклых нет минут – лишь звёздные мгновенья...
Я не пишу стихи – стихами я живу.

АНАТОЛИЙ МОЗЖУХИН

(Киев)

ТУМАН В ЛОНДОНЕ

Ларисе Искре

На улице лунно, бессонно, беззвучно,
безумно, бездонно.
Скиталец туман, поглощая все лики и звуки,
молчит оглушённо.
Бреду наугад без пути, без тропы,
без дороги, как птица
Туманом густым надышаться, напиток
и в нём раствориться.
В растворе бездумно бездонно скитаться
и выпасть в осадок.
С росой упасть на траву, на кусты, на цветы
королевского сада.
До солнца лучей, что пробьются, прольются
сквозь сонные тучи
Прорвут пелену и угрюмый безмолвный туман
испарят, улетучат.

И в капельке каждой, кругом как зрочки
на жемчужных росинках
Засветятся ИСКРЫ в цветках, на листках,
на озябших травинках.
И тихо исчезнут, уйдут на английский манер,
не прощаясь,
Туда, где их ждут, и прогулки в тумане прощаются.

ЛАРИСА ЮХИМЕНКО

(Ирпень)

* * *

По кругу время, а бывает вспять.
Среди людей так музе одиноко,
И бытия предельно сжаты сроки,
И ей лицо никак нельзя терять.

А время, даты искромсав и скомкав,
Как будто на костёр за ворожбу,
Швырнуло в оголтелую толпу
Нагую, неземную незнакомку.

И не из чего больше выбирать,
Ей место там, в неадаптных пределах
Ты в этой жизни только и умела
Стихи писать да петли набирать.

И самую последнюю петлю
В Елабуге на совесть затянула...

Так в августе мело – свечу задуло,
Такое и не снилось февралю...

* * *

Из строчки без отстрочки
То штопор, то пике,
Мир сузился до точки
В твоём черновике.

Старатель-одиночка,
Чураясь запятой,
Над "i" расставил точки,
Поговори со мной,

Живое слово лечит,
Хоть в лад, хоть невпопад.
И многоточьем свечи
Заздравные горят.

ВИКТОРИЯ ШПАК

(Киев)

МОЕЙ СОБАКЕ

Пойдём домой, моя собака,
хорошим ходом, побыстрей,
чтоб не успела я поплакать
над жизнью смятою своей.
Мы пробежим с тобой по воле,
повоем и полаем всласть.
Забуться нам обеим, что ли,
иль в скепсис неуёмный впасть?
Заткнуть иронией утробной
ту брешь на дне больной души,
что каждому пробить удобно,
лишь мне навстречу поспеши!
Я так избита недоверьем,

доверчивостью так больна,
что даже приворотным зельем
всего не залечить сполна.
А ты мне веришь безоглядно,
моя собака, друг ты мой,
тебе со мною любо-ладно –
ну, так бежим скорей домой!

АЛЕКСАНДР НАУМЕЦ

(Киев)

* * *

К чему смотреть на этот атлас звёздный,
к чему Луну – как женщину – беречь,
и награждать её короной росной,
и прислонять к теплу сосновых плеч?

Не остужать – вдыхать в согласном хоре
настой весны, что выплеснул щегол,
и забываться – повторяя море –
размерной речью царствующих волн.

Не тонут чувства мрачного светила
ни в кратерах, ни в вымерших мирах.
Годами окольцованная сила
грозит рекою бурною в горах.

Пусть в зарослях теней – периметр плаца,
но центр до белизны фонарь скосил.
И стоит ли, и надобно ль бояться –
разверстых, тёмных и голодных сил?

* * *

С пустым ведром не перейду дорогу.
А, терпеливо стоя, подожду,
пока поднимет грудь пружина вдоха
и сладкой льдинкой задрожит во рту.

А день висит холстиной на верёвке.
Рукою от лица я отведу
бодрящий запах утренней позёмки
и снега вскрик у окон на виду.

Вдали колонка – ледяною бабой –
из бани, вроде, выйдет на мороз.
И пар – свояк белесый – тихой сапой
её обнимет – в шутку и всерьёз.

И женщины на дугах-коромыслах
гурьбой – несут цилиндры молока.
И смех несут с собою, чтоб не скисла
дорога жизни – Млечная река.

ЕВГЕНИЯ ВЕТРОВА

(Киев)

*Переводы с французского
из Жака Превера*

ФИЕСТА

Стаканы пусты
Бутылка разбита
Кровать расстелена
Дверь закрыта
Все звезды в стакане собраны
Все счастье и красота

Рассыпаны по комнате
А комната – не топлена
Но это не беда
Я был мертвенно пьян
Я был искрой огня
Ты – от жизни пьяна –
Совсем нагая в руках у меня.

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Осёл
 король
 и я
Все мы завтра умрём
Осел – от голода
Король – от скуки
А я – от любовной майской муки

Жизнь – это вишня
Смерть – вишнёвая косточка
Любовь – вишнёвое дерево

МАРЬЯНА СТЕПАНОВА

(Киев)

* * *

Папе

Радость отмеряна ложечкой чайною,
Страх кособокий доводит до крайности:
Только бы масло на рельсы трамвайные
Не пролилось по нелепой случайности...

Мелкие беды как шарики ртутные
Чем-то огромно-единым становятся...
Шепчет зловеще слова прибаутные,
Дом измеряя рулеткой, бессонница...

Щурится, скалится, мёрзнет и ёжится,
Эхо луны, в зеркалах отраженное.
Дождь бесталаный угрюмые рожицы
Чертит, уродуя стёкла оконные.

Где-то по лестницам в стоптанных тапочках
Шаркает время, хрипя искалечено...
К югу спешат однодневные бабочки,
Не понимая, мечты – лишь до вечера...

* * *

... Герой, как боязно тебе.
Не бойся, я тебя не выдам...

Б. Ахмадулина

Он всю любовь, как воду, расплескал,
Пригнувшись, спрятался за спины, как за стены.
Я нынче траур по ушедшим дням надену,
Утешусь безразличием зеркал...

Знать, не судьба идти нам к алтарю,
Зима разбрызгала кругом свои белила.
О, как упорно я молчание хранила,
О, как боялся он, что я заговорю...

* * *

Восковые слова раскрошились в холодных ладонях,
В пересоленном море затонул золотистый венок.
Появляются вновь на закате крылатые кони,
Но боюсь, я совсем разучилась писать между строк.

ЛАРИСА ШКУРАТОВА

(Киев)

СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ

Надмирье дурманится серой и ладаном.

Душно

и нету

дня!

Я падаю,

падаю,

падаю,

падаю...

Мир,

принимай

меня!

Но мир

говорит:

"Ты стихами украдена:

муза

дарЭт

коня".

Мой сильный

мужчина

в пижаме

не жадина –

предал

стихам

меня.

АЛЕКСАНДР ЛЫСЕНКО

(Киев)

* * *

Возьми меня в заоблачную высь.
Взлетая, мы становимся другими.
Взлетая, мы теряем плоть и имя
и обретаем неземную жизнь.
Возьми мою молитву в царство тьмы,
звучащую земными голосами.
Два ангела над миром – это мы,
парящие с закрытыми глазами.
Двух берегов взорвавшийся гранит,
две верности над пропастью разлуки...
Как бережно Господь тебя хранит,
Как бережно свои подставил руки.
Но ангелы спускаются с небес
в холодную пустую неизбежность,
И дай мне Бог – останется к тебе
земная страсть и неземная нежность.

* * *

Посох в немеющих пальцах
Не поводьрь судьбе,
Но на правах скитальца
Я обращаюсь к тебе.
В образ земной твой вступаю,
Голову низко клоня,
Мученица святая,
Не покидай меня!
Имя твоё святится,
Светел лучистый взгляд,
И белокрылые птицы
В небе тебя хранят.

Ночью я улетаю,
Путаясь в простынях,
Мученица святая,
Не покидай меня!
Мне твои хрупкие плечи,
Скорбь на лице твоём –
Тонкая линия вечности
Между небытиём.
Тает твой образ, тает
В первых рассветных огнях,
Мученица святая,
Не покидай меня!

НАТАЛЬЯ ВАРЕНИК

(Белая Церковь)

* * *

Наши ровесники – вкладчики в прибыльном банке,
Ездят на джипах, а я всё по снегу бегу...
Ты запечатан в киоск, как в консервную банку.
Пьёшь, замерзаешь, и в ухо повесил серьгу.
Так мы взрослеем с тобою, дружок, понемножку.
Каждый таскает свой узел житейских проблем.
Стала я дамой солидной, а ты – всё такой же Сережка,
Врёшь, что женат и мечтаешь под наш "Бони М".
Книг и пластинок домой мы носили охапки,
Наши рисунки валялись повсюду горой...
Нынче ребята всё делают только за "бабки",
Некогда им заниматься подобной мурой.
Синий от стужи, а летом от зноя и пыли
Ты пропадаешь среди металлических стен...
Помнишь, Сережка, какими мы юными были,
Как нам шептал о красивой любви Джо Дассен?

В жизни не устлана розами наша дорожка,
Вряд ли по ней мы когда-нибудь в рай попадем.
Чем ты торгуешь? А ну-ка подвинься, Серёжка,
Дай посидеть на завидном местечке твоём!

* * *

Мы входим в двадцать первый век,
Еще окутанный туманом,
Как совершившие набег
Заходят в город басурманы.
Нам берег видится иной
И профиль чудится великий...
Мы оставляем за спиной
Опустошение и крики.
Струится пепел, как вода,
Сухие губы пьют прохладу,
И озверевшая орда
Летит, сметая все преграды.
Но что там? – Улицы пусты
И страшный крик сдержать не в силах,
Мы видим белые кресты
На наших собственных могилах.
Остановился бег минут,
Под ношей жизни гнутся плечи...
А те, кто после нас придут –
Что им откроется при встрече?!

ОЛЬГА СКОБЕЛЬСКАЯ

(Черкассы)

РОЖДЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стих не рождённый – призрачный, как иней –
Дохнул – и нет, растаял игл узор.
Как хочется собрать из тонких линий
Прекрасный образ, а не серый вздор.

И ноет ручка с ночи до рассвета,
Не в силах доказать свои права.
Но лист – пустой... Тьму отделять от Света
Не проще ли, чем создавать слова?

Явление мысли на листе бумаги –
Лишь тень на площадях седых миров,
И сколько ни желай небесной влаги –
Неутолима, как печаль ветров.

Луч вдохновения – всего мгновенье,
Когда слышны – и мёртвых и живых –
Все голоса...
Был первый день творенья.
Толпились буквы.
И родился Стих.

**АЛЕКСАНДР
БРОДЯГА-БРОДЕЦКИЙ**

(Запорожье)

* * *

От слов любимой он забылся
И на руки поднял красу.
Как буйный ветер, закружился,
Споткнулся... и упал в росу.

Не обижалась, не корила,
Что пыл в порывах утолил.
Она его благодарила:
Упав, её не уронил.

НЕОТВРАТИМОСТЬ

Рассвет... Вагон. Люд с рынка ехал.
Все с мыслями наедине.
И вдруг – петух прокукарекал
О начинающемся дне.

И публика заулыбалась:
Петух о жизни пел в мешке.
...А в тот же час подогревалась
На эту жизнь вода в горшке.

ТАТЬЯНА ОКУНЕВА

(Запорожье)

МУЗЫКА ЛЮБВИ

В морозный день скрипят ботинки,
Подошвы мнут январский снег.
К твоим губам лечу снежинкой
И таю на виду у всех.

Но, поцелуй не замечая,
Ты весь к "мобильнику" приник.
Я лишь зверёк, что, умирая,
Пошёл тебе на воротник.

Я лишь дымок от сигареты:
Вдохнул – и выдохнешь тотчас.
А слышишь, как звенят кларнеты,
Как горько стонет контрабас?

Когда-нибудь твой дух воскреснет,
Ты по следам моим пройдёшь,
Захочешь петь, но в новой песне
Высокой ноты не возьмёшь!

* * *

Январский вечер снежной крошкой
Летит в распахнутые двери.
Из хаты люди гонят кошку –
Дрожит печально хвостик серый.

Полкан на задний двор отправлен
На цепь короткую у будки,
И ржавый гвоздь не держит ставни –
Их ветер бьёт вторые сутки.
В хлеву голодная скотина
Не может всё уgomониться.
Ворот железных гильотина.
Односельчан немые лица.

Мне видно сзади только спины
И старой люстры блеск убогий,
Отца, склонённого над сыном,
И мать седую возле гроба.

Как горьки их скупые жесты,
Как страшен шёпот их страданья!
И молча смотрят две невестки
На жертву своего закланья.

А в кухне, всеми позабытый,
Внучонок, убежав от мамы,
Сидит над чашкой недопитой
С его пречистыми слезами.

ВЛАДИМИР КЛЁН

(Запорожье)

* * *

Стены спасительная брешь...
Осталось только просочиться.
Сам Бог велел – терпи, ключица,
снаружи нам помогут птицы –
слепые вестники надежд.
Вся суета гроша не стоит.
Всё небо стянуто дождём.
Гортань раскатывает ком.
Лавиной нежности влеком,
я всё проклятья шлю покою,
я всё спешу восстать собою,
обежать, не ведая стыда,
туда, где сонные стада
топтали травы и цветы.
Стены спасительное Ты...

АННА КИЯЩУК

(Запорожье)

ОЩУЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Кому-то зимы очи застыт стужею,
А детство снег под санками примнёт.
Но станет белый пух обычной лужею,
Которая под вечер превратится в лёд.

И солнце растревожит землю спящую,
Как женщину. Со сна размазан макияж.

Пожухлою листвою в проталинах неряшливо,
Заброшенно саднит октябрьских искр блажь.

Скворцы на крыльях принесут распевочки,
Лучи согреют иглы у сосны,
Веснушки в зеркалах расстроят девочек.
Я прорасту ольхою в первый день весны.

АНАТОЛИЙ СОКОЛОВ

(Днепропетровск)

ПОЛЫНЬ

Война затмила неба синь.
Повсюду горе волком рыщет.
Где дом был отчий – там полынь,
как лес, растет на пепелище.
Поныне память не забыла
военных лет, полынных дней.
Всё это было, было, было...
Со мной и Родиной моей.
Но горек ли полынный запах?
Я знаю, только Русь покинь,
сожмёт тоска в медвежьих лапах,
и станет сладкою полынь.

ЛЮДМИЛА НЕКРАСОВСКАЯ

(Днепропетровск)

КУРОРТНЫЙ РОМАН

У моря музыка металась
Большой доверчивою чайкой.
А я с тобою повстречалась

И познакомилась случайно.
Начало нашего романа,
Конец курортного сезона.
И от любовного дурмана
Нам страховаться нет резона.
Как скоротечны дни у моря,
Как вечера неустержимы.
А нам вернуться нужно вскоре
Домой, к привычному режиму.
Начало нашего романа,
И в море тонущие звёзды.
А нам с тобой прощаться рано,
А назначать свиданья поздно.

* * *

Я – не Тамара.
Я другая.
И нужен мне другой подход.
Не руки, что меня ласкают,
Но слово, что в полон берёт.
И мне иное выраженье
Так видеть нравится у Вас.
Нет, не любовь, не восхищенье,
Но вдохновенье Ваших глаз.

ЮРИЙ ПОЛИССКИЙ

(Днепропетровск)

* * *

Никому завидовать не надо:
Ни тому, кто без забот живёт,
Ни тому, чей китель весь в наградах,
Ни тому, кого удача ждёт.

Никому завидовать не надо:
Горем каждый не был обойдён.
И хоть раз, но покидает радость
Каждый – вдруг осиротевший – дом.
Всякому движенью есть преграда,
Только время вспять не повернуть.
Никому завидовать не надо.
Торопись! Как короток наш путь...

СТАНИСЛАВ КУЗМИН

(Днепропетровск)

НОМО-РОЕЗ ...

Гомопоэз – процесс кроветворения – образование,
развитие и созревание клеток крови...
(БЭС 1981 г. изд., стр. 664...)

Нас
Не-снос-ных
Немного...
Умеющих Пере-(тер)-Петь
Рас-
Творение Слога
Меж плазмой и
эритроцитом.

Это – больше не кровь.
Это – Духа горчащая снесь,
Неуёмная плеть
и всего единицам –
АмрИта...

Попадает строка
И потом лихорадит – год!..

Раздражают
ди-джеи,
плебеи,
Попса и реклама...
В горле
комом вопросы:
"За что?",
"Для чего?" и ...
"КОГДА???"
Отворяются вены
и клещет из них –
амальгама...

Доктора говорят: "Уникальнейший гомопозэ!"
(Сами не понимая насколько их термин уместен!!!)
Кроветворный процесс,
Единенье людей и Словес
При ухмылке Небес:
"Докричись, когда МИР станет тесен..."

Хрипом сменится вой, кляксы ртути заляпают лист,
Полоснувший запястье не хуже отточенной стали...
Вот и всё... Многоточие... Больше не выйти "на бис!" ...
Не судите "несносных". Они свою кровь дописали...

ЮРИЙ ЛЕБЕДЬ

(Донецк)

* * *

Всегда мы умные потом –
на лестницах и в коридорах,
отмыв гнилые помидоры,
и клеветы налипший ком.

Всегда мы умные потом –
когда звезда давно потухла
и лишь прокуренная кухня
всю правду знает о былом.

Всегда мы умные потом,
когда бессмысленно молиться...
И прячем в старые пальто
перелицованные лица.

* * *

Когда не будоражат виражи,
и риск – не риск, а так – пустое что-то,
накатит вдруг: осточертело жить,
и в самый раз свести с постылой счеты.

Пускай потом, любя, начнут ругать:
скончался, мол, от собственного вскрика...
Но ждут долги, чтоб их врагам отдать,
ждет рукопись, беременная книгой.

За дверью ждёт давно ничейный пес.
А не дожждётся – жалобно завоет...
Похоже, я до петли не дорос.
Пойду-ка лучше двери псу открою.

ЛЕОНИД БОРОЗЕНЦЕВ

(Винница)

* * *

На два дня в Коктебель
И – обратно домой, на Итаку,
Чтоб счастливый обломок
Сквозь время вернуть кораблю.

Там где волны – постель.
Сердце вторит вселенскому такту:
Язычками их гребней
По воздуху пищет: "Люблю".
На два сна в Коктебель,
Где ракушками люди на пляжах:
Облепили, вросли.
Где различных наречий коктейль.
Где и горы – волной,
И текут виноградные кряжи
Золотыми слезами
На древнюю пустошь земель.
На две ночи: взглянуть
На камней человеческий профиль –
Безмятежно, без мыслей
В цикадном оркестре уснуть,
Крымских звёзд подмешав
В кем-то наспех заваренный кофе
В чаше пенного неба.
Где капля рассвета – как ртуть.

ЮРИЙ ЯКИМЕНКО

(Измаил)

МАЛАЯ РОДИНА

Я не приму слепой и рабской
Любви, согласной всё простить,
Но перед степью бессарабской
Хочу колени преклонить.

С библейских дней пути народов
Пересекают эту степь.
Благословенная природа
Всем дарит щедро соль и хлеб.

Здесь тополей седых проклада
И ароматная полынь.
Янтарь хмельного винограда
Переливает неба синь.

И в летний зной у водополя
Овец обширные стада.
Всё здесь обласкано покоем –
Поля, селенья, города.

И меж реальностью и сказкой
Всего лишь тоненькая нить...
Я перед степью бессарабской
Хочу колени преклонить.

ЭЛЕОНОРА БУЛГАКОВА

(Харьков)

Я ПОМНЮ ВСЁ

Я помню всё, глаза твои и губы.
Вспоминаньям жарким нет конца.
На лбу морщинок милых почерк грубый,
Но я не помню твоего лица...

Хочу держать его в своих ладонях,
Ни на единый миг не выпускать,
Но между нами пропасти бездонье –
Нью-Йоркская прописка и печать...

Я писем жду, как ждут дождя крестьяне,
Как урожая ждут в голодный год,
А скоро поцелуев наших пьяных
Последняя заметка пропадёт...

ЮРИЙ КРЫСАНОВ

(Чернигов)

* * *

Дочери

Здесь денёк – вас укрыла ноченька.
Океан, из окна – Голливуд.
Ох, куда ты уехала, доченька,
и какие там люди живут?
В Украине сегодня голодно –
видит Бог – я на хлеб молюсь.
Мой сентябрь – синева да золото
да осеннего ветра блюз.
В телевизоре – весь
Лос-Анджелес –
посмотреть – настоящий Рай.
...Временами суровым кажется
наш обиженный веком край.
Да, в Америке – жизнь хорошая,
глянешь – где моя голова...
Только небо своё не брошу я –
не такая там синева!

ИРИНА КИМЛЫЧЕНКО

(Киев)

* * *

Ты такой же, как и прежде,
Над тобою гордо реет
Свора сборщиков бутылок:
Ждут, пока ты выпьешь пиво

Я приду к тебе, как раньше,
Опоздав минут на десять,
Потому, что мне печально
Ночевать одной в кровати

Я, конечно же, отвечу
Что "Всю жизнь тебя любила!"
Так как ты без этой фразы
Называешь это бл.....ом

И вообще, на то похоже
Что, при всех моих злключениях,
Мне грозит пожизненное заключение
За прижизненное тунеядство

ГЛЕБ СИТЬКО

(Киев)

В ОЖИДАНИИ РОДИНЫ

Волей-неволей висить за пластмассовым столиком
Двери во двор – телевизор с загадочным роликом
Хлебное поле сквозит за двухтысячным ноликом
Сколько здесь стоит гранёный с грузинским полковником?

Водку заглатывать – что целоваться с покойником
С полки на полку ползёт алкогольная хроника
С попки на попку скольжу сквозь очёчки спокойненько
Тонна за тонной – тоски и иронии слоники

Шкалик и чашечка соли и первые колики
Оле Лукое торгует потрёпанным сонником

Вали и Коли, и школьники, и алкоголен –
Только лишь жизни страны твоей малая толика

Знамя над ратушей, церковь, и кони, и бобики
Памятник тем, кто поныне – под пулями, голенький
Всё это станет реальностью, если позволите...
"Что вы, мы просто, мы так... Дожидаемся троллика!"

ЛИНА ПРИБЫЛЬСКАЯ

(Киев)

ВОСПОМИНАНИЕ

...мне полтора года,
копаюсь в песочнице.
Срывая ногти, рою вглубь, до гравия,
хочу найти – как устроена земля?
почему нельзя пойти прямо вверх и уйти на небо?
чем звёзды держатся друг за друга?
почему люди похожи на снежинки –
одинаково ветвятся от центра?
почему ссорятся?
почему жизнь? а что ещё бывает?
почему спишь в разные сны, а просыпаешься в один и тот же?

До сих пор занимаюсь тем же.
Так и не нашла.

АЛЕКСЕЙ ПРИВЫЛЬСКИЙ

(Киев)

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

"Я Вечности был должен пять копеек
и 28 лет не отдавал"

Свои следы чеканя по металлу
разрушенных и взорванных ворот
на сломанных ногах мы шли в Валгаллу,
сжимая в мертвых пальцах огнёмёт.

Мы может быть не этого хотели,
но, не боясь позора и тюрьмы,
кто разглядит сквозь белые метели
о чем и впрямь тогда мечтали мы?

Когда лет пять назад, по сильной пьянке,
горланя залихватское "ура!",
мы Землю угоняли со стоянки
и на ходу срывали номера,

когда наш шар опасно накренился,
рискнув в лицо милиции стрелять...
Ты жалуешься – мир переменялся.
Прости – я не сумел им управлять.

Асфальт небес прогнулся и крошился,
и не вписавшись в этот поворот,
прости, я как пилот, тогда ошибся.
Я, как всегда, ошибся, как пилот.

От жизни мне нужна бутылка пива
и вряд ли нужно что-либо ещё.
Полет окончен грубо и красиво
и нечем оплатить конечный счёт.

МАРИНА ПЬЯНЫХ

(Киев)

* * *

В тихих словах нет ни дрожи, ни горечи.
Всё отлегло. Только липы цветут.
Вот и растаяли жёсткие обручи,
только круги дождевые плывут.

Свечи не теплились. Не было ладана.
И не святые лучились глаза...
В мартовских сумерках я предугадана,
мартовский ветер обиды слизал.

Встречи, невстречи – житейские мелочи.
Утром проснёшься и – жизнь хороша!
Я Вас люблю, мой неласковый стрелочник,
и от любви голубеет душа.

СЕРГЕЙ МОСКАЛЕНКО

(Житомир)

Но не время сейчас о бренном.
Ветви – трещины синевы...
На наречьи каком-то древнем
К нам из бездны обращены.
Стужа путает разговоры
Под светилом – таким косым...
И облизывает светофоров
Разноцветные леденцы.
Словно в детстве не зная боли,
Режет пальцы о скол Луны.
И стоит одинокий тополь,
Как монах, посреди зимы...

* * *

Вышел за хлебом в небо –
В небе – переучёт.
Где-то поют молебен,
Кто-то звенит ключом...

Белым слепящим пухом
Выстелены сады.
Где-то у края слуха
Слышится шум воды.

Так же цветы и трели
Сказочно хороши...
Только... во всех Пределах
Нет ни одной души...

Вышел... В попытке тщетной –
В Небе переучёт –
Небо простилось с чем-то...
Или чего-то ждёт...

СВЕТЛАНА ДАВИДЕНКО

(Житомир)

* * *

Открой всё настезь – к нам пришла беда...
Ныряй под воду, плавай между строчек.
Оранжевыми стали города –
А сердце кровоточит... кровоточит...
Совсем одна, брожу среди могил,
Без снов и слов, без крыльев для полета...
И это – мир, который ты любил?
Во мне он вызывает только рвоту...

Повержены враги... Кого винить?
Все краски мира обратились в серый...
И раз ты зряч, любимый, объясни –
Куда идти, когда теряешь веру,

Когда теряешь путь, и свет вдали
Скрывается в тумане отрицаний,
И все, кто был так близок – все ушли,
Наверно, оказавшись подлецами –

Смешно... И больно. Не хватает слов.
Шепчу, как мантру: Я – ТЕБЯ – ЗАБУДУ...
Тринадцать лет, как умерла любовь –
Я всё не хороню... И верю в чудо.

СЕРГЕЙ КРИВОНОС

(Сватово)

В ДЕТСТВЕ

Помню, в брюках, изрядно поношенных
(Младших братьев удел такой),
Я бежал по тропе запорошенной,
Поселковый разрушив покой.

И сплетались тропинок линии,
И кричали вдали поезда.
Жизнь, казалось – такая длинная,
Что не кончится никогда.

Сток соломы стоял заброшенно,
Пахло дымом печным, а вдали
Быстроногие добрые лошади
Бригадира в санях везли.

И смотрел на рассветное небо я,
Бледный месяц, ища в синеве,
Стихотворные строчки нелепые
Возникали в моей голове.

И шумели вороны потешные,
Чуть покачивались тополя,
И ждала уже первых подснежников
Запорошенная земля.

ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС

(Донецк)

* * *

Ни одного потерянного мига
Я не прощу рутине серых дней.
Желтеет ненаписанная книга,
И клякса под фамилией моей.

Из вечности пока не передали
Прямой потусторонний телефон,
И холодно и пусто на причале,
На берегу законченных времён.

Какая непростительная глупость
Не жить любовью первые сто лет,
Надеясь, чтобы прошлое вернулось,
И отменило горестное "нет".

Долой несовершенные признанья,
Я отменяю гордости печать.
Есть этому простое основанье:
За нелюбовь придется отвечать.

Когда настанут сроки век итожить,
Не повернуть судьбу, как ни зови,
И каждый день, что выверен и прожит,
Запомнится пусть капелькой любви.

ВИКТОР МОСТОВОЙ

(Стаханов)

* * *

Я люблю.
Давно со мною не было
Этого безумия. Люблю!
А снежинок суета нелепая
Бередила душу декабрю.

Я люблю.
А жгучий ветер с рвением
Взвихрил клопья, как волос копну.
Странно, что в людском столпотворении
Вижу только женщину одну.

* * *

Любимая, нужно ли спорить?
Пусть тени бегут по углам!
Ах, нам поскорей бы зашторить
Огни фонарей и реклам.

Я тихой печали пластинку
Поставлю. Затеплится взгляд.
На стула высокую спинку
Одежды твои полетят.

Неистов порыв.
Без оглядки
Утопим в объятьях тела...
Родная, зачем в жаркой схватке
Мне в губы слезинка стекла?

МИХАИЛ КВАСОВ

(Луганск)

Если только захочешь...
Хочешь, я стану ветром?
Или дождём весенним?
Или ручьём прозрачным,
Лягу у ног твоих.
Ярким, слепящим солнцем,
Падшей листвой осенней,
Мягким, пушистым снегом,
Музыкой для двоих?
Радугой невесомой,
Хочешь, укурю плечи?
Пригоршни звезд рассыплю
Я в волосах твоих.
Стану мечтой заветной,
С детства такой знакомой.
И превращу я
В Вечность
Счастья короткий миг,
Хочешь?..

АЛЕКСАНДР СИГИДА

(Луганск)

СТАРЫЙ ТРАМВАЙ

улицей синего в дымке Камброда
к шпалам и рельсам сползает трава;
тихо звеня – жестяная подвода –
катится вечером красный трамвай.

там, на лежащем в тени перекрёстке,
в сумерках долгого, пыльного дня,
я узнаю себя в этом подростке;
он, интересно, узнает меня?

что-то, конечно, надолго забыто;
это, возможно, совсем не Камброд.
катится вниз жестяное корыто;
кажется, кто-то стоит у ворот...

стоит ли дёргать уснувшую память?
там, у калитки, наверно, отец...
мы с ним столкнулись горячими лбами
и разминулись совсем; наконец

я собираюсь лицо его вспомнить,
то, что ещё не имеет лица,
приобретает надёжные корни
и приобщается к лику Творца.

ГЕННАДИЙ СУСУЕВ

(Луганск)

НЕНАПИСАННЫЕ СТИХИ

Не в книгах, не на полке,
Другому не видны –
Проклятые осколки
Невидимой войны!
Про прелести природы
Писать всё тяжелей –
Уносит время годы,
Как жизни Колизей.
Не смоем миг победы
Всей горечи утрат.
Уйду. Сожгу. Уеду.
Порву свою тетрадь.
И буду жить на свете,
Не мучая слова.
Как эта степь и ветер,
Как дерево, трава...
Но никуда не деться,
Не обрести покой.
Опять кольнуло сердце.
Задетое строкой.

РАИСА ФИЛАТОВА

(Хмельницкий)

* * *

Мне вслед смеялась завирюха,
Хихикал ветер озорной:
– Скажи, куда спешишь, старуха,

В ненастный день, лихой такой?
– Спешу я к другу на свиданку,
Его не видела давно,
О том мечтала спозаранку,
И не глядела я в окно.
И никакая завирюха
Меня не смеет удержать,
Её я слушаю в пол-уха,
А на твои "хи-хи" плевать.
Что заменить, ответь мне, сможет
Живой беседы благодать,
И, кроме друга, кто поможет
Тревоги в сердце разогнать?

ОЛЬГА ЗАЙКА

(Здолбунов)

* * *

Стала старше на десять зим
И мудрее на 10 вёсен,
Заблудившимся ветром седым
Меж верхушек прозрачных сосен.
С простотой монастырского дня
И дорог, что проходят сквозь Вечность,
Эта песня (уже для меня)
Бабым летом трепещет навстречу.
И туманов уснувший дым
Обнимает густую просинь...
Стала старше на десять зим
И мудрее на десять вёсен...

**ВАЛЕНТИНА
ЗАХАРЧЕНКО-БУРЦЕВА**

(Киев)

ПОСВЯЩЕНИЕ БАБЕ ЯГЕ

В серой пляске лес пустынный
Закружился с чёрным ветром,
То кукушка кличет сына
Ею брошенного где-то.

Как разорванная риза
Бьётся на ветру берёза.
И стекает вечер сизый
Вниз по веткам, словно слёзы.

А в избушке на опушке
На клюку опёршись криво,
Седоглавая старушка
Улыбается счастливо...

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Пусть падают листья в глубокие лужи,
И осень купается в окнах полночных!
Пусть дождь не смолкает – кому-то ведь нужно
Омыть этот город из труб водосточных!

Пусть Гегель пылится на полках усталых,
Уснувшие мёрзнут студенты в общагах...
И рушится небо на старых и малых,
И боги дерутся на огненных шпагах!

Пусть ночью осенней погаснут рекламы,
И в лужах по щиколотки утопая

Так чисто – идти мимо древнего храма
В дожде растворившись к приходу трамвая!..

Пусть осень! Пусть мокнут деревья и ноги!
И ветер гуляет в голодном желудке!..
Но тихо касаются Единороги
губами ладоней с куском арнаутки...

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЕВАЯ ВИЗА

Светлана Кекова (<i>Саратов</i>)	3
Юрий Ряшенцев (<i>Москва</i>)	8
Галина Климова (<i>Москва</i>)	17
Николай Переяслов (<i>Москва</i>)	20
Тамара Жирмунская (<i>Мюнхен</i>)	24
Лев Готгельф (<i>Александров</i>)	31
Ираида Лёгкая (<i>США</i>)	35

РЕЗОНАНС

Анатолий Лемыш	38
Александр Мороз	41
Анатолий Зарицкий	44
Игорь Янович	48
Библейская антология	
Марина Переяслова: Сопротивление чёрному цвету . . .	50

МЕНЮ ПО-КИЕВСКИ

Екатерина Квитницкая	55
Владимир Черепков	58
Леонид Давиденко	63
Юрий Каплан	65
Станислав Бондаренко	69
Светлана Русанова	72
Валерий Акопов	74
Вячеслав Рассыпаев	85
Нила Высоцкая	87
Геннадий Семенченко	89
Анатолий Юхименко	91

ГОСТЕВАЯ ВИЗА

<i>Юрий Каплан</i> . Перекрестки и встречи судьбы	
Валентины Синкевич	94
Валентина Синкевич (<i>Филадельфия</i>)	102
Татьяна Калашникова (<i>Оттава</i>)	111

Игорь Михалевич-Каплан (<i>Филадельфия</i>)	115
Светлана Соложенкина (<i>Москва</i>)	119
Рина Левинзон (<i>Иерусалим</i>)	121
Сергей Надеев (<i>Москва</i>)	125
Лариса Миллер (<i>Москва</i>)	129
Евгений Минин (<i>Иерусалим</i>)	132

ВСЁ ОСТАЕТСЯ ЗДЕСЬ...

Юрий Каплан. Ольга Бешенковская	136
Ольга Бешенковская	138
Юрий Каплан. Юрий Шанин	143
Юрий Шанин	144
Марьяна Степанова. Владимир Кухалашвили	146
Владимир Кухалашвили	146
Мария Чикарькова. Мария Тилло	148
Мария Тилло	150

ПОЭТОХРОНИКА

Фестивали, турниры...	153
Марк Шевелев	154

РЕЗОНАНС

Татьяна Чепелянская	157
Виталий Егоров	159
Оксана Маршал	161

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Игорь Кручик. Последний раз его видели на Крещатике	163
Анатолий Маковский	165

ПОЭТОХРОНИКА

V и VI фестивали русской поэзии Украины	168
Елена Буевич (<i>Черкассы</i>)	170
Игорь Кручик (<i>Киев</i>)	171
Петр Толочко (<i>Киев</i>)	173

Валерий Басыров (<i>Симферополь</i>)	174
Тамара Севернюк (<i>Черновцы</i>)	178
Игорь Царёв (<i>Москва</i>)	179
Леся Тышковская (<i>Киев</i>)	183
Владимир Спектор (<i>Луганск</i>)	185
Александр Корж (<i>Боярка</i>)	187
Светлана Скорик (<i>Запорожье</i>)	187
Игорь Росоховатский (<i>Киев</i>)	189
Оксана Михальчук (<i>Киев</i>)	191
Михаил Красиков (<i>Харьков</i>)	192
Марина Матвеева (<i>Симферополь</i>)	193
Олег Озарянин (<i>Житомир</i>)	195
Владимир Белозерский (<i>Житомир</i>)	197
Сергей Дунев (<i>Житомир</i>)	199
Надежда Агафонова (<i>Николаев</i>)	200
Алексей Торхов (<i>Николаев</i>)	201
Любовь Матвеева (<i>Севастополь</i>)	203
Елена Руни (<i>Луганск</i>)	204
Лада Федоровская (<i>Херсон</i>)	205
Анатолий Мозжухин (<i>Киев</i>)	206
Лариса Юхименко (<i>Ирпень</i>)	207
Виктория Шпак (<i>Киев</i>)	208
Александр Наумец (<i>Киев</i>)	209
Евгения Ветрова (<i>Киев</i>)	210
Марьяна Степанова (<i>Киев</i>)	211
Владимир Ильин (<i>Киев</i>)	213
Лариса Шкуратова (<i>Киев</i>)	214
Александр Лысенко (<i>Киев</i>)	215
Наталья Вареник (<i>Белая Церковь</i>)	216
Ольга Скобельская (<i>Черкассы</i>)	217
Александр Бродяга-Бродецкий (<i>Запорожье</i>)	218
Татьяна Окунева (<i>Запорожье</i>)	219
Владимир Клён (<i>Запорожье</i>)	221
Анна Киящук (<i>Запорожье</i>)	221
Анатолий Соколов (<i>Днепропетровск</i>)	222
Людмила Некрасовская (<i>Днепропетровск</i>)	222
Юрий Полисский (<i>Днепропетровск</i>)	223

Станислав Кузьмин (<i>Днепропетровск</i>)	224
Юрий Лебедь (<i>Донецк</i>)	225
Леонид Борозенцев (<i>Винница</i>)	226
Юрий Якименко (<i>Измаил</i>)	227
Элеонора Булгакова (<i>Харьков</i>)	228
Юрий Крысанов (<i>Чернигов</i>)	229
Ирина Кимлыченко (<i>Киев</i>)	229
Глеб Ситько (<i>Киев</i>)	230
Лина Прибыльская (<i>Киев</i>)	231
Алексей Прибыльский (<i>Киев</i>)	232
Марина Пьяных (<i>Киев</i>)	233
Сергей Москаленко (<i>Житомир</i>)	233
Светлана Давиденко (<i>Житомир</i>)	234
Сергей Кривонос (<i>Сватово</i>)	235
Василий Толстоус (<i>Донецк</i>)	236
Виктор Мостовой (<i>Стаханов</i>)	237
Михаил Квасов (<i>Луганск</i>)	238
Александр Сигида (<i>Луганск</i>)	239
Геннадий Сусуев (<i>Луганск</i>)	240
Раиса Филатова (<i>Хмельницкий</i>)	240
Ольга Зайка (<i>Здолбунов</i>)	241
Валентина Захарченко-Бурцева (<i>Киев</i>)	242

*Литературно-художественное
издание*

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Альманах поэзии

Выпуск пятый

Редактор Каплан Ю. Г.
Эскиз обложки – Москаленко Е. М.
Технический редактор – Янович И. П.

Подписано к печати 20.12.2006
Формат 60x84 1/16
Печать офсетная
Заказ 7-520.

Издательская фирма «ЮГ»
г. Киев, ул. Смоленская, 6
Свидетельство ДК № 34 от 07.11.2006.

Отпечатано в типографии Военного издательства «Варта»
04116, Киев-116, ул. Шолуденко, 27/6.